

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Том I.

Составитель: Богдан Заднепровский

Серия: «Сборники АРМ»

Издательство
«Авангард русской молодёжи»
АРМ 2016 год

Предисловие.

В данном сборнике словарных, авторских статей и отрывков из произведений, показаны события, люди и идеи в рамках истории национал-социализма, неизвестные широкой аудитории. За мрачной тенью гитлеризма скрывается посредством забвения и пропаганды совершенно иной облик этого политического движения. Как марксизм не является синонимом всему социалистическому учению, так и гитлеризм не является всеобъемлющим содержанием национального социализма. Он всего лишь один из его ложных путей, тёмная страница, каковые были и в других политических движениях.

Инквизиция; геноцид коренных народов Америки конкистадорами и американской демократией; огораживания в Англии и голод в Ирландии при конституционной монархии; геноцид армян в Турции; многочисленные колониальные войны; Первая мировая война; Гражданская война в России с «красным» и «белым» террором и голодом; голод и репрессии 1930-х в СССР; «культурная революция» в Китае; режим Пол Пота; вторжения демократий после 1945 года во Вьетнам; Лаос; Палестину; Афганистан; Ирак; Сербию; Ливию и многие многие другие драматические истории, повлекли за собой гибель миллионов невинных людей. За этими событиями также стоят политические режимы, идеи, движения и амбиции. Но они не получили подобного Нюрнбергу осуждения, хотя не менее достойны его.

Однако белые страницы этих идей и движений продолжают жить, несмотря на тёмную кровавую тень своего прошлого. Она их не тяготит.

Поэтому читателям стоит ознакомиться с неизвестной и мало освещённой исторической стороной национального социалистического движения, чтобы лучше понять прошлое политических идей и движений в целом.

Сборник предназначен для широкой взрослой аудитории, студентов вузов, преподавателей.

Богдан Заднепровский

Содержание.

В. Линдсей-Уиллер.

Истоки национал-социализма.

статья из «Метапедии». http://en.metapedia.org/wiki/National_Socialism_origins

Национал-социализм – это революционная идеология, движение, феномен, который сочетает националистические идеалы с социалистическими, как способ социальных преобразований для реорганизации и прогресса (развития) общества. Выражение «национал-социалистический» было впервые использовано чешскими социалистами, желавшими быть националистами в 1896 году. Это синтез идей социальных реформ, централизации, эгалитаризма, коллективизма, национализма и австрийского и немецкого этнического национализма. Также под всем этим подразумевают и фашизм. Он имеет определенное сходство сил и концепций, которые были реализованы во время Великой французской революции. Кроме того, он был разработан спонтанно в разных странах людьми, которые хотели социализма без острой классовой борьбы и интернационализма, на которых настаивал марксистский социализм, и которые в то же время хотели оставаться националистами. В соответствии со словами сэра Освальда Мосли: «Если вы любите свою страну – вы националист, если вы любите свой народ – вы социалист». Это стало мощной идеей.

Не существует единственного основателя или места происхождения данного учения. Нет также набора доктрин, которые были бы общими для всех, в отличие от марксизма, который был доктринерским и имел главного основателя. Национальный социализм был движением, возникшим диалектически в результате конкретных внутренних обстоятельств и внешних событий, влиявших друг на друга. Хронология событий национал-социализма показывает, когда люди разных частей Европы начали использовать слово «национал-социализм» (прим. переводчика – в данный момент переводится).

Национальный социализм является реакционным (в другом, не консервативном смысле этого слова), он стал реакцией на интернациональный социализм, который возник приблизительно в 1848 году. Интернациональный или еврейский социализм стал известен как коммунизм. Конечная цель коммунизма по Карлу Марксу звучит в конце Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!». Интернациональный социализм или коммунизм поддерживал упразднение наций и национальных различий во имя создания Общего Мира. Одна из идеологических целей интернационального социализма уничтожение корней. Такая перспектива многих обеспокоила и даже испугала. Национальный социализм сформировался диалектически вслед за интернациональным социализмом, как отрицание конечных целей интернационального социализма. Национальный социализм (или фашизм) желал сохранить этничность (национальную идентичность).

Помимо прочего, интернациональный социализм основывался на теории классовой борьбы и диктатуре пролетариата. Что спровоцировало гражданские войны, в которых пролетариат попытался отнять власть у буржуазии. Фашизм/национал-социализм хотел покончить с этим обостренным антагонизмом, классовой борьбой путем создания разрешительных комитетов между рабочими и собственниками. Национальный социализм хотел гармоничное общество, где все работают вместе на благо государства/нации.

Эта идеология оказала опасное, взрывное и решающее влияние на историю мира в 20-м столетии и ее появление дало шанс мировому еврейству на разжигание Второй Мировой войны, в которой погибли миллионы людей.

Национальный социализм подобно коммунизму является хилиастическим/тысячелетним движением; в нем речь идет о свержении Старого порядка и установлении Нового порядка.

Общая история.

Социализм как политическая сила возник во Франции и был рожден одним человеком – Жан Жаком Руссо. Как главный вдохновитель Великой Французской революции Руссо еще известен в качестве «отца» современного политического национализма. С возрождением классицизма, Руссо желал установить духовную близость с идеалом греческих городов-государств, основанную на его общей воле 1 . Именно республиканская армия распространяла «новый национализм за рубеж и побуждала другие народы, или, по крайней мере, их образованный класс, к состоянию его восприятия. Через десятилетия после Французской революции национализм считался революционным механизмом. Руссо не единственный основатель политического национализма, но после того как еврей Карл Маркс использовал свои идеи в очень разрушительном ключе, эти идеи стали родственными по линии социализма.

«Многие авторы рассматривали социализм в основном как французский по своему происхождению, начиная с энциклопедистов, прежде всего Руссо, в чьих работах мы можем найти некоторые зачатки социалистической философии» 2

Современный социализм также преимущественно интернациональный или антинациональный. В дебатах с Домелой Ньевенхуисом, голландским лидером анархистов, Август Бебель, который был против бисмарковской политики ирредентизма «заявил, что в случае нападения на Германию России, например, социал-демократия сплотит все силы для защиты Отечества» 3 . Это показывает, что для интернациональных социалистов даже национализм является средством достижения их антинационалистических целей.

Сотрясаемая беспорядками со времен революции, Франция была тогда осаждена еще одной опасной силой, называемой «революционный» социализм или для краткости «коммунизм». Данная новая форма революции пугала очень многих, и они объединились под руководством одного человека. Сопротивление этому новому образцу революции оказал Луи Наполеон. Его решение было сочетать диктатуру, организованную на популистской основе с программой социальных реформ. Он должен был соединить социалистический инстинкт и глубочайший республиканизм как «воплощение Революции» по словам Прудона 4 .

Писатели в Германии рассматривали Наполеона как предвестника национального социализма. Немецкий автор Франц Кемпер писал в предисловии к переизданию книги Константина Франца «Массы или народ» 1852 года, что «Восхождение к власти Луи Наполеона является единственной параллелью с национал-социалистической революцией наших дней». Другой немецкий писатель, Михаэль Фройнд утверждал, что Наполеон был единственным реальным революционером 1848 года. Еще один германский национал-социалист К.Х. Бремер заключил, что Наполеон нашел реальную движущую силу революции в социальном вопросе, в отличие от конституционного вопроса у республиканцев 1848 года. «Его великая цель заключалась в создании политической системы,

основанной на единстве всех классов и всех интересов во Франции» 5 . Это был ответ на марксистский социализм. Наполеон стал первым, кто развил своего рода национальный социализм.

Интеллектуальные основы фашизма можно найти у Пьера Жозефа Прудона. Его идеи могут быть описаны как негармоничные. Он защищал частную собственность и институт семьи от революционных социалистов. Он хотел развить народное владение в противовес аристократической собственности. Также он осуждал насилие коммунистов и защищал средний класс от финансового капитала, который разрушал средний класс посредством процента и пролетариат с помощью прямого насилия. Капиталистом для него был финансист. Прудон был против отмены конкуренции, потому что он считал ее жизненной силой, оживляющей все общество. Он был защитником среднего класса. Прудон выступал против демократии (особенно парламентаризма), как «замаскированной аристократии». Он продвигал идею войны как средства человеческого прогресса, хотя бы в ней и было заключено зло. Более того, он выступал за однопартийность и за формирование «элиты» для направления социальных реформ. «Именно он первым озвучил фашистский принцип о революционном отказе от демократии и социализма» 6 .

Многие фашистские писатели указывают и признают, что Прудон являлся интеллектуальным предтечей фашизма. Виллибальд Шульце провозгласил Прудона проводником национал-социалистической Германии, потому что тот отверг социализм, капитализм и демократию. Г-н Шульце увидел, что Прудон, как и национал-социализм защищает частное предпринимательство и выступает против прибыли и процента. К.Х. Бремер утверждал, что Прудон популяризировал антилиберализм как социальную идею и если бы Луи Наполеон прислушался бы к нему, то возможно его диктатура была бы намного удачней 7 (18). Француз, Эдуард Берт называл Прудона «отцом современного социализма». Берт адаптировал множество идей Прудона, особенно «социализацию коммерции и государства». Юбер Лагарделль называл Прудона основателем анархо-синдикализма, который выделился из Итальянской социалистической партии, чтобы сформироваться в Союз интернационального революционного действия, предтечу фашистской партии Муссолини. Жорж Сорель, оказавший большое влияние на развитие фашизма, был учеником Прудона. И Берт и Сорель опирались на Ницше и Прудона, поскольку те предложили новую структуру для социализма. Сорель указал на Прудона, как на представителя «нового духа в социализме». Сорель собирался завершить работу Прудона 8 .

В этой среде в 1898 году француз Морис Барре был первым в Западной Европе, кто употребил термин «национальный социализм», когда выставлял свою кандидатуру в Нанси 9 . «Идея национального социализма быстро распространилась по всей Европе» 9 . Шарль Моррас заявил, что существует «форма социализма, лишенная демократических и космополитических наслоений, которая подойдет национализму так же, как хорошо сделанная перчатка красивой руке» 10. Ницше провел аналогии между социализмом и национализмом. Он рассматривал оба, как «управляемые завистью и ленью» 11 . «Жюль Моннеро в своей «Социологии коммунизма» утверждает, что современная тирания должна всегда сочетать социальную (социалистическую) и национальную привлекательность» 11 .

Австро-Венгерская империя.

Подоплека германского синтеза национализма и социализма формировалась в Чехии и Австрии, которые обе были включены в Габсбургскую монархию, называвшуюся Австро-Венгерской империей. Национализм носил революционный характер из-за непопулярной Габсбургской монархии и ее космополитизма.

Чехия.

В 1896 году, Чешская партия была первой, взявшей словосочетание «национальный социализм» в название политической партии в европейской истории. Это случилось, когда фракция под руководством Кловача, Стрибни и Франке вышла из социал-демократической партии Чехии. Они назвали свою партию Чешской национал-социалистической партией.

Австрия. Судеты.

Рудольф Юнг в своей книге прослеживает становление австрийского (пангерманского) национал-социализма в связи с деятельностью Фердинанда Буршовски и Людвига Фогеля 12 . Барон Галера указывает на другую личность «некоего Франко Штайна, который в 1897 году перенес небольшую газету «Молот» из Вены в Егер (Чеб, Чехия). Штайн состоял в крошечной организации – Германский национальный рабочий союз. Три члена Моравско-Требовского объединения, координирующей организации (то, что немцы называют «организацией-крышей») националистический рабочих объединений в Моравии, Ганс Книрш, Рудольф Юнг и Ганс Кребс, пошли дальше, чтобы стать членами дочерней партии, Национал-социалистической партии Адольфа Гитлера. Именно Рудольф Юнг привез материалы и книги ДАП (Германской рабочей партии) в Мюнхен.

Фердинанд Буршовски считал фон Шёнерера слишком буржуазным, чтобы тот был лидером рабочего движения. Тот был лидером в одной из организаций Германской национальной рабочей лиги. В апреле 1902 года состоялся партийный конгресс, совещание «Организации националистического труда» в Зааце (Затек, Чехия). 15 ноября 1903 года сформированная политическая партия получила название Германской рабочей партии (DAP), ее секретариат расположился в городе Аусси г (Усти-над-Лабем, Чехия). Ее можно рассматривать, пожалуй, как самый важный центр раннего германского национал-социализма 13 . Год спустя, в Траутенау, они создали программу, которая в частности гласила:

«Мы, свободолюбивая националистическая партия, которая энергично борется против реакционных тенденций, таких как феодальные, клерикальные, капиталистические привилегии и всех прочих чужеродных влияний».

В 1904 году Ганс Книрш, который был родом из Моравии, предложил поменять название Германской рабочей партии на Германскую социалистическую партию или на Германскую национал-социалистическую рабочую партию. Предложение было отклонено, так как партийцы не желали копировать чехов, у которых в названии было словосочетание «национал-социалистический». Но, наконец, на партийном съезде в Вене в мае 1918 года, ДАП (DAP) сменила свое название на Германскую национал-социалистическую рабочую партию (DNSAP). После распада Австро-Венгерской империи данный национал-социализм стал называться австрийским национал-социализмом.

Французский национал-социализм.

В 1903 году, социалист Пьер Бьетри формирует национал-социалистическую партию. Годом позже она сменила название на «Национальная федерация желтых Франции». Название «желтый» социализм было дано в противовес «красному» или революционному социализму, марксизму. Этот «желтый» социализм был жестким антагонизмом марксизму. Он пытался отвоевать рабочих у «красного» социализма. «Французское движение выступает в качестве модели для швейцарских и немецких желтых организаций, с которыми оно тесно связано» 14 .

В 1925 году Жорж Валуа основал первое не итальянское фашистское движение «Le Faisceau» и определил его как «национализм + социализм = фашизм» 15 . Пьер Андре, ученик Жоржа Сореля, опубликовал статью под заголовком «Фашизм 1913» во французском журнале «Комбат» (февраль 1936), в которой он отметил необычный синтез синдикалистов и националистов.

Германский национал-социализм.

«Йозеф Пфицнер, судетский автор германского национал-социализма, писал: «синтез двух великих динамических сил века – социалистической и национальной идеи – был усовершенствован в германских приграничных землях, которые таким образом были далеко впереди своей Родины» 16.

Доктор Готфрид Федер был первым, кто привлек Адольфа Гитлера в ДАП своим социалистическим посланием. В речи Федера он услышал «основные предпосылки для формирования новой партии» 17.

Перед уходом Гитлера с одной из первых встреч, Дрекслер уговорил визитера взять свой памфлет «Мое политическое пробуждение». «Гитлер прочитал небольшую работу Дрекслера с интересом, ему показалось, что пробуждение механика схоже с его собственным. Он также был заинтригован дрекслеровским национал-социалистическим сочетанием антикапиталистических и националистических мотивов. Идея о привлечении рабочих на сторону нации была тем самым, что Гитлер стал рассматривать потом как императив» 18 .

В ближайшие десятилетия, Гитлер использует эту национал-социалистическую идеологию и трансформирует ее в наиболее крайнюю форму национал-социализма, которая будет иметь печальные последствия в случае победы мирового еврейства.

Итальянский фашизм.

Национал-социализм итальянского типа, который называется фашизмом, развивался по другой линии, отличной от германской. Он был продуктом гегельянской диалектики в среде марксистских и социалистических философов и интеллектуалов. Национализм рассматривался как борьба с демократическим и рационалистическим декадансом и как объединение страны в революционном порыве. Итальянский фашизм представляет собой соединение национализма и марксизма, лишенного своего материализма и классовой борьбы. Он не проявлял угроз в адрес еврейства так ясно, как это делала германская линия 19 .

В «Доктрине фашизма» французы Жорж Сорель, Шарль Пеги и Юбер Лагарделль выступали как источники фашизма. Также цитируется француз Жозеф Ренан, о котором говорится как о выражавшем «предфашистские предчувствия». И Сорель и Пеги находились под влиянием философии Анри Бергсона. Бергсон отвергал сциентизм, механическую эволюцию и материализм марксистской идеологии. Также Бергсон проповедовал витализм, как эволюционный процесс. Оба этих бергсоновских элемента проявляются в фашизме. Муссолини утверждает, что фашизм отрицает учение научно-марксистского социализма и учение об историческом материализме. Юбер Лагарделль, авторитетный писатель-синдикалист, как уже упоминалось ранее, испытал влияние Пьера-Жозефа Прудона, вдохновителя анархо-синдикализма.

Разное.

В чешской научной энциклопедии Отто Масарика (Прага, 1931, V, 47) содержится статья «Narodna Socialna Strana» (Национал-социалистическая партия).

В середине-конце 1920-х гг. термин национал-социализм иногда используется Троцким для определения теории Сталина и Бухарина «о построении социализма в отдельно взятой стране».

Ссылки:

1. «Nationalism», Hans Kohn, Dictionary of the History of Ideas, Charles Scribner's Sons, 1973.
2. Elements of Socialism, A Textbook, John Spargo and George Louis Arner, The MacMillan Company, NY, l919. pg 275.
3. Elements of Socialism, John Spargo, pg 202-203.
4. Liberalism and the Challenge of Fascism, Social Forces in England and France (1815-1870), J. Salwyn Schapiro, McGraw-Hill Book Company, Inc., NY, 1949. pp 316-321.
5. Liberalism and the Challenge of Fascism, J. Salwyn Schapiro, pp 328-329.
6. Liberalism and the Challenge of Fascism, J. Salwyn Schapiro, pg 366.
7. Liberalism and the Challenge of Fascism, J. Salwyn Schapiro, pg 368.
8. The Birth of Fascist Ideology, Zeev Sternhell, Princeton University Press, NJ, 1994. pp 101, 124, 43-44, 110.

9. The Birth of Fascist Ideology, From Cultural Rebellion to Political Revolution, Zeev Sternhell, with Mario Sznajder and Maia Asheri, Princeton University Press, NJ, l994. pg 11. and «Fascist Ideology», Zeev Sternhell, Fascism, A Readers Guide, ed. by Walter Laqueur, University of California Press, Berkeley, CA, 1976, pg 326.
10. «Fascist Ideology», Zeev Sternhell, Fascism, A Readers Guide, pg 327.
11. Leftism Revisited, von Kuehnelt-Leddihn, pg 391.
12. Liberty or Equality, Erik von Kuehnelt-Leddihn, Christendom Press, Front Royal, VA, 1953.1993. pg 254.
13. Liberty or Equality, von Kuehnelt-Leddihn, pg 363.
14. «Fascist Ideology», Zeev Sternhell, Fascism, A Readers Guide, pg 326
15. «Fascist Ideology», Zeev Sternhell, Fascism, A Readers Guide, pg 321 quoted G. Valois, Le Fascisme (Paris 1927), pg 21.
16. Leftism Revisited, Erik von Kuehnelt-Leddihn, Regernery Gateway, Washington, D.C., 1990. pg 149.
17. Where Ghosts Walked, David Clay Large, pg 127.
18. Where Ghosts Walked, Munich's Road to the Third Reich, David Clay Large, W.W.Norton&Co., NY, l997. pg 130.
19. The Birth of Fascist Ideology, Zeev Sternhell, pg. 6.

Библиография:

Предыстория национал-социализма в Австро-Венгрии и на территории Западной Европы:

Liberty or Equality, Erik von Kuehnelt-Leddihn, Christendom Press, Front Royal, Virginia, 1993. pp 253-260

Leftism Revisited, Von Kuehnelt-Leddihn, Regnery Gateway, Washington, D.C., 1990. pp 145-149.

Предыстория национал-социализма на территории Западной Европы:

Fascist Ideology, Zeev Sternhell, in Fascism, A Reader's Guide, Analyses, Interpretations, Bibliography, edited by Walter Laqueur, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1976.

The Birth of Fascist Ideology, Zeev Sternhell, Princeton University Press, NJ, 1994.

Перевод с английского языка Богдана Заднепровского

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона
о национальном социализме.

Еще задолго до появления в 1919 году Германской рабочей партии (впоследствии переименованной в НСДАП) и прихода в нее Адольфа Гитлера на излете 19 века возникло национально-социальное движение и соответственно национальные социалисты. О чем уже в первое десятилетие 20 века рассказывал на своих страницах известный в то время «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона». Вот несколько статей, иллюстрирующих нам возникновение национального социализма из издания за 1890-1907 гг.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.

* * *

Науман Фридрих (Naumann) — германский политический деятель. Род. в 1860 г. До 1894 г. был евангелическим пастором; деятельно участвовал в евангелическо-социальных конгрессах, на которых господствовало консервативно-социальное направление с антисемитическим оттенком, но представлял там, вместе с Гере (см.), крайнюю левую. Безусловный монархист и сторонник национального и военного могущества Германии, он в тоже время демократ, сторонник социальн. реформ на пользу трудящихся классов и социалист по своим конечным идеалам, к которым, однако, по его мнению следует стремиться не путем революции, а посредством частичных преобразований, проводимых при помощи существующих государственных учреждений.

Социализм его коренится скорее в Родбертусе, чем в Марксе. Ему вполне чужды интернационализм, республиканизм и революционизм социал-демократии, которую он, однако, всегда готов поддерживать по всем практическим вопросам. Оставив пасторство, он занимается главным образом литературным трудом. В 1895 г. он вместе с Гере, Герлахом и проф. Зомом основал национал-социальную партию (см. ниже), которая начала энергичную агитацию. Для пропаганды ее идей Н. тогда же основал в Берлине еженедельный журнал «Hilfe», существующий поныне, и газету «Zeit», скоро прекратившуюся, но затем возобновившуюся в виде еженедельного журнала. Дважды потерпев неудачу на выборах в рейхстаг, в 1898 и 1903 гг. (см. Национал-социальная партия), Н. пришел к заключению, что нац.-социальная идея не имеет силы, образующей партию, почему предложил партии слиться со свободомыслящим союзом. Журнал «Zeit» слился с журналом этого союза «Nation», в котором Н. с тех пор сотрудничает; но «Hilfe» издается им по-прежнему.

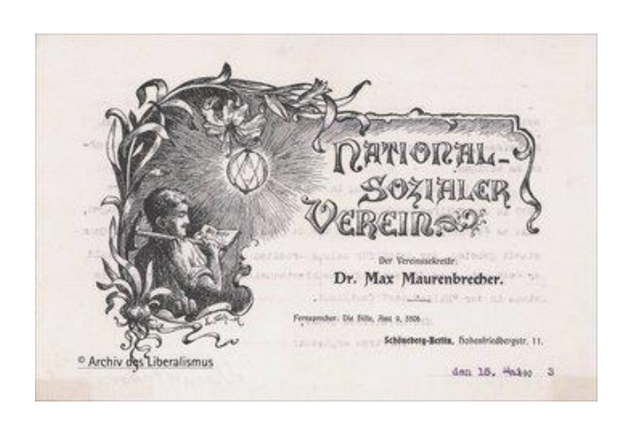
Из книг Н. наиболее замечательны: «Demokratie und Kaisertum» (Б., 1900; изложение принципов

социальной монархии, пропитанное преклонением перед Вильгельмом), «Arbeiterkatechismus» (1889) и **«Nationalsozialer Katechismus»** (Б., 1897, много изданий); «Was thun wir gegen die glaubenslose Sozialdemokratie?» (Лпц., 1889); «Das soziale Programm der evangelischen Kirche» (Лпц., 1890); «Was heisst christlich-sozial?» (два вып., Лпц., 1894—96); «Soziale Briefe an reiche Leute» (Геттинг., 1894); «Jesus als Volksmann» (1-й вып. изд. им «Gröttinger Arbeiterbibliothek», Лпц., 1894); «Grotteshilfe. Gesammelte Andachten» (7 томов, Геттинг., 1896—1902); «Asia» (Б., 1899; путешествие по Малой Азии и Сирии); «Neudeutsche Wirtschaftspolitik» (Б., 1902); «Staat und Familie» (Б., 1899); «Weltpolitik und Sozialreform» (Б., 1899); «Flotte und Reaction» (Б., 1899); «Deutschland und Oesterreich» (Б., 1900); **«Nationaler und internationaler Sozialismus»** (Б., 1901); «Die Politik Kaiser Wilhelms II» (Б., 1903); «Briefe über Religion» (Б., 1900); «Liberalismus, Zentrum und Sozialdemokratie» (Берл., 1903). Н. — замечательный стилист и один из лучших ораторов Германии, соперничающий в этом отношении с Бебелем. См. H. Meyer-Benfey, «Naumann-Buch. Eine Auswahl klassischer Stücke aus Dr. F. N.'s Schriften» (Геттинген, 1903); его же, «Fr. N. Seine Entwickelung und seine Bedeutung» (Геттинген, 1904); Гр. Гроссман, «Пастор Науман и его политическая карьера» («Образование», 1904, № 5).

В. В—в.

* * *

Национал-социальная партия - германская партия, выделившаяся под названием национал-социального союза из христианско-социальной партии (см.). Первый ее конгресс состоялся в 1896 г. в Эрфурте. Вождями партии были пасторы Науман (см.) и Гере (см.), проф. Зом, Мауренбрехер, Герлах и др. Она пыталась соединить национально-монархические идеи с демократизмом и социализмом и проповедывала демократически-социальную монархию с сильным шовинистическим оттенком.

К ней примкнули левые элементы партии христианско-социальной и евангелическо-социальных конгрессов. В ней самой с самого начала образовались левое крыло, для которого социальные задачи и демократизм господствовали над задачами консервативно-политическими (Гере, Мауренбрехер, в меньшей степени Герлах), и крыло правое, дорожившее всего больше именно величием Германии и подчинявшее ему все социальные задачи (Зом). Науман занимал место в середине. Гере в 1899 г., Мауренбрехер в 1903 г. вышли из партии и перешли к социал-демократии. На выборах в рейхстаг в 1898 г. Н.-социальная партия получила 28000 голосов и не провела ни одного кандидата; на выборах 1903 г. получила 30000 голосов и провела в рейхстаг на перебаллотировке, при поддержке социал-демократов, Герлаха. После этого Науман предложил распустить партию и слиться со свободомыслящим союзом. На последнем Геттингенском партейтаге союза (1903) это предложение было принято, хотя и не без возражений со стороны многих. Кроме сочинений Наумана, см. «Protokolle der Vertreter-Versammlungen des National-Socialen Vereins» (Берлин, 1896—1903) и Ad. Damaschke, **«Was ist National-sozial?»** (Б., без означения года; много изданий).
В. В—в.

* * *

Социальный вопрос и социальная политика - С. вопрос в узком смысле есть то же самое, что и «рабочий вопрос» в более широком смысле. С. вопрос может быть определен, как вопрос преобразования общественного строя в интересах тех классов, которые принимают главное участие в создании национального богатства (см. Рабочий вопрос). <....> Протестантское духовенство создало учение христианского социализма (см.), распространенного преимущественно в Германии. Из последнего в Германии (1896) выделилась самостоятельная партия «национальных социалистов». Во главе ее стали пасторы Науман и Гере и профессор Зом. В то время когда в партии христианских социалистов социализм или социальная реформа являются чем-то второстепенным и производят впечатление агитационного средства (см. Христианские социалисты, а также Штёккер), у национальных социалистов она является действительно практической задачей: в их программе говорится: «мы стремимся к увеличению доли, которую имеет труд в его различных формах, в городе и деревне, у мужчин и женщин, в общем продукте германского производства, но ожидаем этого увеличения не от утопий и догм революционного марксистского коммунизма, а от постоянной политической и общественной работы на почве существующих отношений, на которые мы желаем влиять в пользу труда».

Национальные социалисты так же, как и христианские социалисты, являются сторонниками политического могущества Германии, сильной армии и флота, колониальной системы и также сохранения монархии; но их консерватизм не имеет аграрного характера и далеко не представляется таким упорным и последовательным; в их программу включено даже демократическое требование распространения всеобщего избирательного права на выборы в ландтаги и органы местного самоуправления. К этой партии в большом числе примкнули представители интеллигенции; среди неё много священников, университетских и гимназических профессоров. Она заставляла много говорить о себе, её талантливо редактируемая Науманом еженедельная газета «Die Hilfe» (Берлин) довольно сильно читается, но на выборах в рейхстаг 1898 г. она собрала всего 27000 голосов (т. е. менее 1/3%) и не провела ни одного депутата. На ее ежегодных партейтагах обнаружилось довольно резкое отличие между правым крылом, под предводительством профессора Зома, и левым, под предводительством Наумана и Гере. В 1899 г. последний даже вышел из совета партии, недовольный её недостаточно решительным протестом против поведения правительства, а в 1900 г. открыто вступил в ряды социал-демократии. Книга Бернштейна (см. Социалистические партии) вызвала горячее сочувствие в рядах национальных социалистов, в особенности ее крайних представителей.

Катедер-социалисты в большинстве примыкают к консерватизму, или даже, как Адольф Вагнер, прямо принадлежат к консервативной партии; ее же ближайшей союзницей в Германии являются христианские социалисты (Штёккер). Национальные социалисты являются в общеполитических вопросах скорее национал-либералами, а отчасти демократами. Вообще же, в рядах либеральных партий Германии сочувствие к социальным реформам весьма слабо, кроме небольшой народной партии (см. Ястров). Во Франции, кроме партии католических социалистов, нет самостоятельной социальной партии, а среди других партий социальная реформа значительно менее популярна, чем в

Германии, и С. политика сделала там весьма мало успехов (см. Фабричное законодательство и Страхование рабочих). В Австрии существует особая партия социал-политиков, которая отличается от германских реформаторских партий тем, что она вышла не из рядов консерваторов или клерикалов, а из рядов крайних либералов или демократов; во главе ее стоит депутат Кронаветер, прежде принадлежавший к демократической партии, и многие профессора, как Зингер, Оффнер, Филиппович. Воззрения этой партии проводит хорошо редактируемый еженедельный журнал «Die Zeit» в Вене (с 1895). На выборах 1897 г. она собрала 6000 голосов в городской курии (из 262000) и провела одного депутата.

Protokoll

Vertreter-Versammlung

National-Sozialen

Erfurt

Berlin, Verlag der „Zeit".

XI. JAHRGANG

Die Hilfe

NUMMER 22

Nationalsoziale Wochenschrift

Politische Notizen

Литературу см. при словах Католический социализм, Катедер-социализм и в особенности Рабочий вопрос, Социализм и Социалистические партии, Христианские социалисты. См. Людвиг Штейн, «Социальный вопрос с философской точки зрения» (русский перевод, М., 1899); В. Зомбарт, «Идеалы социальной политики» (русский перевод, СПб., 1900); Bünnecke, «Handbuch der socialen Gesetzgebung d. Deutschen Reichs» (Лейпциг, 1891); Wasserab, «Soziale Politik im Deutschen Reich, ihre bisherige Entwickelung» (Штутгарт, 1889); Th. Ziegler, «Die sociale Frage — eine sittliche Frage» (Штутгарт, 1891; 5 изд., 1895); Hitze, «Kapital und Arbeit u. die Reorganisation d. Geselschaft» (1880; с клерикально-социальной точки зрения); его же, «Schutz dem Arbeiter» (1890); Alb. Wiess, «Sociale Frage u. sociale Ordnung» (1892); «Socialpolitisches Zentralblatt» (изд. в Берлине с 1892); «Sociale Praxis» (изд. в Берлине); J. Wolf, «System d. Socialpolitik (т. I., Штутгарт, 1892); Ad. Wagner, «Ueber sociale Finanz- u. Steurpolitik» (в Braun's «Archiv», т. IV); Gizycki, «Vorlesungen über sociale Ethik»; Naumann, **«National-socialer Katechismus»** (Берлин, 1891); его же, «Was heist Christlich social» (2 ч., Берлин, 1894—96); его же, «Soziale Briefe an reiche Leute» (Берлин); Sohm, «Soziale Pflichten der Gebildeten»; Damaschke, **«Was ist national-sozial?»** (Берлин, без года); «Protokoll über die Verhandlungen des Nationalsozialen Vereins» (Берлин, 1 Vertretertag 1896, 2 — 1897, 3 — 1898, 4 — 1899); Gibbins, «English social reformers» (Лондон, 1892; русский перевод Икса: «Английские реформаторы», М., 1896); Schultze Gävernitz, «Zum socialen Frieden, Darstellung der social politischen Erziehung des englischen Volkes im XIX Jahrh.» (2 т., Лейпциг, 1890); его же, «Carlyle's Welt- und Gesellschaftsanschaung» (Дрезден, 1893).

В. Водовозов.

О еврейском национал-социализме.

АРМ продолжает знакомить своих подписчиков с малоизвестной историей НС и развенчивать устоявшиеся стереотипы об этом политическом феномене. В частности, мнение о том, что НС обязательно нёс в себе черты антисемитизма. Нет, «сыны израилевы» стали участвовать в НС-движении намного раньше чем одиозный германский фюрер. О чём сообщает нам «Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона». – С.-Пб: Брокгауз-Ефрон. 1906-1913. Читаем внимательно и запоминаем.

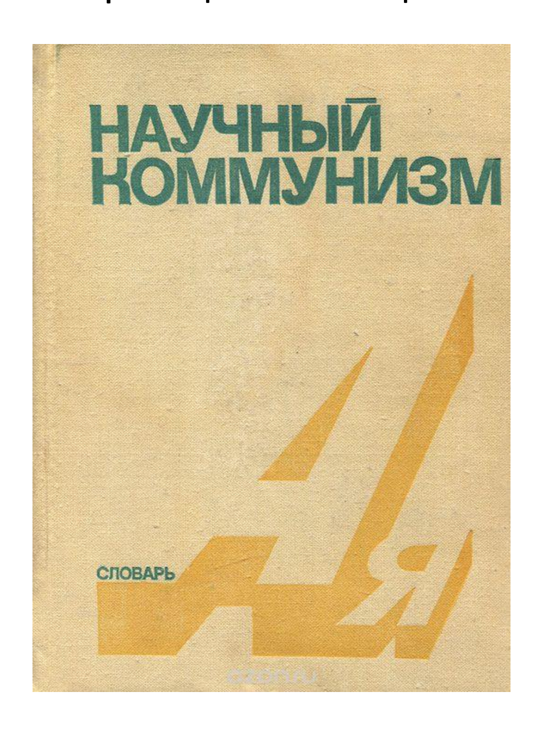

Еврейская социалистическая рабочая партия («сеймовцы») — национал-социалистическая организация, образовавшаяся из слияния на конференции в сент. 1905 г. некоторых сионистских рабочих кружков «Poalei Zion» с деятелями группы «Возрождения» (см.). В апр. 1906 г. состоялся съезд партии, где была сформулирована программа и был избран центр. комитет. Выставив общеполитическую и социалистическую программу, партия выдвинула в области национальной идею национально-политической автономии для евреев. Единицей евр. самоуправления должна явиться национ. община; общины объединяются в союзный общинный совет, верховным же органом еврейск. национ. самоуправления и представителем объединенного российск. еврейства является всеросс. евр. национальный сейм экстерриториального характера, решения коего являются обязательными. В круг ведения сейма входят, кроме вопросов культурно-просветительных, также экономич. вопросы еврейства; более точно задачи сейма должны быть установлены евр. нац. учредительным собранием. В сейме партия видит лишь переходную ступень; окончательное же разрешение евр. нац. вопроса кроется в территориальной концентрации евреев в будущем. — Отстаивая бойкот в первую Гос. Думу, партия приняла участие в избират. кампании во 2-ю и 3-ю Гос. Думы, выставив ряд кандидатов, которые, впрочем, не были избраны. — Партия издавала в 1907 году свой орган на разгов. евр. яз. в Вильне «Die Volksstimme» (позже сб. «Die Stimme»), прекращенный администрацией; она имела также два книгоиздательства: «Kampf» — на разг. евр. яз. в Вильне и «Серп» — на русск. яз. в Киеве; ею изданы также два сборника «Серп» (1907 и 1908 гг.) с весьма обширным материалом для характеристики ее идейных взглядов. — В начале апр. 1909 г. партия приняла участие вместе с сион.-соц. и Поалей-Цион в конференции в Нью-Йорке по вопросу об объединении этих партий, идею которой горячо защищал Х. Житловский в своем журн. «Dos naje Leben». — Ср.: М. Б. Ратнер, «О национ. и территор. автономии», изд. «Серп»; «Формы национ. движений» (под ред. Кастелянского), 1910.

И. Чериковер.

Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона. – С.-Пб: Брокгауз-Ефрон. 1906-1913.

Советский словарь о национальном социализме. 1983 год.

«Национального социализма» теории — идеологические концепции, возникшие в среде средних социальных слоев (см. Средние слои), прежде всего — непролетарских слоев трудящихся освободившихся стран и представляющие, как правило, эклектическое смешение социалистических идеалов с национальными традициями, всевозможными народническими, утопическими, реформистскими, религиозными, мелкобуржуазными и иными идеями. Социалистические доктрины национального типа порождены нынешним этапом национально-освободительных революций, когда рамки буржуазного национализма стали слишком узкими для их дальнейшего развития, а силы, способные последовательно проводить линию научного социализма, еще недостаточно окрепли для того, чтобы возглавить борьбу за национальное и социальное освобождение.

Роль социалистических доктрин национального типа зависит от того, в каких странах и конкретных исторических условиях они выдвигаются, какие классовые интересы выражают, с какой социально-экономической программой связаны. Соответственно выделяется ряд относительно самостоятельных идейных течений: социалистические концепции национально-буржуазного толка; мелкобуржуазные реформистско-религиозные доктрины социализма; наконец, немарксистские социалистические теории современной революционной демократии развивающихся стран.

Поддерживая все передовое и прогрессивное в «Н. с.» т., сторонники научного социализма отмечают их слабые и отрицательные стороны. Прогрессивной стороной этих концепций, особенно революционно-демократического направления, является в первую очередь негативное отношение к капиталистической системе. Передовая часть революционной демократии выступает за радикальные социально-экономические преобразования, закладывающие предпосылки для развития в направлении к социализму. Она стремится покончить с тяжелым наследием колониального прошлого, очистить общество от феодальных и патриархальных пережитков, построить развитую многоотраслевую экономику, улучшить положение земледельцев, поднять жизненный уровень и культуру народа. Решению этих проблем уделяется первоочередное внимание в странах социалистической ориентации. В «Н. с.» т. обнаруживается возрастающее влияние идей марксизма-ленинизма. В документах ряда авангардных революционно-демократических партий подчеркивается, что в основе развития человеческого общества лежит взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями; что социальная революция является взрывом, подготовленным постепенным, эволюционным развитием, обострением антагонистических противоречий; что на смену капитализму повсеместно придет социалистическое общество, свободное от классового антагонизма и эксплуатации человека человеком.

В то же время в «Н. с.» т. в ряде стран весьма ощутимо влияние религиозных концепций. Оно связано с тем, что в течение многих десятилетий такие крупнейшие религии азиатско-африканского мира, как ислам, буддизм и др., были идеологическим знаменем борьбы угнетенных наций. После завоевания независимости некоторые религиозные деятели открыто переметнулись в стан реакции. В то же время значительная их часть осталась с трудовым народом, поддерживает его стремление пойти по национально-демократическому пути развития, придерживаться социалистической ориентации.

Направляя острие борьбы против империализма и внутренней реакции, «Н. с.» т. в большинстве случаев объективно содействуют продвижению по пути некапиталистического развития, достижению экономической независимости и укреплению государственной самостоятельности. Вместе с тем, поскольку эта идеологическая платформа не представляет цельного научного мировоззрения, ее последователи иногда придают своим лозунгам мелкобуржуазно-националистическую окраску, проявляют склонность к «перепрыгиванию» необходимых этапов развития, переоценивают роль военно-политических методов руководства и недооценивают роль организаторской и идеологической работы с массами, проявляют необоснованное недоверие к сторонникам марксистско-ленинской идеологии.

Некоторые теоретики национального социализма, в особенности буржуазного и мелкобуржуазного толка, вкладывают в понятие социализма содержание, которое не имеет с ним ничего общего. По словам одних, последователи пророка Мухаммеда «были социалистами еще до того, как было изобретено это слово», другие заявляют, что социализм является прежде всего осуществлением принципов буддизма, и т. д. Для многих концепций национального социализма в развивающихся странах характерно преувеличение особенностей национального характера, исторических традиций, чрезмерный упор на морально-этические факторы. Отдельные представители национального социализма пытаются под предлогом приспособления к местным условиям механически препарировать научный социализм, выхолостить из него под видом всяких «поправок» и «дополнений» революционное содержание. Нередко они превозносят национальное, расовое, географическое единство и принижают значение интернациональной классовой солидарности борцов за социализм.

Более глубокое знакомство с марксистско-ленинской теорией, более внимательное изучение опыта стран социализма и, наконец, практика самого национально-демократического движения, в котором все возрастающую роль играют рабочий класс, крестьянство, непролетарские слои, прогрессивная интеллигенция, содействуют освобождению от националистических, реформистских и буржуазных иллюзий. Своеобразная эволюция передовой части революционной демократии к марксистско-ленинскому мировоззрению — одна из реальных возможностей нашего времени.

Научный коммунизм. Словарь. Изд-е 4-е дополненое //под ред. академика А.М. Румянцева. - М.: Изд-во политической литературы, 1983.

Пауль Гёре (1)

Социальные задачи национал-социального движения в Германии (1899 г.).

Каким национал-социализм был в самом начале? Какие требования выдвигал, как политическая сила? Вниманию читателей представляется статья немецкого политика Пауля Гёре, в которой он рассказывает, кем были и какие задачи ставили себе национальные социалисты на заре появления НС-движения. Можно сравнить программные установки национальных социалистов конца 19 века с программой и деятельностью немецкого НС 20-30 гг.

«Американский журнал социологии», том 4, №6, май 1899 г. Перевод с английского языка Богдана Заднепровского.

* * *

Социальные задачи национал-социального движения в Германии.

Национальные социалисты представляют собой наиболее молодую группу среди политических партий в Германии. Отцом этого движения был на самом деле Й.Х. Вихерн, основатель немецкой Внутренней миссии (2). Эта Внутренняя миссия является организацией практической филантропии Германской Протестантской церкви, которая является, как известно, несомненно, и в Америке, по-настоящему мощным и благотворным агентством. Тем не менее, всеми своими практическими трудами, она достигает лишь одной цели: она смягчает и уменьшает, но не устраняет несчастий. Хотя она одноразово и на некоторое время помогает отдельным страждущим, по большей части это не навсегда останавливает источники нужды. Однако же ясно, что если бы этого можно было бы достигнуть, то это означало бы еще более возвышенное и триумфальное свидетельство мощи христианства, религии любви. Но источники современных социальных недугов заключаются не в вине отдельных лиц, но главным образом в структуре современной экономической системы. Если христианство когда-либо хочет помочь уничтожить причины этих бедствий, то оно должно решиться погрузиться в море социальной политики и политического действия в целом.

Этот курс, которому Вихерн и его современники не последовали, был принят др. Штокером, бывшим прежде берлинским придворным проповедником. Он дал старт Христианскому социальному движению, инициированному Евангелическим социальным конгрессом, и его друзья основали евангелические рабочие союзы. Эти три организации до сих пор существуют, и, несмотря на снижение социального энтузиазма в Германии, они работают преданно и усердно, и имеют признанные успехи в экономической науке и практической политике. Но они пришли опытным путем к открытию, что социальная этика христианства действительно может составлять нравственную основу общего типа для социальной работы и социальной политики, но не точные и строгие

социальные принципы, как и не компактную и оригинальную политическую программу. Очевидно, что отдельные христиане, которые принимают общие социальные этические принципы со всей серьезностью и убедительностью, в момент, когда они продолжают реализовывать их действиями в практической и социальной политике, склонны следовать самым различным направлениям, в соответствии с характером, образованием, способностями и социальной позицией. Очень правильно христианство отказывается идти за позицией, где его этика начинает быть делом определенной политической и социальной партии. Оно поддерживает членов партии в праведном духе и в праведном состоянии, но не обеспечивает их программой. Поэтому движение, которое будет опираться на этику христианства в социально-политической полемике, в качестве влиятельного должно извлекать свои принципы и особенности своей программы из других источников, нежели христианство.

Те в христианской социальной тенденции, кто обладал четким представлением этой позиции, объединились вместе вследствие неё, около двух или полутора лет с тех пор, в новую и непосредственно политическую партийную группу. Национальный интерес стал для них учредительным принципом их программы и их социальных усилий, которые, как и прежде продолжали черпать вдохновение из социального и этического духа христианства, и решили привнести этот дух в представление и во власть. Так летом 1896 года возникла Национально-социальная партия (ферейн, союз). Ее лидером является 38-летний пастор Фридрих Науманн. Среди его приверженцев как люди образованные, так и простые рабочие. Движение уже организовано более чем в половине избирательных округов Немецкого Рейхстага; в качестве своего печатного органа оно имеет еженедельную газету «Хильфе» (Помощь), дважды в месяц – «Ди дойче фольксштимме» (Немецкий народный голос), две ежедневных газеты, и несколько небольших местных и социальных листков.

Фундаментальные идеи его программы таковы: развитие Германии в сторону роста мощи, энергии и благополучия должно быть первой целью всей практической политики. Эта цель будет достигнута в первую очередь за счет постоянно растущего экономического и политического развития внешней мощи Германской Империи. Поэтому рост и экспансия германской промышленности, ее внешних рынков, а также ее коммерческая политика должны продвигаться всеми средствами; а также несокращающейся поддержкой ее вооруженных сил, подходящим увеличением германского флота и расширением германских колоний должным образом защищенных и снабжаемых. Этот рост германской промышленности, мировая торговля, и мировая мощь, эта политика власти за рубежом находятся на другой стороне условий и возможностей органичных социальных реформ внутри страны. Социальные реформы в пользу более слабых представителей народа никогда не будут возможны в стране, чье развитие остановлено. Только когда государство в целом возвышается, могут подняться и его нижние слои. И опять же, внешнеполитическая мощь будет поддерживаться постоянно, если народ и его части и представители, сами по себе здоровы и сильны, постоянно движутся вперед.

Для поддержания такого прогресса и особенно, чтобы поддержать нижние классы населения большим потенциалом производства, последовательная социальная реформа более всего необходима. И, следовательно, политика внешней мощи связана со вторым фундаментальным принципом, с политикой социальных реформ внутри страны.

Как же социальная реформа, в соответствии с взглядами национальных социалистов, будет проводиться? Они на этот счет разместили следующее базовое утверждение в четвертом параграфе своей программы:

Мы требуем увеличение доли, которой труд, во всех его различных видах и формах, в городе и селе, среди мужчин и женщин, обладал бы от общего объема производства немецкой промышленности; и мы ожидаем этого, не от утопий и догм революционного коммунизма марксистского типа, но от продолжения политических, профсоюзных, и партийных усилий на основе существующих отношений, на чье развитие мы хотели бы повлиять во благо труда.

Из этого выводятся следующие общие идеи: национальные социалисты взращивают себя на устойчивом основании насущной экономической реальности, из умеренности порожденной знаниями. Эта реальность, однако, определяется экономическим принципом свободной торговли (фритредерство – доп. прим. переводчика), известным как манчестерство (3). Национальные социалисты ни коим образом не отрицают огромные экономические, социальные, и политические достижения, которые были достигнуты, с тех пор, как этот принцип был принят. Но они не закрывают глаза на ужасные результаты, которые его восхождение принесло с собой. Этот ущерб, а не преимущества, которые были достигнуты, и постоянные хорошие и проверенные стороны принципа, будет устранен неутомимой работой социальных реформ, и будет заменен более совершенными мерами. Фундаментальный закон постепенного органичного развития должен быть поставлен во главу угла. Из этого следует, что национальные социалисты являются противниками грубой, крайней доктрины частного капитала, также как и одностороннего коммунизма, в соответствии с которым пролетарии установят одним махом диктатуру, и введут коммунистическое общество и индустриальный порядок. Национальные социалисты видят здесь порочную утопию, которая даже в случае успешной реализации будет означать определенное продвижение для отдельных классов, но, через свои предубеждения, приведет ко многим большим и неожиданным несправедливостям. Мы узнали, что односторонняя частнокапиталистическая теория, когда осуществляется безоговорочно на практике, на самом деле творит зло, хотя какое-то время верили, что она принесет благословение всем и ничего кроме благословения. С другой стороны, однако, национальные социалисты знают, что они стоят рядом с социал-демократией, когда та, как это уже всё чаще верно, стремится к фундаментальному и постепенному восходящему развитию рабочего класса посредством социальных усилий в частности, меры как возможности для них стать результатом. В основном мы можем принять как лозунг национальных социалистов это выражение: высшее развитие немецкого рабочего класса.

Теперь, в частности, что национальные социалисты предлагают, чтобы продвинуть это восходящее развитие?

Прежде всего, посредством профессиональных ассоциаций (4). Хорошо известно, что в Германии существует три вида профессиональных ассоциаций: социал-демократические, наиболее сильные; ультрамонтаны (5), Католическая партия Центра; и так называемые профсоюзы Хирша-Дункера (6), которые руководствуются гражданскими и либеральными принципами. Все три вида союзов следуют своим партийным курсам, один из которых социал-демократический, другой ультрамонтанский, и третий немецкий либеральный (свободомыслящий). Национальные социалисты видят, однако, в данном партийном характере разрушение профсоюзов, или, по крайней мере, уменьшение их власти и влияния, которое они могут оказывать. Так как, в первую очередь, сила, разделенная на три части никогда не будет такой же мощной как объединенная сила; во-вторых, часть рабочих, которые ничего не понимают в партийной политике, боятся тем самым вступать в профсоюз; и, тем самым, связь с социал-демократической партией дает особенно капиталистическим управленцам хороший повод осуждать профсоюзы перед лицом немецкого правительства чисто политически, и это ограничивает их свободу действия. Всё это национальные социалисты удалили бы из профсоюзов, объяснив им беспартийный характер, превратив их в отдельный, самостоятельный орган, который идет своим путём и не знает никакой другой цели, кроме обеспечения повышения заработной платы и условий труда в борьбе с капиталистами. Перед глазами национальных социалистов проплывают как идеал замечательные английские профсоюзы, которые до сих пор оставались беспартийными, и были так успешны. Они намерены работать непрерывно, пока этот идеал не будет реализован. Их труды уже увенчались частичным успехом. Уже данный идеал полно обсуждался в социал-демократических профсоюзах, и с таким эффектом, что завоевал большое число приверженцев.

В дополнение к развитию и преобразованию профсоюзов, национальные социалисты взяли на себя, как вторую из своих социальных задач, напряженную работу от имени ассоциаций (товариществ, кооперативов – доп. прим. переводчика). В Германии существует в настоящее время более 20000 ассоциаций сельских ремесленников, крестьян и рабочих. Первые среди них, кредитные объединения ремесленников добились высокой степени успехов по методу, установленному более пятидесяти лет назад их основателем, Шульце-Деличем (7). В противоположность, этому методу управления не последовали там, где ассоциации были заняты куплей-продажей и производством. Никогда они не

обретали какого-либо значения. И национальные социалисты находят причину этой неудачи в их настоящей форме организации. Некоторые из них посвятили себя полностью кооперативному труду, и таким образом образовали новые кооперативы по современным методам организации. Начинания уже оправдывают надежды и представляют перспективу того, что мастера-ремесленники могут объединиться для общего производства и общей продажи их общей продукции, способом в соответствии с которым они смогут воспользоваться преимуществами современной крупной индустрии, и в то же время, сохранить, по крайней мере, часть своих преимуществ бывшей мастеровой независимости. Таким образом, возникнет смешанная форма из чисто индивидуалистических и чисто коммунистических (коллективных – доп. прим. переводчика) профессий, что представляется естественным шагом экономического прогресса. Франкфурт-на-Майне оказался также для того времени особо благоприятным полем для подобных экспериментов. Еще больше, чем от этих ассоциаций ремесленников, ожидают национальные социалисты от усиления рабочих обществ потребителей. В Германии они все еще молоды и совсем немногочисленны. Причина этого состоит в том, что раньше Лассаль осуждал полностью ассоциации среднего класса Шульце-Делича, как не отвечающие нуждам рабочего класса. Этой точки зрения Лассаля придерживались до последнего времени рабочие, занятые в профсоюзах и политической деятельности, и только недавно общества потребителей, поддерживаемые рабочими партиями, стали возникать в среде самих рабочих. Промышленное королевство Саксонии кажется особенно плодотворной почвой для их роста. Это одна из главных задач национальных социалистов – культивировать это движение всеми доступными средствами, а также организовывать и поддерживать рабочих, не только как трудящихся, но и как потребителей. И снова Англия, со своими мощными потребительскими обществами, служит примером для национальных социалистов.

Но больше всего ценятся национальными социалистами крестьянские ассоциации, которые разрослись повсеместно в большом количестве, как предприятия по заготовке кормов, минеральных удобрений, семян, сельскохозяйственных орудий и машин; по сбыту волов, мясного скота, лошадей, масла, молока, фруктов, овощей, семян и злаков; по молочному, скотоводческому, племенному и ликероводочному производству; по дренажу и орошению, скотобойне и хлебопечению; и по культивации полей и садов. Национальные социалисты надеются благодаря их развитию на еще больший результат для обедневших и среднего класса крестьян, чем был достигнут для ремесленников посредством новых объединений ремесленников, начатые ими: новый, выгодный, наполовину индивидуалистический, наполовину социалистический способ владения и экономики в стране.

Именно этой цели последних ассоциаций национальные социалисты придерживаются, чтобы все ранние и большие цели безусловно были реализованы, и легче достигнуты, так как было сделано очень заметное продвижение в земельной реформе собственности. Лидеры этой реформы являются также и лидерами национальных социалистов, и их органы также и органы национальных социалистов. Действительно, немецкие земельные реформаторы имеют отличный от своих коллег в других странах характер. Они не обращаются к одной теории и к призыву к единому налогу, как мы знаем, это делают в Америке. Они достаточно узнали в последние годы, и в частности под влиянием национальных социалистов, из социал-демократии и манчестеризма, что односторонняя теория сама по себе никогда не приводит к экономическому росту. Таким образом, они пришли к выводу, что условно надо распилить или разделить весь огромный багаж их идеала земельной реформы на ряд «бревен», «заготовок», «досок» и «балок», которые могут быть использованы по назначению в многогранной трансформации и перестройке социального здания, так, как они могли лучше всего быть приспособлены к немецким потребностям. Одно из этих требований реформы, как земельных реформаторов, так и национальных социалистов, относится к национализации ипотечных кредитов на земельное страхование, и второе к систематической государственной политике в пользу крестьянской собственности. Первое требование понятно сразу, второе отличается. Хорошо известно, что в Восточной Германии феодальное, ростовщическое и большое помещичье землевладение существует со Средневековья до наших дней, и что это сизифова гора и чума для современной Германии. В последнее время, однако, через различные изменения в мировой торговле, поместья стали убыточными, и они станут еще менее выгодными со временем. Одно поместье за другим, один землевладелец за другим, приходят в упадок. Теперь возникает вопрос, перейдут ли эти

обанкротившиеся поместья, как это часто происходило в Англии, в руки богатых городских производителей и купцов, или же будут преобразованы в леса и пастбища, или же вступят в крестьянскую собственность, и будут поддерживать крестьянское население. Национальные социалисты работают над способом формирования арендуемых поместий; они требуют, чтобы государство, как величайший и самый беспартийный капиталист, сделало эти экономические манипуляции бескорыстными; чтобы при установлении новой крестьянской собственности, государство сохраняло за собой право первой покупки, и таким образом, а также по принципу аренды, сохраняло за собой приоритетность собственности. Эта позиция усилится, если ипотечный кредит также национализируется со стороны государства, и будет обеспеченным и гарантированным, не становясь обузой (угнетающим – доп. прим. переводчика), помогая производить наполовину индивидуалистичный, наполовину социалистический характер сельской формы собственности и производства в уже распространенной ассоциации. Третье серьезное социальное и политическое требование национальных социалистов и земельных реформаторов – это обобществление земли в городах и пригородах, с тем, чтобы положить конец ростовщичеству владельцев жилья и мошенничеству застройщиков. В этой области успех деятельности уже больше, чем в других.

В отношении к крупной промышленности национальные социалисты более консервативны в требованиях, чем по отношению к сельскому землевладению, которое обречено на распад. Касательно крупной промышленности это все еще новая система, и в отношении развития, не может быть так легко, как обычно представляют себе социал-демократы, радикально измениться и трансформироваться. Тем не менее, национальные социалисты доброжелательно относятся к идее национализации некоторых конкретных отраслей промышленности, таких как электроэнергетика, шахты, кораблестроительство, таким же путем, как были национализированы железные дороги. Они также решительно выступают за взятие на себя городскими администрациями газо- и водоснабжения, городского транспорта, и прочих подобных городских предприятий. В целом, национальные социалисты остро видят тенденцию к комбинированию конкретных отраслей промышленности, так как каждое такое сочетание означает начало завоевания существующего манчестерского, анархического метода производства, и начало систематической организации производства, заработной платы, и фиксирования цен. Конечно же, это работает в первую очередь исключительно в пользу управляющих. Но это должно быть лишь вопросом практических, хотя и фундаментальных, социальных реформ, на каждом этапе разделить преимущества этих новых и постепенно установленных сочетаний соразмерно между управляющими, рабочими и потребителями. Это можно рассматривать как новый фактор социального мышления национальных социалистов, чтобы повлиять на развитие крупной индустрии, насколько это возможно, в данном направлении.

Согласно тому, что уже было сказано, вполне естественно, что национальные социалисты должны, прежде всего, использовать и добросовестно привлекать каждое удобное средство, пусть и небольшое, для улучшения экономического состояния всех бедных людей, до тех пор, пока они соответствуют экономическому прогрессу. Как само собой разумеющееся, поэтому, они трудятся для дальнейшего расширения страхования немецких рабочих, и ради защиты прав трудящихся, в которых содержится все еще много несовершенств; и они работают за распространение непартийных бюро по трудоустройству по всей империи, и с их распространением, за организацию трудоустройства в целом. Они поддерживают любые усилия по улучшению жилья рабочих; основывают кооперативы по строительству такого жилья, и принимают участие в мероприятиях по повышению квалификации и образованию всех полуобразованных, слабо образованных и необразованных людей; и на эту задачу они специально ориентированы, и считают её своим долгом, так как большинство всех немецких протестантских учителей являются сторонникам такого образа мышления. Естественно, что новое движение национальных социалистов пока еще не имеет исчерпывающей социальной программы. Постепенно, шаг за шагом, она будет возникать в ходе общих усилий. Требования, которые были описаны, практически все, которые были до сих пор обозначены. В настоящее время мы занимаемся созданием специальной коммунальной программы. Впрочем, позже, будет возможно на страницах этого журнала рассказать о новостях дальнейшего социального и социально-политического прогресса.

Примечания переводчика:

(1) Пауль Гёре (18.04.1864-6.06.1928) – немецкий теолог и политик. В 1896 году основал вместе с Науманном Национально-социальный ферейн, но в 1900 году вступил в Социал-демократическую партию.

(2) Внутренняя миссия – движение немецких евангелистов, основанное Йоханом Хинрихом Вихерном в 1848 году. Оно быстро распространилось в Германии и других странах. Как и другие миссии, Внутренняя миссия подразумевает «возрождение» христианства посредством доктрины «братской любви» и социальной программы благотворительности и христианского воспитания.

(3) Манчестерство – Фритредерство (англ. Free trade – свободная торговля) – направление в экономической теории, политике и хозяйственной практике, провозглашающее свободу торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую сферу жизни общества. На практике свобода торговли обычно означает отсутствие высоких экспортных и импортных пошлин, а также немонетарных ограничений на торговлю, например, квот на импорт определённых товаров и субсидий для местных производителей определённых товаров. Сторонниками свободной торговли являются либеральные партии и течения; противники состоят из многих левых партий и движений: социалистов и коммунистов, защитников прав человека и окружающей среды, а также большинства профсоюзов.

Одной из ранних теорий торговли был меркантилизм, возникший в Европе в XVI веке. В XVIII веке протекционизм был подвергнут резкой критике в трудах Адама Смита, учение которого можно считать теоретической основой свободной торговли. В XIX веке взгляды Смита получили более полное развитие в трудах Давида Рикардо. Зародилось в городе Манчестер.

Основным посылом развития «Свободной торговли» явилась необходимость в XVIII веке сбыта избыточного импортированного в экономику капитала развитыми странами (Англия, Франция, далее США) с целью избежания обесценения денег, инфляции, а так же экспорта произведённого товара в страны-участники и колонии. Об этом можно почитать в книге Савельева Николая Николаевича «Река времени. История глобализации».

(4) ассоциации – очень многозначное слово. Может при переводе означать и союз, и кооператив, и прочие формы коллективной организации. Поэтому выбор пал на прямой перевод этого слова.

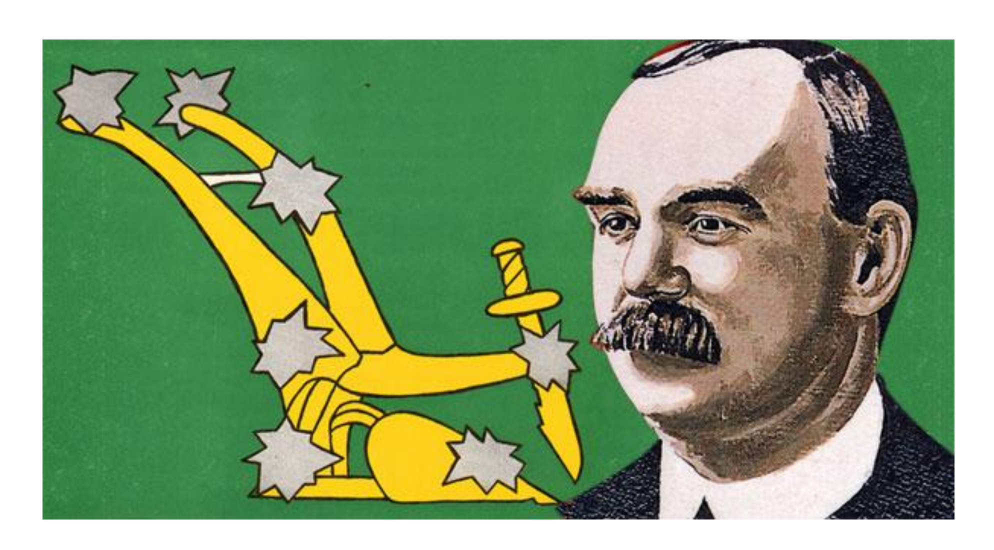
(5) Ультрамонтаны – последователи возникшего в 15 в. религиозно-политическое направления в католицизме. Ультрамонтаны поддерживали начавшееся после авиньонского пленения восстановление престижа папского престола, его стремление к неограниченной власти, претензии папы на вмешательство в светские дела европейских государств. В 16 в. активными ультрамонтанами были иезуиты. В начале 19 в. идеи ультрамонтанов использовали представители реакционной аристократии. Например, Ж. де Местр видел в централизации папской организации орудие борьбы против революции; он предлагал создать конгломерат монархии, государств, спаянных авторитетом папы. На Ватиканском соборе 1870 ультрамонтаны добились провозглашения догмата о непогрешимости папы. Идеи ультрамонтанов нашли отражение в «Силлабусе», они используются различными группировками империалистической реакции.

(6) Профсоюзы Хирша-Дункера – реформистские профсоюзы в Германии в 1868-1933 годах. Были основаны М. Хиршем и Ф. Дункером, активистами немецкой Прогрессивной партии. В 1869 году эти профсоюзы объединились в Союз немецких профсоюзов, насчитывающий 30000 участников.

Лидеры профсоюзов Хирша-Дункера проповедали идею «гармонии интересов» между работодателями и рабочими, и выступали против забастовочного движения. На политической арене профсоюзы Хирша-Дункера поддерживали буржуазные либеральные партии. В 1913 году эти профсоюзы насчитывали 106600 участников и в 1932 году – 600000 участников, приблизительно две трети из них были офисными служащими. В 1933 году профсоюзы Хирша-Дункера были распущены.

(7) Герман Шульце-Делич (нем. Hermann Schulze-Delitzsch, настоящее имя нем. Franz Hermann Schulze) (29 августа 1808, Делич – 29 апреля 1883, Потсдам) – немецкий экономист и политический деятель. Наряду с Фридрихом Вильгельмом Райффайзеном (1818-1888) и Вильгельмом Хаасом (1839-1913) вошёл в историю как один из отцов-основателей кооперции в Германии – новой формы хозяйственной деятельности.

Джеймс Коннолли

Социализм и национализм.

Представляем Вашему вниманию работу ирландского революционера Джеймса Коннолли о синтезе национальных и социалистических идей:

В настоящее время в Ирландии действует ряд организаций, стремящихся сохранить национальные чувства в сердцах людей.

Эти организации, будь то движения за ирландский язык, литературные общества или комитеты памяти, несомненно, выполняют работу, приносящую долговременную пользу для нашей страны, помогающую сохранить от угасания драгоценную расовую и национальную историю, язык и особенности нашего народа.

Тем не менее, существует опасность, что излишне строго соблюдая присущие им современные методы пропаганды и в итоге пренебрегая жизненно важными вопросами, они могут преуспеть лишь в стереотипизации наших исторических исследований в виде идеализации прошлого, либо в кристаллизации национализма в традицию — славную и героическую, однако всего лишь традицию.

Теперь традиции могут и часто обеспечивают материалы для славного мученичества, но никогда они не будут достаточно сильны, чтобы оседлать порыв успешной революции.
В наши дни национальное движение должно не просто воспроизвести старинные и печальные трагедии нашего прошлого, оно должно показать себя готовым к возрастающим требованиям современности.

Необходимо продемонстрировать народу Ирландии, что наш национализм — не просто нездоровая идеализация прошлого, а политическое и экономическое учение, способное к формулированию четкого и определенного ответа на проблемы настоящего, а также адаптированное к требованиям будущего.
Я полагаю, что этот конкретный политический и общественный идеал лучше всего дополнится искренним признанием в качестве своей цели националистами, всерьез обеспокоенными судьбой Республики.

Не республика, как во Франции, где капиталистическая монархия с избранным главой пародирует конституционные ограничения в Англии, и в открытом союзе с московским деспотизмом нагло демонстрирует свою измену традициям революции.

Не республика, как в Соединенных Штатах, где власть кошелька установила новую тиранию под видом свободы; где, спустя сто лет с того дня, как ботинки последнего британского солдата

оскверняли улицы Бостона, британские лендлорды (1) и финансисты навязывают американским гражданам рабство, по сравнению с которым налог дореволюционных дней был сущим пустяком.

Нет! Республика, в которой я хотел бы, чтобы наши соотечественники установили свой идеал, должна иметь такой характер, чтобы даже простое упоминание ее названия всегда служило бы сигнальным огнем для угнетенных каждой страны, всегда давало бы надежду на свободу и процветание как результат усилий с их стороны.

Для фермера-арендатора, который находится между лендлордизмом и американской конкуренцией, как между верхним и нижним жерновами; для наемных рабочих в городах, страдающих от взысканий эксплуатирующих их капиталистов; для сельскохозяйственного работника, теряющего здоровье ради зарплаты, едва достаточной, чтобы свести концы с концами; фактически для каждого из миллионов трудящихся, из страданий которых соткана снаружи роскошная ткань нашей современной цивилизации, Ирландская Республика должна стать волшебным словом, сплочающим пунктом для недовольных, прибежищем для угнетенных, отправной точкой для социалистов, заинтересованных в вопросах человеческой свободы.

Эта связь наших национальных стремлений с надеждами мужчин и женщин, которые подняли знамя сопротивления системе капитализма и лендлордизму, агрессивным представителем и решительным защитником которого является Британская Империя, не должна, в любом случае, вносить элемент разногласия в ряды убежденных националистов, а должна служить нам для обеспечения контакта с новыми резервами моральной и физической силы, достаточной для поднятия Ирландии на более значимую позицию, чем та, которую она занимает со дня Бенбарба (2).

Можно возразить, что идеал Социалистической Республики, который предполагает полную политическую и экономическую революцию, отдалил бы весь наш средний класс и сторонников из аристократии, которые боялись бы потери своего имущества и привилегий.

Что означает это возражение? То, что мы должны расположить к себе привилегированные классы в Ирландии!

Но вы можете нейтрализовать их враждебность, лишь гарантируя им, что в свободной Ирландии их привилегии не будут отменены. Иными словами, вы должны гарантировать, что когда Ирландия будет свободна от иностранного господства, ирландские солдаты будут охранять мошеннические прибыли капиталиста и лендлорда от «худых рук бедноты» подобно тому, как безжалостно и эффективно это делают английские эмиссары сегодня.

Ни на каком другом основании эти классы с вами не объединятся. Вы ожидаете, что массы будут бороться за такой идеал?

Когда вы говорите об освобождении Ирландии, вы имеете в виду только химические элементы, которые составляют почву Ирландии? Или вы имеете в виду ирландский народ? Если последнее, то от чего вы предлагаете его освободить? От правления Англии?
Но все системы политического управления или государственного механизма являются лишь проявлением экономических форм, лежащих в их основе.

Английское правление в Англии — факт того, что английские завоеватели в прошлом насильно внедряли в этой стране систему собственности, основанную на грабеже, мошенничестве и убийстве. Поскольку нынешнее осуществление «прав собственности» порождает непрерывную практику узаконенного грабежа и мошенничества, английское господство является наиболее подходящим способом управления, защищающим расхищение, а английская армия — наиболее подходящим инструментом, позволяющим осуществлять узаконенные убийства, когда опасения имущих классов требуют этого.
Социалиста, который уничтожил бы причину и следствие, всю бесчеловечную материалистическую систему цивилизации, которую мы, подобно английскому языку, приняли как нашу собственную, я

склонен считать гораздо большим противником английского господства и опеки, нежели недалеких мыслителей, допускающих возможность примирить ирландскую свободу с такими коварными и гибельными формами экономической зависимости, как тирания лендлордов, капиталистическое мошенничество и отвратительное ростовщичество; с пагубными плодами норманнского завоевания, порочной троицей, в которой Стронгбоу (3) и Диармайд МакМурхада (4) — нормандский вор и ирландский предатель — были соответствующими предтечами и апостолами.

Если завтра вы изгоните английскую армию и поднимите зеленый флаг над Дублинским замком — пока вы не установите Социалистическую Республику, ваши старания будут напрасными.

Англия все еще будет управлять вами. Она будет управлять вами через своих капиталистов, через лендлордов, через финансистов и целую плеяду коммерческих и индивидуалистских учреждений, которые она посадила в нашей стране и полила слезами наших матерей и кровью наших мучеников.

Англия по прежнему будет вести вас к раззорению, даже если ваши губы будут возносить лицемерное почтение в храме Свободы, чье дело вы предали.

Национализм без социализма, без реорганизации общества на основе более широкой и развитой формы общественной собственности, которая лежала в основе общественной структуры Древнего Эрина (5) — суть национальная измена.

Это было бы равносильно публичному заявлению, что извращенные понятия о справедливости и морали, которые наши угнетатели успешно прививают нам, мы наконец решили принять как наши собственные, и больше не требуется чужой армии, чтобы насаждать их нам.

Как социалист, я готов сделать все, на что способен один человек, чтобы получить для нашей Родины ее законное наследство — независимость; но если вы попросите меня уменьшить хоть на йоту требования социальной справедливости для того, чтобы умиротворить привилегированные классы — я буду вынужден отказать.
Такие действия не будут ни благородными, ни осуществимыми. Помните, что никогда не достигает небес тот, кто шагал туда в компании с дьяволом. Давайте открыто провозгласим наши убеждения: логика событий с нами.

Январь 1897 г.

Примечания:

1. Крупный земельный собственник.

2. В июне 1646 г. в Битве у Бенбарба войска Ирландской Конфедерации разгромили англо-шотландскую армию.

3. В переводе с английского — «Тугой лук». Прозвище Ричарда Фиц-Гилберта де Клер — нормандского аристократа, руководившего вторжением в Ирландию.

4. В английском варианте — Дермот МакМерроу. Изгнанный король Лейнстера (восточная часть Ирландии), обратившийся к Стронгбоу с просьбой о помощи в возвращении утраченного королевства. Согласно их договоренности, Стронгбоу была обещана возможность в обход ирландских законов наследовать власть в Лейнстере после смерти МакМурхады.

5. Эрин — кельтское название Ирландии.

Национал-социализм по-чешски

Опубликовано Май 28, 2012 | Автор: tribunus

Как-то принято считать, что национал-социализм зародился в Германии и был детищем Адольфа Гитлера. Я не стану сейчас говорить про то, что у фюрера германской нации были и другие немецкие предшественники. Гораздо интереснее будет рассмотреть пример национал-социализма чешского, тем более что он не только зародился раньше германского, но и пережил его.

Корни движения

В 1898 году прошёл учредительный съезд Чешской национально-социальной партии. Отныне и до 1938 года партией руководил Вацлав Клофач. Причиной возникновения партии стала неопределенность организаций социал-демократов по национальному вопросу. Социальной опорой для неё служили мелкие предприниматели, служащие, рабочие, разделявшие социал-демократические идеи социальной справедливости вместе с национализмом как инструментом достижения независимости Чехии. Во время первой мировой войны движение народных социалистов поддержало видных чешских политиков, ориентировавшихся на победу Антанты и создание независимой Чехословакии – Масарика, Бенеша, Штефаника.

«Батюшка»

Первым президентом независимого чехословацкого государства в 1918 г. стал Томаш Гарриг Масарик (в последствие он ещё дважды переизбирался на этот пост) – доктор философских наук, русофил словако-немецкого происхождения. Политические взгляды Масарика удивляют смешением идей либерализма, приверженности принципам демократии и социальной справедливости. Однако все они были жёстко связаны с чехословацкой национальной идеей, поставлены ей на службу и вне её не мыслились. Масарик был координатором деятельности учёных по разоблачению фальшивой «Краледворской рукописи» Вацлава Ганки. Он утверждал, что истинный патриотизм не может основываться на подделке: «Великое не может быть великим, если оно лживо».

Первое время прошло под знаменем борьбы за территориальную целостность государства: пришлось подавлять выступления судетских немцев и вести боевые действия с Венгерской республикой. Последовавшая за этим аграрная реформа (1919 г.), когда у богатых помещиков отрезали земли сверх определенного количества для продажи бедным крестьянским слоям с аукциона, сбавила

социальную остроту. Несмотря на разрыв в развитии регионов, страна имела развитую экономику и быстро развивалась. По уровню жизни ЧСР входила в десятку самых развитых стран.

Серьёзной проблемой был национальный вопрос. Теоретики чехословакизма считали, что в будущем два государствообразующих народа составят один этнос. Предоставление автономии национальным меньшинствам считалось опасным прецедентом, что неизбежно вызывало их недовольство.

Для стабильного развития страны большую роль сыграла разноплановость личности Масарика, объединившего вокруг правительственной администрации – «Града» – широкую коалицию из партий национал-социалистов, социал-демократов, аграриев и католиков. Таким образом «Граду» удалось отсечь от значительного влияния на политику в стране коммунистов и экстремистов националистического толка.

За заслуги перед чехословацкой нацией народ прозвал его «Батюшкой». В 1935 г. он ушёл в отставку по состоянию здоровья, а на его место пришла другая знаменательная личность в Чешской истории.

Чехословакия для чехословаков

На место Масарика пришёл его соратник по борьбе за независимость страны – Эдвард Бенеш, бывший с 1926 года одним из руководителей ЧНСП. Избранию Бенеша пытались противодействовать консерваторы, считая его «слишком левым» политиком, но в итоге им это не удалось.

Приход к власти в Германии и Венгрии реваншистских сил обострил национальный вопрос. На парламентских выборах 1935 года националистическая партия судетских немцев, требовавших автономии, набрала 15% голосов. Только процедурные уловки позволили при распределении мандатов сохранить парламентское большинство за чешской партией – аграрной, а пост премьера за чехом. Немцы искали союзников среди венгерского и польского меньшинств. Активизировала свою деятельность словацкая партия Глинки.

Чехи были готовы сплотиться и отстаивать свою свободу с оружием в руках, но было очевидно, что без поддержки других стран, тем более с заражёнными пораженчеством национальными окраинами, делать долго это было невозможно. Союзники же, боясь конфликта с Германией, отдали страну на растерзание Гитлеру в результате «Мюнхенского сговора». В 1938 все партии объявили о самороспуске и в стране установилась однопартийная система. Судетская область отошла к Германии, а словаки и русины получили автономию. В 1939 году Рейх оккупировал Чехословакию. После этого Бенеш ушел в отставку, уехав в Лондон. Позже он создал здесь правительство в изгнании и руководил Сопротивлением. ЧНСП не существовала в условиях оккупации, но многие чешские национал-социалисты (например, известный политик Милада Горакова) боролись против немцев и были отправлены в концлагеря.

После окончания войны ЧНСП была возрождена, получив на выборах в 1946 году рекордные 18,3% голосов, а Бенеш вернулся на пост президента.

Новое правительство выпустило т.н. «декреты Бенеша» – серию документов, результатом выполнения которых стало изгнание с территории Чехословакии практически всех немцев и венгров, составлявших около трети населения страны, и замена их чехословацкими колонистами. Возможно, гомогенизация населения страны стала одним из факторов, почему распад Чехословакии в 1993 году прошёл без жертв. Другой важной мерой стала частичная национализация промышленности.

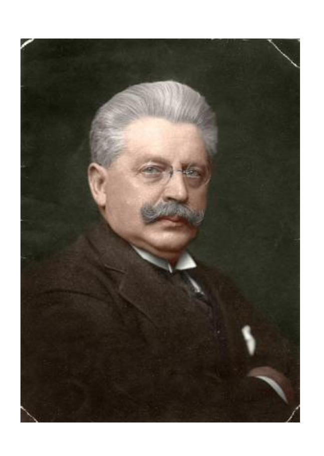
Постепенно, под внутренним напором народа, требовавшего социалистических преобразований, в стране начало расширяться влияние коммунистов, которых поддерживал Советский Союз. В результате, опираясь на широкие народные слои, в 1948 году власть в стране захватили коммунисты.

Итоги

Чешский национал-социализм не записал таких ярких страниц в мировую историю, как его немецкий собрат. Однако чешским НС удалось уберечь страну от распада, обеспечить поступательное развитие экономики и не позволить втянуть свой народ в мировую бойню. В целом, учитывая сложность тогдашнего положения страны, он оказался более чем успешен, а опыт чехов может представлять ценность для современных русских националистов.

https://n-r-d.net/2012/05/28/czech-ns/

Приступа Н.Н.

Вацлав Клофач — идеолог и лидер чехословацкого политического течения национальных социалистов

Приступа Наталья Николаевна — доцент кафедры истории славянских народов и методологии исторической науки БГПУ им. Максима Танка, кандидат исторических наук

Для написания биографического исследования о чешском политике и журналисте Вацлаве Клофаче были использованы работы чешских и российских исследователей. Особое место занимает монография Й. Кречмера [1], который попытался воссоздать портрет лидера чешских национальных социалистов, опираясь на партийные документы и воспоминания современников. Из российских историков следует упомянуть З. С. Ненашеву [2], Е. П. Серапионову [3; 4], Е. Ф. Фирсова [5]. Специально этой темой они не занимались, но из их работ можно почерпнуть отрывочные сведения о взглядах и деятельности Клофача.

Борьба за чехословацкую государственность. Вацлав Ярослав Клофач родился 21 сентября 1868 г. в Гавличковом Броде. После учебы в местной гимназии некоторое время работал деревенским учителем, а потом уехал в Прагу. Сначала поступил на медицинский, а затем и на философский факультет Карлова университета. В годы учебы Клофач быстро сошелся с радикальным студенческим движением. Более того, стал секретарем одного из ведущих молодежных объединений «Общество читателей» («Čtenářský spolek»), стоявшего на позициях младочехов. Членство Клофача в этой организации положило начало активной политической деятельности. Он сразу заявил о себе как о выдающемся ораторе. Постепенно завоевывал популярность не только в студенческой среде, но и среди рабочих. В конце 1890 г. Клофач стал соредактором младочешской газеты «Народни листы» («Národní listy»), получив приличное жалование, что обеспечило ему устойчивое финансовое положение [1, s. 32].

В 1892 г. Клофач ушел добровольцем в армию и вскоре приобрел известность благодаря тому, что в ходе переклички на военных учениях вместо привычного немецкого «hier» («Здесь!») выкрикнул чешское «zde» [1, s. 66]. Последовало наказание — три дня заключения под стражей. Его примеру последовали многие чешские резервисты, невзирая на увеличение сроков наказания. Позднее к чехам присоединились венгры, поляки. Император негодовал и угрожал введением осадного положения. В конце концов от такого рода учений отказались.

Важную роль в судьбе Клофача сыграл 1897 г. Так, 4 апреля 1897 г. была образована Чешская национальная социальная партия. Хотя правильнее датой ее учреждения следует считать апрель 1898 г., когда состоялся учредительный съезд и была принята программа. Все политические партии, за исключением младочехов, выступили против создания партии национальных социалистов. Поговаривали, что партия была создана на деньги младочехов [6, s. 21]. И хотя ее первым председателем стал Ф. Квача, было очевидно, что идеологом является В. Клофач. С самого начала он противопоставил идеи национального социализма марксистскому социализму. «Для того чтобы стать

интернационалистами — говорил Клофач, — мы, прежде всего, должны стать националистами» [7, с. 18]. Он был убежден, что вместе с распространением классового марксизма в сознание чехов проникают чужеродные элементы.

Радикализм партии проявился не только в программных заявлениях, но и в организации протестной деятельности — проведение митингов и демонстраций, на которых выступал Клофач и часто присутствовала полиция. Так, чешский политик и журналист Я. Гербен эти выступления характеризовал как «угрозу общественной жизни» [1, s. 58].

Вскоре после смерти Ф. Квача председателем партии стал Клофач. А в 1901 г. он был избран депутатом австрийского рейхсрата и сразу проявил себя как непримиримый антимилитарист и сторонник сотрудничества славянских народов. С начала XX в. славянское направление становится доминантой в деятельности Клофача и партии. Он стал заниматься славянским вопросом еще в студенческие годы. Его речи о внешней политике Вены удивляли своим радикализмом. Особенно широкий отклик имело выступление Клофача в парламенте в сентябре 1903 г., когда он обвинил австро-венгерскую внешнюю политику в том, что она является агентом германского «Дранг нах Остен» [2, с. 43]. Он выступал за коренное изменение методов «безмозглой политики МИД Австро-Венгрии», так как был убежден, что Габсбургская монархия ставила своей целью недопущение создания сильных славянских государств и поэтому надежды на то, что вторжение Австро-Венгрии на Балканы приведет к упрочению позиций славян, он называл глубоким заблуждением. Равно как и надежды на то, что Австро-Венгрия может стать федеративным, преимущественно славянским государством, также считал безосновательными, так как это не отвечало интересам Германии [2, с. 44].

В июле 1908 г. в Праге прошел славянский съезд. Чешская делегация состояла из представителей всех чешских партий. Организаторы съезда попытались придать ему широкий общественный резонанс. Так, чешские национальные социалисты по инициативе Клофача собрали многолюдный митинг, в котором приняли участие иностранные делегаты съезда. Целью митинга, выраженной в лозунге «Демократизм и славянство», была пропаганда «славянского народного социализма» как идеологического оружия, подходящего для всех славянских народов, против «деструктивного интернационального русского социализма» [2, с. 112]. А. Столыпин писал, что Клофач — это «действительно выдающийся народный трибун», что такой рабочей толпы он не видел в России и не мечтал о таком «социализме» [3, с. 112].

6 октября 1908 г. Франц-Иосиф обнародовал указ о присоединении Боснии и Герцеговины к своим владениям. Большинство чешских политиков расценивали боснийский кризис как свершившийся факт. Лидер младочехов К. Крамарж пытался убедить славянских депутатов рейхсрата в необходимости «безоговорочно проголосовать за аннексию» [2, с. 119]. Для прикрытия нарушения международного права он предложил предоставить населению Боснии и Герцеговины свободу, либеральную конституцию и тем самым получить моральное оправдание аннексии. Речь же Клофача в делегациях1 привлекла внимание всей славянской прессы и дипломатического корпуса, аккредитованного в Вене. Она контрастировала с выступлениями других делегатов: Клофач категорически отверг аннексию «как акт насильственный, совершенный под влиянием Берлина» и предложил провести плебисцит, чтобы узнать волю населения Боснии и Герцеговины [2, с. 119]. Такая позиция лидера национальных социалистов привела к росту его популярности как в чешских землях, так и за их пределами. Русская либеральная печать, к примеру, изображала его как «истинного славянолюба» [2, с. 121].

Под предводительством Клофача в рейхсрате образовалась объединенная оппозиция славянского меньшинства, выступившая против законопроекта об аннексии Боснии и Герцеговины. Но, тем не менее, правительственный законопроект был утвержден. Протест чешских депутатов в пражском сейме привел к его закрытию. Австрийская полиция начала гонения на Клофача, заявив, что он якобы распространял текст гимна предательского содержания, в котором позорилась Австрия и прославлялась Сербия, подстрекал солдат нападать на своих командиров, которые будут заставлять их стрелять в сербов [1, s. 78]. После аннексии Боснии и Герцеговины Клофач был убежден, что

Австрия, благодаря «невозможной политике», ходит «по лезвию бритвы» и твердым шагом идет к войне [7, с. 23].

В последующем позиция национальных социалистов, ведомых Клофачем, становилась более радикальной. Номера партийной газеты «Ческе слово» («Českí slovo») конфисковывались чаще других изданий. Выдвинув лозунг «Балканы — балканским народам!», выступив против вмешательства Габсбургской монархии в балканские дела, Клофач определил единственно возможную миссию австро-венгерской балканской политики — «поиск доверия балканских народов». Во время своей поездки в Сербию в октябре — ноябре 1912 г. Клофач высказался за победу «славянской федерации на Балканах», что объективно было враждебно Габсбургам [2, с. 193]. Примерно с этого же времени наблюдалось сближение Клофача с российским консулом в Праге В. Жуковским. Эти отношения особенно укрепились накануне Первой мировой войны.

В условиях обострения внутренней обстановки в Австро-Венгрии и накала отношений с Россией перед чешскими политиками встал вопрос выбора. В январе 1914 г. Клофач совершил секретную поездку в Петербург. Позднее он информировал В. Жуковского, что встречался с генералом Я. Г. Жилинским и обсуждал с ним вопросы, связанные с созданием кадров преданных России людей и подготовкой секретной организации в Чехии для разведывательной деятельности (на случай войны с Австрией). Клофач подготовил записку о задачах русской политики. В ней, в частности, говорилось, что в интересах России помочь национальным социалистам вести славянскую агитацию в восточной Моравии и Силезии — районах, важных для российского государства в случае войны. Клофач предлагал учредить «секретариаты» (представительства) своей партии в ряде чешских городов и центральный секретариат в Вене, начать выпуск ежедневных газет на чешском языке в Силезии и Моравии. Он писал, что тайной целью этих секретариатов стала бы постепенная подготовка надежных людей в каждом городе и каждой деревне, чтобы «на случай наступления русского войска через Силезию на восточную Мораву были люди, на которых русское войско могло бы вполне положиться. Вопрос теперь идет о продуманной пропаганде славянского русофильского духа и подготовительной организации. Так же действует и действовала Австрия в русской Польше против России». В самом конце записки Клофач приводил смету расходов на предполагаемые акции. Он просил у России по 1000 руб. на ежегодную деятельность каждого секретариата, а всего (с газетами) считал, что потребуется 10 тыс. руб. ежегодно. Взамен он обещал быстрый и значительный результат [3, с. 189]. Таким образом, можно предположить, что национальные социалисты рассматривались Россией как возможный союзник на территории потенциального противника на случай войны.

Вступление Австрии в войну практически парализовало деятельность чешских политических партий. Прежде всего удар был направлен против чешского национального движения, антиавстрийски настроенных политических деятелей. Преследованиям подверглась партия национальных социалистов: ее лидеры, в том числе Клофач, были арестованы, пресса запрещена, организации распущены. Это в первую очередь было связано с позицией партии по национальному вопросу. Ведь еще в программе (1902 г.) говорилось: «Мы добиваемся восстановления суверенного, с собственным законодательством государства из Королевств Чехии, Моравии и Силезии на исторической территории…» [4, с. 216]. Не последнюю роль здесь сыграла и активная антивоенная деятельность ее молодежных организаций. Однако, по мнению чешского историка И. Шедивого, арест Клофача носил превентивный характер, так как обвинение ему было выдвинуто лишь в конце мая 1917 г. [8, s. 57].

После смерти Франца-Иосифа на престол вступил Карл I. Правительство заявило о стремлении восстановить конституционные основы, созвать парламент, не собиравшийся с начала войны, смягчить внутриполитический курс. В частности, был отменен военный суд над гражданскими лицами, объявлена общая амнистия политическим заключенным, в результате которой более 700 чешских деятелей были освобождены из тюрем и лагерей. Среди них и Клофач. Эта акция не только не привела к ослаблению чешско-австрийской конфронтации, но и еще более усилила радикальное крыло чешских политиков.

В годы войны шла дальнейшая разработка программных установок партии. Клофач, к примеру, заявлял, что «чешский социализм — это национальный идеализм, который создал лучшую часть

нашей истории и противостоит международному материализму». Он стремился к тому, чтобы его взгляды были понятны простому человеку. Предлагал объединиться и ремесленнику, и рабочему, и интеллигенту в борьбе за права и свободы, считая, что различий между богатыми и бедными гораздо меньше, чем «между плохим, никчемным человеком и добрым, благородным» [4, с. 229]. Клофач подчеркивал, что его партия сделала синтез из социализма и национализма, взяв все разумное. По мнению национальных социалистов, война фактически опровергла марксистские принципы исторического материализма и классовой борьбы. В социальной политике они выступали за конкретную практическую деятельность, а не за «теоретические призраки». Клофачу принадлежит ставшее позднее расхожим заявление: «Пусть капиталисты построят свой дом (т. е. государство), а мы потребуем в нем квартиру» [4, с. 230]. Социально-экономические проблемы предполагалось решать после того, как будут достигнуты общенациональные задачи, решен «чешский вопрос».

В годы Первой мировой войны национальные социалисты поддержали радикальное направление во главе с Т. Г. Масариком, Э. Бенешем и М. Штефаником, ориентировавшееся на победу стран Антанты и создание независимого чехословацкого государства. Так, в январе 1918 г. в ходе выработки и принятия Трикраловой декларации Клофач заявил, что Австро-Венгрия уже не существует, так как она была «уничтожена и похоронена Германией», и потому послевоенное устройство чешских земель не будет иметь ничего с ней общего [1, s. 95].

В июле 1918 г. В. Клофач вместе с А. Швеглой был избран заместителем председателя Чехословацкого национального комитета во главе с К. Крамаржем. Основная задача этого комитета состояла в предотвращении возможных беспорядков и обеспечении перехода власти в нужный момент. Осенью 1918 г. в Женеве состоялись переговоры, в которых приняли участие К. Крамарж и В. Клофач (Чехословацкий национальный комитет), Ф. Станек и Г. Габрман (Чешский союз депутатов), Э. Бенеш (зарубежное сопротивление). Тогда была достигнута договоренность, что Чехословакия будет республикой, президентом станет Масарик, премьер-министром — Крамарж, военным министром — Штефаник, министром финансов — Рашин, министром обороны страны — Клофач. Эти договоренности не были полностью реализованы. При этом нужно отметить, что некоторые кандидатуры Масарика не устраивали. Особые нарекания у него вызывал Клофач — «министр национальной обороны — анархист и бездельник» [9, s. 58]. Масарик часто находил для него пренебрежительные слова. И не всегда они были беспочвенны.

Весной 1919 г. началась война с Венгрией. Венгерская Красная армия захватила часть территории восточной Словакии. Это вызвало бурю негодования в чехословацком политическом лагере. На повестку дня встал вопрос о формировании регулярной армии. Если раньше сторонников этой идеи было немного, так как бытовало мнение, что сильная армия отпугнет народ, то сейчас она все чаще находила поддержку среди политической элиты страны. За неудачи в войне с Венгрией Клофач, как министр национальной обороны, подвергся критике со всех сторон (мол, он вместо того, чтобы заниматься войной в Словакии, ездил по партийным съездам), а некоторые политики (В. Шробар) вообще призвали привлечь его к ответственности. После ультиматума Антанты венгерские части были отведены к демаркационной линии. Словацкую территорию и Закарпатье заняли чехословацкие и румынские войска. Таким образом, кризис был преодолен. Клофач незамедлительно подал в отставку, но Т. Г. Масарик ее не принял. Более того, после падения кабинета К. Крамаржа Клофач вновь был назначен министром национальной обороны уже в правительстве В. Тусара.

Неудачи военной кампании в Венгрии сказались на формировании вооруженных сил страны. До этого предполагалось, что ЧСР будет довольствоваться территориально-милиционной системой, т. е. таким устройством вооруженных сил, которое основывается на содержании воинских соединений и частей в мирное время с минимальным количеством кадровых военнослужащих и на обучении приписанного к этим соединениям и частям переменного состава. Такой позиции придерживался и Клофач. Сопротивление всему армейскому и предопределило во многом избрание этого известного антимилитариста на пост министра национальной обороны. Однако неуспехи в войне с Венгрией усилили голоса тех, кто выступал за кадровую армию. И 19 марта 1920 г. был принят компромиссный вариант Закона об обороне, в котором отмечалось, что устройство вооруженных сил будет строиться

на милиционном принципе, а его действие носит временный характер [9, s. 137]. Таким образом, взяли верх опасения создать регулярную кадровую армию, позднее этот закон был доработан.

Уход от активной политической деятельности. В 1920-е гг. Клофач постепенно стал вытесняться из руководства партии, становился скорее ее символом. Сам он объяснял это тем, что устал, разочаровался и т. п. Некоторому оживлению способствовал IX съезд партии в мае 1921 г., на котором Клофач, в частности, заявил, что «наш национализм настолько глубокий, что является и социализмом, который означает любовь, справедливость и братство. Национализм без человечности и гуманизма Коменского, а в наши дни и без гуманизма Масарика не является чешским национализмом… Социализм — это борьба за справедливость, но социализм не является борьбой против народа, а является борьбой и работой во имя народа. Быть национальным сегодня, когда у нас есть независимость, означает быть государственным. Этот элемент государственности является и будет таковым оставаться, невзирая на угрозы республике как слева, так и справа» [1, s. 109]. Программа, принятая на этом съезде, вызвала неоднозначную реакцию со стороны других политических партий.

В 1925 г. Клофач был избран Председателем Сената, и во второй половине 1920-х гг. он сосредоточился только на парламентской работе, государственных постов не занимал. И хотя вплоть до приостановки деятельности партии (1938 г.) Клофач и оставался ее главой, но его политическое влияние постепенно падало. Реальное руководство в партии принадлежало представителю националистического течения Й. Стршибрному, которого Масарик поначалу рассматривал как одного из самых перспективных политиков. Однако в 1926 г. разгорелся внутрипартийный конфликт, участниками которого стали Стршибрны, Клофач, Бенеш и Масарик. Сторонники Стршибрнего (не менее половины руководства партии, большая часть членов местных организаций и комитетов) обвиняли Клофача и Бенеша в том, что они хотят превратить партию в «служанку» Града, отойти от первоначальной программы и приблизить ее к идейной платформе реалистов Масарика [1, s. 115]. Стршибрны и ряд его сторонников были исключены из партии, вслед за этим последовало изменение ее названия на Чехословацкую национально-социалистическую партию (ЧНСП) (еще в 1918 г. партия была переименована в Чешскую социалистическую партию, в 1919 г. — Чехословацкую социалистическую партию) и включение Э. Бенеша в состав ЦК партии.

В условиях углубления экономического кризиса в начале 1930-х гг. началась разработка законопроекта о предоставлении правительству особых полномочий для руководства экономикой с помощью специальных постановлений, имевших силу закона. Не остались в стороне от дискуссии и национальные социалисты. Так, в либеральной газете «Пршитомность» («Přitomnost») от 27.04.1932 г. Клофач высказался за реконструкцию правительства на профессиональной основе при значительном сокращении министерских постов. По его прогнозам, уже к осени 1932 г. должен был прийти к власти сильный режим, наделенный широкими полномочиями [5, с. 95]. При этом следует отметить, что национальные социалисты не высказали возражений по поводу предоставления широких полномочий всему правительству, а не отдельным лицам. Так, Клофач говорил, что «наша демократия подходит лишь для нормальных условий развития, спокойной обстановки и относительного благополучия. В исключительной обстановке не исключаются и чрезвычайные меры» [5, с. 128]. В официальных заявлениях национальные социалисты одобрили идею закона о широких полномочиях. Хотя нельзя утверждать, что это мнение разделяли все члены партии.

Клофач был и одним из первых, кто попытался наполнить конкретным содержанием популярную тогда идею усиления государственного вмешательства в экономику [10, л. 23—24]. Участвуя в бюджетных прениях в парламенте в январе 1934 г., он от имени ЧНСП выдвинул тезис о необходимости создания такой системы управления, при которой могла бы осуществиться «диктатура демократии». В экономике это нашло бы выражение в создании своего рода экономического парламента — «Совета экономического возрождения». Этот Совет должен был стать, по мысли Клофача, высшим постоянно функционирующим органом регулирования экономики. Правительству следовало запрашивать его мнение при решении серьезных экономических проблем. В первую очередь это касалось издания декретов на основе действовавшего тогда закона о чрезвычайных полномочиях исполнительной власти. Таким образом, этот Совет должен был стать «общественным контролем» над бесконтрольной деятельностью правительства. Совету в составе 20-ти

высококлассных специалистов правительство было обязано предоставлять объяснения в случае несогласия с экспертным мнением Совета. Лидер ЧНСП считал, что специальные знания должны цениться выше, чем политические соображения министров. Они, как отмечал Клофач, не были удостоены высоких ученых степеней и являлись лишь выразителями групповых интересов, которые как раз и необходимо «урезать» во имя интересов всего государства. Однако конкретные меры по преодолению возможных споров между правительством и Советом им не были предложены.

В 1930-е гг. социалистические партии все чаще выступали за роспуск фашистских организаций. Клофач же по случаю своего 65-летия опубликовал в газете «Чешске слово» («Českí slovo») (19.09.1933 г.) статью, в которой утверждал, что «гитлеровский национал-социализм перенял наше название» и что «мировой кризис подтвердил правдивость того, о чем заявлял национальный социализм с начала своего существования, ведь только основательно проведенная национальная солидарность может дать каждому народу наибольшую концентрацию народной энергии» [11, s. 77]. Здесь, однако, нужно принимать во внимание, что он уже реально не руководил партией, и что это была его личная позиция.

Более того, выступая на XIII съезде партии в июне 1936 г., Клофач в очередной раз подтвердил приверженность ЧНСП концепции эволюционного социализма, государственному планированию, патриотизму, гуманизму Масарика и высказался против разделения людей на правых и левых. Главная задача партии, по его мнению, состояла в противостоянии радикализму, как справа, так и слева. В развитие его взглядов на этом же съезде было принято решение о том, что ЧНСП выступает за сотрудничество только с теми партиями, которые будут бороться против попыток установления однопартийной диктатуры [12, л. 18—27].

В годы же Второй республики вышла статья Клофача «Национальный социализм там и здесь» (март 1939 г.). В ней подчеркивалось, что национальный социализм возник в Чехословакии и что опыт Германии и лично Гитлера показал, что «нам есть к чему стремиться». «Мы не должны — писал он, — лишь догонять Германию и ее национальный социализм, мы должны ее перегнать»; добавляя, что «народ … видит много хорошего в Германии» [13, s. 155]. Тем самым он отказался от идей, которые отстаивал всю свою жизнь. Однако нельзя забывать, что это был уже смертельно больной человек, который вскоре (10 июля 1942 г.) умер.

В завершение хотелось бы отметить, что ничто человеческое не было Клофачу чуждо. Современники вспоминают о нем как о человеке, который всегда заботился о своем внешнем виде, который любил нравиться людям [6, s. 345]. Клофач очень любил животных. Говорили, что он много лет держал дома прирученных белок. Даже во время пребывания в тюрьме на Градчанах в годы Первой мировой войны он выращивал кроликов. С какой целью, правда, неизвестно. Таким образом, В. Клофач был неординарной личностью. Великолепный оратор, он умел привлечь внимание толпы. Где-то резок, а порой даже бестактен, он мог смело говорить о том, о чем многие предпочитали молчать. Став бесспорным лидером и теоретиком партии, он смог из поначалу немногочисленной группы политических деятелей создать влиятельную политическую организацию.

1Делегации — комитеты в австрийском и венгерском парламентах. Состояли, как правило, из 60 чел. Созывались королем-императором и имели функции контрольного органа над деятельностью общих министров для обеих половин монархии. Делегации не имели права вмешиваться в дела парламентов, последние не могли давать им указания.

Литература

1. Krečmer, J. Vádav Klofáč a jeho národni socialismus / J. Krečmer. Praha : Adonai s. r. o., 2000. 131 s.
2. Ненашева, З. С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. Чехи, словаки и неославизм. 1898—1914 / З. С. Ненашева. М. : Наука, 1984. 238 с.
3. Серапионова, Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890—1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е. П. Серапионова. М. : Наука, 2006. 512 с.

4. Серапионова, Е. П. Чешские социалистические партии в 1917 г. / Е. П. Серапионова // Европейское социалистическое движение. 1914—1917: разрубить или развязать узлы? / отв. ред. Р. П. Гришина, И. И. Костюшко. М. : Наука, 1994. С. 211—237.
5. Фирсов, Е. Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928—1934) / Е. Ф. Фирсов. М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. 201с.
6. Klátil, F. Republika nad stranami. O vzniku a vývoji Československé strany národne socialistické (1897—1948) / F. Klátil. Praha : Melantrich, 1992. 376 s.
7. Баландина, А. В. Партия национальных социалистов. 1898—1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. В. Баландина; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2003. 36 с.
8. Šedivý, I. Češi, české země a velká válka. 1914—1918 / I. Šedivý. Praha : Lidové noviny, 2001. 492 s.
9. Klimek, A. Velké dějiny zemé Koruny České. 1918—1929. / A. Klimek. Praha : Litomyšl, 2000. 822 s.
10. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138. Оп. 11. П. 23. Д. 11 — Информационный материал о стране.
11. Gajanová, A. Dvojé tváŸ. Z historie pŸedmnichovské fašismu / A. Gajanová. Praha : Naše vojsko, 1962. 209 s.
12. Российского государственного архива социально-политической истории. Ф. 531. Оп. 2. Д. 53 — Информационные материалы.
13. Rataj, J. O autoritativné národné stát. Ideologické promeny české politiky v druhé republice 1938—1939 / J. Rataj. Praha : Nakladatelstvé Univerzity Karlovy, 1997. 251 s.

http://www.rsijournal.net/vaclav-klofach-i...yx-socialistov/

Приступа Н.Н.

Концепция «национального социализма» Чехословацкой национал-социалистической партии (1930-1940 гг.)

Приступа Наталья Николаевна — доцент кафедры истории славянских народов и методологии исторической науки БГПУ им. Максима Танка, кандидат исторических наук

Долгое время история Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП) рассматривалась в российской и чехословацкой историографии под влиянием доминирующей коммунистической идеологии. Только в последние годы исследователи получили возможность дать объективную оценку так называемым «непролетарским» партиям, к числу которых принадлежала и ЧНСП.

Основными разработчиками этой темы были и остаются чешские и российские историки (Й. Гарна, И. Коциан, В. В. Марьина, Г. П. Мурашко и др. [1—6]). Однако научное переосмысление исторического прошлого невозможно без корректного анализа исторических источников. Среди них можно выделить партийные документы [7—11], памятники личного происхождения [12—15], материалы периодической печати, обнаруженные в коллекции референтуры Архива внешней политики РФ (АВП РФ) и Коминтерновского фонда Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Но, несмотря на кажущееся обилие научно-исследовательской литературы по выбранной теме, представленный в ней материал носит отрывочный характер. Многие аспекты деятельности ЧНСП до сих пор не получили своего полного и объективного исследования. Наличие же достаточной источниковой базы позволяет ликвидировать эти пробелы.

Партия национальных рабочих, возникшая в 1897 г., неоднократно меняла свое название. В очередной раз сменив его в 1926 г., она вплоть до 1948 г. стала называться Чехословацкой национально-социалистической партией.

ЧНСП в условиях ограничения демократических свобод (1930-е гг.). В апреле 1931 г. была принята новая программа партии, которой ЧНСП хотела отделить себя от остальных партий. От национальных демократов ее отличали социалистическая направленность и народность, от республиканской партии — стремление к национальному единению, от ремесленной партии — неприятие классового эгоизма, от Народной партии (НП) — требование отделения религии от политики, от Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) — отрицание марксизма. От Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП) национальные социалисты отличались менее всего [16, s. 42]. Заявляя о социалистической

природе своего движения, ЧНСП подчеркивала, что ее национальный социализм основывается на демократии, являющейся проявлением гуманизма [7, s. 193].

В 1935 г. состоялись президентские и парламентские выборы. Предвыборная кампания протекала в сложных условиях: экономика находилась в глубокой депрессии, продолжалась дальнейшая пауперизация населения, обострялись классовые противоречия. В этих условиях партия выступила с призывом спасения демократии и независимости страны «во что бы то ни стало» [17, л. 7]. ЧНСП заявляла, что Чехословакия осталась единственным прибежищем демократии в Восточной Европе, которой угрожал германский, венгерский и польский фашизм. Изменение общественно-политической ситуации и последствия экономического кризиса привели даже к тому, что национальные социалисты заявили о необходимости перехода к плановой экономике. В это же время в партийной печати появился лозунг «Будьте благоразумны как Сталин», что свидетельствовало о том, что во внешней политике делалась ставка на равные отношения с «великой славянской державой Россией» и союзной Францией [18, л. 131, 136, 159]. Однако это не означало полной поддержки политики, проводимой в СССР.

По итогам голосования ЧНСП заняла одно из лидирующих мест из числа партий, вошедших в правительственную коалицию. За нее проголосовали 755,9 тыс. чел. или 9,18 % от общего числа проголосовавших [1, s. 64]. По отдельным регионам эти показатели варьировались от 2,2 % в Подкарпатской Украине до 12,2 % в Чехии [19, л. 2—7]. И хотя в абсолютных показателях партийные потери были невелики, тем не менее ЧНСП потерпела некоторую неудачу.

Свидетельством новой расстановки политических сил в стране явились выборы 1938 г. в муниципальные органы власти. Успех ЧНСП был очевиден (306,3 тыс. голосов — второе место). В этом немалую роль сыграли тесные контакты с руководством страны, в частности с президентом Э. Бенешем. В глазах избирателей партия выступила символом государственной безопасности и силой, способной вывести страну из кризиса [2, s. 65]. Однако в это же время в партии возникли серьезные разногласия и противоречия между отдельными группировками. 31 октября 1938 г. состоялось заседание ЦИК ЧНСП, приведшее к партийному кризису. На нем весь ЦИК и генеральный секретарь К. Моудрый подали в отставку. Руководство партии перешло к директории. Вопрос о дальнейшей судьбе партии оставался открытым. Директория ЧНСП после 1 ноября 1938 г. начала переговоры о создании партии центра как препятствия наступлению авторитарных сил, представленных аграриями и коммунистами. Однако они оказались безрезультатными. 9 ноября 1938 г. ЧНСП самораспустилась и объявила о своей трансформации в «Движение национального сотрудничества и возрождения» [2, s. 76]. Его программа состояла из набора лозунгов (идеи национальной и социальной справедливости, национального своеобразия, приоритета интересов народа перед партийными интересами) для привлечения симпатий общества.

Судьба партии (вопрос о ее слиянии с партией национального единства или партией труда) была решена на последнем заседании ЦК 22 ноября 1938 г., где развернулась острая дискуссия. Наряду с высказыванием об опасности ликвидации партии, требованием предоставления каждому свободы выбора, и убеждением, что «наше место в новой партии трудового народа» имели место и высказывания иного характера. О. Клапка считал, что «идти влево значит довершить национальную катастрофу», а Ф. Земинова связывала включение в оппозицию с ликвидацией партии, а участие в сильной партии — напротив, с возможностью «принять участие в судьбе страны». По итогам голосования ЧНСП вошла в состав партии национального единства [8, s. 201—206]. Таким образом, боязнь незначительной роли оппозиционной партии в условиях нараставших тоталитарных тенденций в государстве вынудила большинство членов ЧНСП вступить в партию национального единства.

Развитие концепции «национального социализма» в период народной демократии (1944—1948 гг.). В годы войны национально-социалистической организации как таковой не существовало. Только небольшая группа депутатов Государственного Совета выступала от имени партии. Затем к ним присоединился ряд аграриев. И только 22 января 1944 г. национальные социалисты на учредительном собрании заявили о своем решении организационно оформить партию, сотрудничать «со всеми честными людьми» независимо от их партийной ориентации, дабы «выполнить великие

национальные и государственно-политические задачи» [15, s. 355—356]. Под руководством Я. Странского начался процесс выработки послевоенных программ.

После успехов Красной Армии усиливаются позиции коммунистического движения сопротивления, центр которого находился в Москве и где должны были пройти переговоры по вопросу о будущем чехословацкого государства после окончания войны. 31 января 1945 г. Э. Бенешу были предложены наброски программы национальных социалистов, которые и стали руководством для партийной делегации на переговорах в Москве в 1945 г. [20, s. 340—341]. В этом программном наброске говорилось о том, что о программе и составе правительства следовало договориться еще до возращения на родину и что новое правительство должно было представлять Национальный фронт (НФ), созданный из руководства ЧНСП, КПЧ, ЧСДП, НП и также представителей крестьянства. Кроме того, предполагался принцип солидарной ответственности за принятые решения всего правительства, предусматривалось паритетное представительство в первом правительстве социалистических партий и коммунистов. Чехословакия рассматривалась как национальное государство чехов, словаков и Подкарпатской Украины на правах автономии. Наделение национальных меньшинств политическими правами не предполагалось. В своей внешней политике Чехословакия должна была опираться на союзный договор с СССР. Экономические преобразования ограничивались лондонским декретом Бенеша о немедленной национализации шахт, сбыта угля, тяжелой промышленности, металлургических заводов, всех лечебных и грязевых источников, финансов. Кроме того, предусматривалось завершение аграрной реформы на основе сохранения мелкой земельной собственности.

В связи с тем, что кроме КПЧ ни одна другая партия не представила какую-либо конкретную программу, кроме общих представлений о том, чему бы они хотели воспрепятствовать, в основу переговоров в Москве был положен проект коммунистов. А 28 марта 1945 г. был утвержден состав нового правительства, в котором национальные социалисты получили три места.

Возрождение ЧНСП началось 17 мая 1945 г., когда в Праге было проведено первое послевоенное открытое собрание. Цель его состояла в обновлении деятельности партии. Как вспоминал видный партийный деятель П. Дртина, он ожидал, что зал не сможет разместить всех желающих и придется вынести громкоговорители на улицу. Ожидания не оправдались: зал был полон, но на улице никто не остался. Это стало первым показателем того, как тяжело будет протекать обновление партии [12, s. 60].

8—9 декабря 1945 г. состоялся первый послевоенный съезд ЧНСП. Главная задача съезда состояла в выработке новой программы партии. Выступая на нем, председатель ЧНСП Зенкл заметил, что чешские национальные социалисты никому не хотели навязывать свои идеи, но и не хотели, чтобы «кто-нибудь оказывал влияние на развитие нашего народа и государства по иностранным образцам» [21, л. 25].

В Программе действия, разработанной к съезду, ЧНСП провозгласила себя «партией маленького чешского человека», «партией трудящегося народа, живущего за счет своего умственного и физического труда, партией интеллигенции, торговых и канцелярских, государственных и общественных служащих, равно как и партией крестьян, ремесленников, торговцев, представителей свободных профессий и средних слоев» [7, s. 218].

Партия заявила, что находится «на службе всей нации, а не только одного общественного класса», выступив тем самым с позиций национального немарксистского социализма, национального патриотизма и демократии [22, л. 91]. Связывая национальный социализм с демократией, национальные социалисты заявляли, что «наш национальный социализм убежден, что единственный политический строй, при котором мы сможем жить хорошо и счастливо, — демократия Масарика. На ней сформировалась наша республика, и ее мы хотим достроить» [23, s. 98]. Много внимания в программе уделялось будущей конституции, парламентаризму, экономическим и внешнеполитическим, социально-политическим и культурным проблемам. В программе был сохранен и принцип экономического плюрализма.

На всех послевоенных заседаниях партии говорилось о ее общенациональном и внеклассовом характере. Постоянно подчеркивалась мысль, что для успешной политической деятельности недостаточно поддержки лишь одного класса. Поэтому, провозгласив себя партией «маленького человека», ЦК издал распоряжение о расширении социальной базы путем приема в члены партии «каждого порядочного мужчину и женщину», не интересуясь тем, к какому политическому течению «он принадлежал вчера» [9, s. 49]. Что касается численного состава, то на конец 1945 г. в рядах ЧНСП насчитывалось около 500 тыс. чел., на конец 1946 г. — свыше 593 тыс. чел., а в начале 1947 г. — превысил 602 тыс. [24, s. 54]. Из общей численности членов партии на долю рабочих на апрель 1947 г. приходилось 25 %, на долю служащих — 26 %, мелких предпринимателей — 14 %, крестьян — 18 % и на прочие слои населения — 7 % [25, с. 287]. Таким образом, можно отметить преобладание в партии представителей средних слоев населения, привлечение которых к методам и формам внепарламентской борьбы было весьма проблематично. При этом, являясь второй по численности партией в стране, ЧНСП пользовалась широким влиянием, главным образом, в чешских землях, так как камнем преткновения оставался словацкий вопрос.

В мае 1946 г. в Чехословакии состоялись первые послевоенные выборы в Национальное собрание. Их значение определялось тем, что главная задача нового парламента состояла в выработке и утверждении новой конституции, и все понимали, что от исхода выборов зависит будущее страны.

Предвыборная борьба между партиями велась по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, на идеологическом фронте. Однако на деле, кроме расплывчатых формулировок «национального социализма, демократии и патриотизма», ЧНСП так и не выработала какую-нибудь четкую предвыборную платформу.

Национальные социалисты верили в свою победу и полагали, что по итогам голосования правительство НФ будет сформировано без коммунистов и их союзников социал-демократов. Тем не менее по результатам голосования ЧНСП оказалась лишь на втором месте после коммунистов, получив 1299 тыс. голосов (23,66 %) [26, л. 58]. Таким образом, предвыборные надежды национальных социалистов не оправдались. Особенно болезненным оказалось поражение в Праге, которая издавна считалась их партийным доменом [12, s. 169—170]. Выборы показали, что национальные социалисты нашли поддержку среди тех слоев населения, которые составляли их довоенную членскую базу. За них голосовала значительная часть интеллигенции, студентов, представителей свободных профессий, ремесленников, предпринимателей, в меньшей степени крестьяне.

После выборов 1946 г. наряду с участием в работе государственных органов власти чешские национальные социалисты занимались дальнейшей разработкой теоретических основ своей деятельности — так называемой концепции национального социализма. В августе 1946 г. в Лугачовицах состоялся II съезд работников образования, просвещения и физического воспитания. На этом съезде с докладами выступили лидеры партии. В своем выступлении глава партии Зенкл опроверг обвинение в адрес ЧНСП в «несоциалистичности». Он подчеркнул, что национальные социалисты, как и все социалистические партии, выступают за строительство социализма [11, s. 11]. В основе концепции национального социализма лежит гуманизм, тесно связанный с другими программными установками: идеей «передового социализма», политической демократии, единого и суверенного чехословацкого государства, единства славянских народов и международного сотрудничества. Одна из основополагающих идей национального социализма состояла также в том, что демократия — это наиболее совершенная форма существования человеческого общества, способствующая расцвету социализма. В свою очередь, демократия может всесторонне развиваться лишь при социализме и благодаря социализму: «как социализм без демократии не будет социализмом, так и демократия без социализма не демократия» [10, s. 123]. Таким образом, демократия не просто средство, а цель. Кроме того, национальные социалисты полагали, что новое общество должно обязательно вырастать из старого естественным путем, а если этого пути нет, — не будет и нового общества.

1947 г. прошел под лозунгом празднования 50-летия ЧНСП. К этому событию был приурочен и XIV съезд партии. Программа съезда включала многочисленные мероприятия. Еще 19 февраля 1947 г. Зенкл предложил включить в работу съезда вопрос о переименовании партии, так как за границей ее название отождествлялось с немецкой национал-социалистической рабочей партией.

Результатом работы образованных секций явилось принятие решения о том, что проект новой программы партии необходимо доработать по многим вопросам. Например, указывалось, что, несмотря на объем в 30 страниц — программа не давала четкого понятия «социализм», отсутствовала внятная позиция по словацкой проблеме [3, s. 499]. XIV съезд так и остался внутрипартийным событием, а новая программа партии так и не была принята. Руководство ЧНСП отказалось признать наличие в обществе конфронтационных настроений и по-прежнему призывало к сотрудничеству. Заявление, что партия выступит опорой демократических сил «в бою за лидерство в народе и государстве» [3, s. 503], так и осталось прокламацией.

Так, еще осенью 1946 г. ЧНСП в обход других политических партий вела переговоры с коммунистами. Разговор касался решения экономических проблем. Но готовность национальных социалистов идти на уступки коммунистам была последними отвергнута, вернее, они на него никак не отреагировали. Вторая встреча состоялась весной 1947 г. Она протекала на более высоком уровне. Однако до подписания какого-либо соглашения дело так и не дошло. Со второй половины 1947 г. начинает формироваться антикоммунистическая оппозиция. Первым шагом на пути к созданию оппозиции стала Карловарская договоренность национальных социалистов в июле 1947 г. На встрече было принято решение более ни в чем не уступать коммунистам, а в борьбе против большевизации государства опираться на силы всех некоммунистических партий, в том числе и на социал-демократию [13, s. 348]. Этот шаг свидетельствовал об изменении ставки ЧНСП на самостоятельную борьбу с коммунизмом.

В сентябре 1947 г. прошла полоса политических консультаций формировавшейся антикоммунистической оппозиции. Результатом этих межпартийных контактов явилось заявление министра внешней торговли и видного партийного деятеля Г. Рипки, сделанное на заседании ЦК ЧНСП 22 сентября 1947 г., о договоренности некоммунистических партий поддерживать и информировать друг друга [27, s. 251]. Однако оппозиция не была достаточно сильной и единой. Единству мешали различия программных установок, неверие (особенно на местах) в продолжительность и эффективность сотрудничества на антикоммунистической основе, сомнение в способности править без коммунистов.

С другой стороны, выступая за более тесное сотрудничество партий некоммунистического толка, ЧНСП и сама не всегда была последовательна в своих действиях. Так, на страницах газеты «Свободны зитржек» от 25 сентября 1947 г. вышла статья, сформулировавшая отрицательное отношение к межпартийным соглашениям в обход НФ [28, s. 168]. Тот же Рипка не переставал верить в сотрудничество всех партий на благо строительства действительной демократии в Чехословакии даже в первой половине февраля 1948 г. [29, s. 60]. Таким образом, ориентация на парламентские формы борьбы и интеллигентское стремление не исключать коммунистов из правительства, а лишь ослабить их позиции привели к тому, что оппозиционеры оказались не готовыми выступить единым фронтом в решающий момент и неспособными противостоять пролетарским методам борьбы в условиях жесткой политической конфронтации, решившей в конце февраля 1948 г. дальнейшую судьбу Чехословакии.

Февральский общественно-политический кризис предрешил судьбу ЧНСП и ее лидеров. Ряды партии покинули многие ее члены. Новое руководство, пришедшее к власти после кризиса, представляли Э. Шлехта, В. Микулаш и др. Они по разным причинам решили продолжать политическую деятельность. Новый президиум партии, избранный 29 февраля 1948 г., дистанцировался от прошлого руководства и его программы. Было принято решение формировать партию на совершенно новых основах, как прокоммунистическую. Она была переименована в Чехословацкую социалистическую партию. По оценкам в ней осталось примерно 40 % членов бывшей ЧНСП [4, с. 108]. Фактически рождалась новая партия.

Большинство членов президиума ЧНСП после февральских событий эмигрировали в Канаду, Австралию, Англию, Францию и США. В первые годы они поддерживали тесные связи между собой, так как полагали, что коммунистический режим в Чехословакии долго не продержится. Представителями партии был образован политический орган в эмиграции — Совет свободной Чехословакии, председателем которого был избран П. Зенкл [14, s. 337—338]. В эмиграции из бывших членов президиума был вновь воссоздан президиум ЧНСП. За границей национальные социалисты выпускали газеты и журналы. Но агония партии была очевидной.

Таким образом, во время всеобщего полевения послевоенного чехословацкого общества национальные социалисты разработали и представили альтернативный коммунистам вариант социально-экономических и политических преобразований. Среди основных идей национального социализма Чехословацкой национально-социалистической партии можно выделить следующие. Во-первых, это его общенациональный, а не классовый характер. Во-вторых, в центре его концепции лежала любовь к человеку с вытекающими отсюда требованиями предоставления равных возможностей для личностного развития. В-третьих, народное хозяйство страны предполагалось организовать на основе экономического плана и на принципах общего блага. Но даже эти политически аморфные представления так и не были надлежащим образом оформлены. Ни одна программа партии фактически не была принята. Публиковались лишь программные принципы.

В своих программных выступлениях 1930—1940-х гг. ЧНСП ратовала за свободу, торжество разума, идеалы высокой нравственности, человеческое достоинство. Будущее социалистическое общество воспринималось ими как высшая ступень развития производительных сил, реализации творческого потенциала человечества. Отрицая поспешность, они полностью исключали насилие и диктатуру как средство достижения цели. Развивая идеи социализма, чешские национальные социалисты опирались, прежде всего, на традиции либерально-демократической культуры. Поэтому они ориентировались на так называемую гуманную демократию или демократический социализм, трактуемые не только как идеал, но и как длительный, не ограниченный во времени процесс. Однако в условиях обнищания и люмпенизации всех социальных слоев чехословацкого общества, превращения послевоенного СССР в сверхдержаву с геополитическими претензиями на формирование мировой социалистической системы, идеологической мифологизацией советской действительности концепция коммунистов, которая была ориентирована на сталинский социализм и дававала большой выигрыш во времени, оказалась более востребованной, чем концепция «неклассового национального социализма» ЧНСП.

Литература

1. Harna, J. c;eskoslovenští národní socialistý v mnichovský krizi / J. Harna // Československé časopis historické. 1974. c; 1. S. 57—80.
2. Harna, J. České národní socialismus (do roku 1938) / J. Harna // Přehled politickýho stranictví na území českéch zemí a Československa v letech 1861—1998 / Ed. P. Marek a kol. Olomouc, 2000. S. 119—131.
3. Kocian, J. Sjezd československý strany národně socialistický v předvečer padesátiletýho jubilea v roce 1947 / J. Kocian // Český země a Československo v Evropě XIX. a XX. století : Sborník prací k 65. narozeninám prof. dr. Roberta Kvačka / Uspořad. J. Dejmek a J. Hanzal. Praha: Historické ústav AV ČR, 1997. S. 489—504.
4. Коциан, И. Чешские некоммунистические партии после февраля 1948 года / И. Коциан, П. Вошагаликова // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20—60-е годы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 1991. С. 102—112.
5. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьина. М. : Наука, 2005. Кн. 2. 2005. 558 с.
6. Мурашко, Г. П. Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945—1948) / Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985): Новое прочтение; под. ред. Л. Н. Нежинского, А. М Филитова и др. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 64—114.
7. Harna, J. Politický programy českýho národního socialismu / J. Harna. Praha : Historické ústav AV ČR, 1998. 291 s.
8. Král, V. Politické strany a Mnichov. Dokumenty / V. Král. Praha : Svobodný slovo, 1961. 235 s.

9. Tři roky. Přehledy a dokumenty k československý politice v letech 1945—1948: 2 d. Brno: Melantrich, 1991. D. 1: Události od osvobozeni na jare 1945 do provedeni voleb v kvetnu 1946. 1991. 498 s.
10. Tři roky. Přehledy a dokumenty k československý politice v letech 1945—1948: 2 d. Brno: Melantrich, 1991. D. 2: Událostí od svolání Prozatímního národního shromáždení v kvetnu 1946 do druhýho véročí osvobození Prahy v kvetnu 1947. 1991. 609 s.
11. Zenkl, P. Ideologický základy československý strany národne socialistický / P. Zenkl // Naše strana československý kultuře. Předneseno na II. sjezdu osvetovéch, školskéch a telovychovnéch pracovníků v Luhačovicích v srpnu 1946 / Ed. Zemské vékonné vébor Československý strany národně socialistický. Brno: Melantrich, 1946. S. 11—37.
12. Drtina, P. Československo. Můj osud. Kniha žívota českýho demokrata 20.století: 2 sv. / P. Drtina. Praha: Melantrich, 1992. Svázek II. Kniha 1. 1992. S. 1—257.
13. Drtina, P. Československo. Můj osud. Kniha žívota českýho demokrata 20.století: 2 sv. / P. Drtina. Praha: Melantrich, 1992. Svázek II. Kniha 2. 1992. S. 257—720.
14. Klátil, F. Republika nad stranami. O vzniku a vévoji Československý strany národne socialistický (1897—1948) / F. Klátil. Praha: Melantrich, 1992. 375 s.
15. Laštovička, B. V Londéne za války. Zápasy o novou ČSR. 1938—1945 / B. Laštovička. Praha : Státní nakladatelství politický literatury, 1962. 612 s.
16. Cabada, L. České stranické systým. 1890—1939 / L. Cabada. Plzeт: Západočeská univerzita, 2000. 100 s.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 608. Справочные материалы.
18. АВП РФ. Ф. 138. Оп. 12. П. 26. Д. 24. Информационный материал о стране.
19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 614. Справочные материалы.
20. Cesta ke kvetnu. Vzník lidový demokracie v Ceskoslovensku / Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Mala, V. Prečan. Praha: Nakladatelstvi Ceskoslovenský Akademie ved, 1965. Díl 1. S. 1—454.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1010. Справочные материалы.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 903. Информационные материалы.
23. Harna, J. Kritika ideologie a programu ceskýho národního socialismu / J. Harna. Praha : Studie CSAV, 1978. Cast. 1. 132 s.
24. Kaplan, K. Nekrvavá revoluce / K. Kaplan. Praha : Mladá fronta, 1993. Sv. 68. 448 s.
25. Шмераль, Я. Б. Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ / Я. Б. Шмераль // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; редкол. Л. Б. Валев и др. М. : Наука, 1977. С. 268—306.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 490. Обзор материалов по стране.
27. Král, V. Cestou k únoru. Dokumenty / V. Král. Praha : Svobodný slovo, 1963. 432 s.
28. Belda, J. Na rozhraní dvou epoch / J. Belda, M. Bouček, Zd. Deyl, M. Klimeš. Praha: Svoboda, 1968. 322 s.
29. Brod, T. Operace velké Podvod. Cesta československéch komunistů k moci v letech 1945—1948. Triumf a zkáza / T. Brod. Praha : Magnet-press, 1991. c;ást 2. 128 s.

http://www.rsijournal.net/koncepciya-nacionalnogo-socializma-chexoslovackoj-nacionalno-socialisticheskoj-partii-1930-1940-e-gg/

НС в Австрии. Часть I.

Австрийский национал-социализм

Австрийский национал-социализм - пангерманское движение, которое было сформировано в начале XX века. Движение приняло конкретную форму 15 ноября 1903 г., когда в Австрии была основана Немецкая рабочая партия со своим секретариатом, дислоцированным в городе Аусиг.

Происхождение Немецкой рабочей партии

В 1893 году Франко Штейн из Эгера и ученик переплетчика Людвига Фогель из Брюкса организовали Немецкий национальный рабочий союз. Это было объединение рабочих, учеников, членов профсоюзов железнодорожников, шахтеров и рабочих текстильной промышленности, которое отстаивало национальные интересы немцев, как результат их многочисленных конфликтов с ненемецкоговорящими рабочими, особенно в системе железнодорожного транспорта. В 1899 году Штейн провел конгресс рабочих в Эгере и обнародовал программу из 25 пунктов.

Другая конференция прошла в Саазе в апреле 1902 года под названием «Немецкая политическая организация труда в Австрии». В Аусиге 15 ноября 1903 г. она реорганизована под новым названием — «Немецкая рабочая партия в Австрии»). На партийном съезде Ганс Книрш предлагает назвать партию национал-социалистической или немецко-социальной Рабочей партией. Последний вариант был заблокирован богемской группой, которая не хотела, чтобы название копировало имя Чешской национальной социальной партии.

На партийном съезде в Вене в мае 1918 DAP изменила свое название на «Немецкая национал-социалистическая рабочая партия») и провозгласила Программу немецкой национал-социалистической партии в Австрии которая, как полагают, повлияла позднее на программу НСДАП.

В 1923 году австрийская ДНСАП раскололась на две фракции: Немецкую социальную ассоциацию под руководством доктора Вальтера Риля и группу Шульца. После 1930 года большинство бывших членов ДНСАП стали сторонниками немецкой НСДАП во главе с Адольфом Гитлером и были одними из тех, кто способствовал аншлюсу с Германией.

Лидерами партии, которые получили название Ландеслейтеров, в связи с признанием Гитлера общим фюрером, были Альфред Прокш, Герман Нойбахер и Йозеф Леопольд, хотя реальная власть в партии часто принадлежала Теодору Хабихту, эмиссару Гитлера, направленному для наблюдения за нацистской деятельностью в Австрии.

http://avstrien.ru/a/avstriyskiy_natsional-sotsializm

НС в Австрии. Часть II.

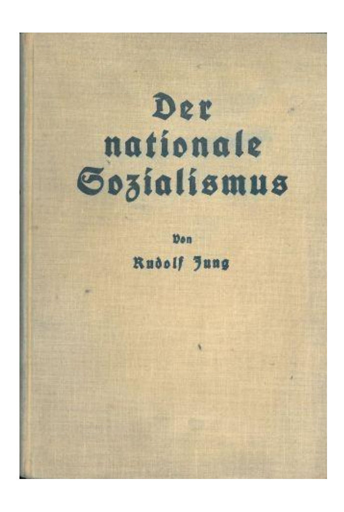

Рудольф Юнг

Национальный социализм.

В 1919 году немецкий политический деятель Рудольф Юнг написал главный труд своей жизни «Национальный социализм. Его основы, его становление и цели». Юнг считал, что его труд сыграет для НС-движения такую же роль, как и «Капитал» Маркса для коммунистического.

Вниманию читателей предлагается небольшой отрывок из этой книги на русском языке. Перевод осуществлен по изданию 1922 года: Jung R. Der nationale Sozialismus: seine Grundlagen, sein Werdegang und seine Ziele, Aussig, 1919. 2nd ed.; Munich: Deutscher Volksverlag Dr. Boepple, 1922. S.76-77.

Часть Вторая.

Становление и цели национального социализма.

Введение.

Национальный социализм не просто программа политической партии; также он не является искусственным творением или измышлением каких-то честолюбцев или карьеристов. Если бы

движение, которое несло его, в бури, которые над ними бушевали бы, давно погибло, то он бы пережил бы его и вновь как всегда – даже на руинах – поднял бы свои грозовые знамена.

То, что мы называем национальным социализмом, является много большим. Он является Мировоззрением (Weltanschaung). Оно может прекрасно существовать без национал-социалистической партии и существует без нее, как показывают наши предшествующие размышления. Когда он уже появился в чистейшей форме в нашем народе, он никогда не оставался замкнутым в каких-либо границах. Схожие явления и движения возникали и появляются наоборот скорее и также в других народах. Да можно прямо-таки утверждать, что только в нашем народе чужеродный марксизм – который впрочем, совсем никакой не социализм – смог завоевать массы, в то время как социалисты других народов более или менее постоянно были и считались национальными социалистами.

Нас обвиняют, что у нас не было учения, подобного марксизму. Но так ли это необходимо? То, что наши предки создали и сотворили, то чему учили Фихте, Фридрих Лист, Адольф Вагнер, есть не что иное, как национал-социализм. Мы знаем его таким, каким он ни с одним народом не сопряжен столь искренне, как только с нашим. То, что другие народы называют социализмом, вовсе не то же самое, что мы понимаем; это больше иллюзия, чем действительность, берущая начало, скорее из подражания, нежели из внутреннего импульса.

Каждое движение требует своего времени, каждому еще пробьет свой исторический час. В случае если оно хочет заработать, ему нужен инструмент, который должен быть у него в распоряжении, безусловно, безоговорочно! Вдохновляющая идея сама по себе ничего не осуществит. Она, безусловно, является содержанием, сердцевиной. Но ей нужен сосуд. И таковым является немецкая национал-социалистическая партия – она ее инструмент и ею наполненный сосуд. Не в одиночку, конечно, но также в дополнение к политическому движению она работает и на профсоюзной и товарищеской основах. Будут ли они по существу политически нейтральными, т.е. непосредственно в партийной связке, она придерживается - сознательно или бессознательно - в своей работе той же линии, так что мы можем использовать их в качестве инструмента национального социализма.

Как же так случилось, что идея национал-социализма сначала бессознательно, затем ясно и осознанно нашла свое воплощение в движении, носителем воли которого является? Об этом должен нам поведать краткий исторический обзор.

перевод с немецкого языка Богдана Заднепровского

Клаус Вигрефе

Конец Веймара. Нацисты и коммунисты

Оригинал статьи // Шпигель, 2008

http://www.urokiistorii.ru/history/event/2995

Немногие знают о том, что в Поздней Веймарской республике в борьбе против демократии коммунистическая партия Германии (КПГ) работала совместно с партией национал-социалистов (НСДАП). Один из лучших примеров такого сотрудничества даёт забастовка работников транспорта 80 лет назад.

Ноябрь 1932 г., за два дня до парламентских выборов в Рейхстаг. Сотни коммунистов и нацистов выходят с маршем на главную улицу района Берлина Шёнеберг. Но вместо того, чтобы разбежаться по разным сторонам, они бок-о-бок поддерживают забастовку работников Берлинской транспортной кампании.

Несмотря на объявленную забастовку, некоторые машинисты, проводники и работники депо поддержали работу работу поездов. Вот приближается трамвай №40, и толпа орёт «Штрейкбрехеры!», «Долой предателей!». Полицейские, сопровождающие трамвай спереди и сзади, стреляют сначала в воздух, а потом, когда радикально настроенные участники демонстрации нападают, начинают стрелять в толпу.

Но не только в Шёнеберге, в других районах Берлина в эту пятницу активисты НСДАП и КПГ совместно атаковали полицию, которая пыталась защитить штрейкбрехеров. Кровавый пик восстания получил название «красной пятницы» пятидневной забастовки – этот день унёс с собой четыре жизни.

В ситуации, близкой к гражданской войне, к концу существования Веймарской республики такой баланс сил в предвыборную неделю не являлся необычным. Сотни людей погибли в уличных беспорядках 1932 года. Однако в отличие от типичных для того времени баталий между нацистами и коммунистами – пистолеты, ножи, рукопашный бой – забастовка работников городского транспорта поднимает другую забытую главу истории: деструктивная совместная работа НСДАП и КПГ, которая привела к уничтожению первой немецкой демократии.

По словам историка Генриха Августа Винклера, забастовка работников Берлинского транспортного предприятия является ярким тому примером, так как организаторами этой забастовки стали профсоюзы рабочих НСДАП и КПГ. Инициаторами являлись Вальтер Ульбрихт, шеф КПГ Берлина, впоследствии создатель ГДР и Йозеф Геббельс – «гауляйтер» НСДАП.

Результат этой коллективной работы был описан в книге публициста Клауса Райнера Ролля «Близость к сопернику. Коммунисты и национал-социалисты в берлинской стачке БТП в 1932 г.». Представители

национал-социалистической организации заводских ячеек (Nationalsozialistischen Betriebszellen-Organisation, НСБО) были приняты в руководство этой забастовки. Они участвовали в обсуждении способов противодействия штрейкбрехерам и полиции.

Берлинцы могли наблюдать на улице нацистов и коммунистов, которые в спокойном взаимодействии собирали деньги для финансирования забастовок своих организаций. Для большинства современников совместная работа «коричневых» и «красных» была не так уж удивительна. Сторонники Гитлера и Сталина часто сотрудничали при мелких забастовках или во время референдума в Пруссии в 1931 г. «У большевизма и фашизма общая цель – разрушение капитализма и социал-демократической партии», – открыто заявлял представитель партии КПГ в Саксонском парламенте Курт Альфред Зиндерманн.

Избирателей, как ни странно, не смущала эта убийственная смесь уличных боёв и сотрудничества против социал-демократов (те являлись последней опорой угасающей Веймарской республики). При выборах в Рейхстаг в июле 1932 г. противники демократии из числа НСДАП (37,4%) и КПГ (14,5%) совместно получили больше половины всех отданных голосов.

«Сейчас мы должны прийти к власти и уничтожить марксизм. Так или иначе!», – кратко записал Геббельс в своём дневнике. Но президент Пауль фон Гинденбург не захотел назначать Гитлера, победителя выборов, канцлером. В сентябре стало ясно, что в начале ноября будут проводиться новые выборы.

Перед Адольфом Гитлером и председателем КПГ Эрнстом Тельманом встал вопрос, в каком избирательном слое возможно получить большее количество голосов. По словам эксперта Клауса Райнера Ролля «главы обеих партий пришли к одинаковому выводу, что таким слоём являются сторонники оппозиции. Тельман утверждал, что революция пролетариата «невозможна без вторжения во фронт движения Гитлера». Уже в мае он руководствовался девизом: «При возникновении забастовок принимать национал-социалистов в комитеты забастовок».

Причин для забастовок осенью 1932 г. было предостаточно. В то время канцлер Франц фон Папен хотел уменьшить число безработных, сокращая зарплаты. Он отменил тарифное право и вызвал этим волну забастовок, в том числе и в БТП, третьем по величине предприятии Германии. Образцово-показательный проект социал-демократической коммунальной политики сильно пострадал во время финансового кризиса. Почти 6500 из 28400 работников были уволены, либо зарплаты были уменьшены в шесть раз, либо рабочее время было сокращено без возмещения компенсации. Это называлось неоплачиваемый отпуск. Неудивительно, что работники возмущённо реагировали, когда руководство БТП в октябре 1932 г. снова попыталось снизить зарплаты. Тогда не помогло и то, что ответственный профсоюз договорился снизить зарплаты на 2 пфеннига, а не на 32, как было запланировано.

Коммунисты первыми прыгнули в поезд и потребовали голосования о проведении забастовки. Вскоре к ним присоединились и другие, в том числе НСБО. Гауляйтер Геббельс: «Наше участие в забастовках отпугнёт множество граждан. Однако это не решающий фактор. Этих граждан можно будет потом вернуть, но однажды потеряв рабочего, вернуть его будет уже невозможно».

Второго ноября за забастовку проголосовало 14471 работников и всего 4000 против. По уставу уполномоченного профсоюза 2/3 большинства хоть и были недостаточны, но это уже никого не интересовало.

Ещё ночью Ульбрихт и Геббельс приказали мобилизовать товарищей по партии и разделить места проведения стачек. Так называемая Организация Защиты от массовых забастовок должна была предотвратить участие в забастовках тех, кто хочет работать, но это, конечно, удалось не полностью. Несмотря на попытки предотвратить беспорядки, бастующие срывали электропровода, строили баррикады и заливали их жидким цементом. Революционные работники БТП трамвайного ДЕПО №24

в районе Лихтенберг с гордостью отослали письмо московской «Правде», «как доказательство тесной связи с вами».

Руководство обеих, обычно враждовавших, партий не видело ничего страшного в этом необычном альянсе. Однако о причинах такого беспрепятственного сотрудничества остаётся только гадать. Раньше учёные полагали, что члены КПГ и НСДАП часто меняли лагерь; якобы даже часть штурмовых отрядов (СА) была сформирована из бывших коммунистов. Тем не менее, доказательств этому найдено не было. Была ли причиной сотрудничества партийная дисциплина, которой подчинялись и коричневые, и красные товарищи?

В пятницу утром ситуация обострилась. Перед Депо на Белцигер штрассе, затем и на площади Рудольфа Вилда, и на Мартин Лютер штрассе сотни коммунистов и национал-социалистов выступили против полиции. Полиция, ссылаясь на самооборону, много раз стреляла в толпу.

В штаб-квартире СА и КПГ бастующие блокировали проезжие части, разбивали лобовые стёкла городского транспорта, избивали водителей и кондукторов. В этот день из 271 трамвайных вагонов 165 были значительно повреждены. «Бастующие работники перешли к активному террору против штрейкбрехеров», – писал Геббельс. С наступлением темноты движение транспорта было полностью остановлено.

В этот вечер тем не менее стало очевидно, что бастующие потерпели неудачу. Забастовка не стала разрастаться. Городские поезда, которые подчинялись управлению железными дорогами Рейха, всё ещё ездили. Тем самым движение в Берлине не было остановлено и надежды Гоббельса и Ульбрихта не оправдались. А самое главное, канцлер фон Папен угрожал мобилизацией всех «защитных средств государства» и задействовал всю берлинскую полицию. Гитлер, делая вид, что он легальными путями хочет занять место канцлера, в ту же ночь свернул действия СА.

НСБО всё ещё оставалась в руководстве забастовки, но насилие значительно уменьшилось. И после того, как руководсто БТП подписало первую тысячу бессрочных увольнений – а они отменяли право на получение пособия по безработице – фронт бастующих начал ослабевать. Работники транспорта будут «проситься обратно», – ругался один из активистов КПГ. Во вторник утром трамваи, маршрутные автобусы и метро ходили по расписанию.

Несмотря на то, что стачка не принесла ничего, кроме жертв и раненных, коммунистам она была на руку. КПГ получила на 2,4% больше голосов, по отношению к предыдущим выборам. В то же время НСДАП значительно потеряла голоса.

Альянс с Гитлером, примером которого является забастовка на БТП, для коммунистов не оправдался. В январе 1933 г. ненавистная Веймарская республика окончательно прекратила своё существование, но на её место пришёл новый строй, в котором членов КПГ преследовали и убивали.

Перевод Ксении Наумовой, Луизы Шариповой

О. Ю. Кутарев

Марбургская речь Франца фон Папена 17 июня 1934 года.

Вопросы истории №11, 2011 г., С.119-127.

Одним из эпизодов истории становления и укрепления национал-социалистического режима в Германии является конфликт между руководством НСДАП и верхушкой боевой организации СА, завершившийся «ночью длинных ножей « 30 июня 1 9 3 4 года. Причины, ход и последствия этого события неоднократно оказывались в центре внимания исследователей 1. В связи с ним обычно упоминают о речи, произнесенной вице-канцлером Третьего рейха Ф. фон Папеном 17 июня 1 9 3 4 г., содержание которой традиционно интерпретируется как вызов национал-социалистическому режиму в целом и А. Гитлеру лично. Представляется необходимым подробнее рассмотреть обстоятельства появления упомянутой речи и ее смысл, поскольку на русском языке полный текст выступления Ф. фон Папена еще не был ни опубликован, ни подвергнут глубокому анализу.

Боевые отряды СА сыграли важную роль в процессе восхождения национал-социалистов к вершине политического Олимпа Германии. Однако после захвата власти они стали представлять серьезную опасность для общества в целом и руководства НСДАП — в частности. Процесс унификации управления страной сопровождался многочисленными неприятными «эксцессами»: штурмовики осуществляли «дикие» нападения на рабочих и их собственность, что объяснялось, в первую очередь, крайней бедностью членов СА 2. Один из них, Пол Майковски, в июне 1 9 3 1 г. писал из тюрьмы своему брату Гансу : « Мы, члены СА , — безусловные социалисты, потому что бедны « 3. Гитлер в письме Зельдте от 1 декабря 1931 г. отметил, что около 80% членов СА не имеет работы, а закрытие полицией 44 домов СА угрожает оставить без крова 1000 человек, а без еды 4000 4. Большинство вступивших в СА после 1929 г. не были ветеранами войны.

Весной 1932 г. президент Бадена сообщал в Берлин, что -в его распоряжении только 4 тыс. полицейских против 10 тыс. штурмовиков 5. Основатель г е с т а п о Р. Дильс так характеризовал положение д е л в Берлине: « М е ж д у январем и ноябрем 1 9 3 3 г. ряды СА увеличились с 60000 до 110 000 человек. Около 70% новичков были прежними коммунистами» 6. Гитлер сам подтвердил эти цифры, заявив 9 февраля 1932 г. в «Спортпаласе», что «две трети членов СА — это бывшие красные пролетарии» 7.

Приход к власти НСДАП не решил материальные проблемы большей части штурмовиков 8. В автобиографических эссе на тему: «Почему я присоединился к СА» референты неизменно упоминали о безработице 9. Попытки руководства штурмовиков повлиять на распределение рабочих мест вызывали обратный эффект. В большинстве своем штурмовые отряды состояли из аутсайдеров, озлобленных и категорически игнорирующих рутинный созидательный труд. Многие из них предпочитали совершать нападения на банки, коммерческие учреждения и фабрики или выполнять «щекотливые» поручения партийного руководства (ликвидация Эрнста в «ночь длинных ножей»

вполне объяснима — возможно именно ему была поручена операция по поджогу рейхстага, причем инициатива исходила от Геббельса 10).

В марте 1933 г. нападения на представителей местной власти, священников, членов «Стального шлема» и даже НСДАП со стороны штурмовиков приобрели столь распространенный характер, что вызвали беспокойство Гитлера, Фрика, Гесса (с соответствующими заявлениями они выступили соответственно 10, 13 и 23 марта) «. В июле 1933 г. Рем был вынужден публично осудить множественное проявление своими подчиненными «недопустимой жестокости, грабежей и воровства» 12. Однако вспышки насилия продолжались всю осень 1933 и весну 1934 года.

У абсолютного большинства членов СА отсутствовали конкретные планы выступления против Гитлера и партийного руководства. К числу объектов агрессии не относились официальные, государственные учреждения, однако презрение к государству как таковому демонстрировалось открыто и отдельные представители власти вполне могли опасаться за свою жизнь. Стремление объявить органы власти ответственными за все личные неудачи штурмовиков рождало лозунг о необходимости второй революции. Ситуация накалялась, а законодательное декларирование союза НСДАП и СА было скорее попыткой выдать желаемое за действительное 13.

Некоторые факты указывают на то, что Гитлер задолго до 1934 г. обдумывал возможность чистки СА. В 1929 г. он говорил баденскому гауляйтеру Р. Вагнеру, что в настоящем народном государстве нет места вооруженным партийным организациям 14. Партийные функционеры принимали меры для сохранения организационного обособления НСДАП и СА 15. В 1932 г. Геббельс предполагал необходимость проведения двух мероприятий: запрета СА и роспуска рейхстага. В книге, посвященной истории национал-социалистической революции (1933 г.), нет ни портрета Рема, ни упоминания о нем в статье об СА. Гудериан вспоминал слова Гитлера, сказанные им летом 1933 г. о том, что «каждая революция, по достижении своих целей и прошествии времени, должна смениться процессом эволюции»16.

Гитлер знал о претензиях Рема на руководство вооруженными силами страны. Однако в своем первом выступлении перед генералами в качестве канцлера (3 февраля 1933 г.) он объявил об отсутствии намерений объединить армию и СА 17. К концу 1933 г. Гитлер принял решение об увеличении численности рейхсвера до 300 тыс. человек, окончательно отрезав путь к преобразованию СА в новые вооруженные силы Германии. Необычная поспешность, с которой проводилось расширение армии, позволяет сделать вывод о существовании не только военной, но и политической подоплеки у проводимых мероприятий. Бломберг сам заявил 20 декабря 1933 г. о двух проблемах, стоящих перед вооруженными силами: 1) защита границ; 2) стремление СА создать собственный вермахт 18. В декабре Рем объявил, о юридической автономии своих отрядов 19, окончательно связав свою судьбу с новоявленными опричниками. Главным условием обуздания СА стала победа над их вождем 20.

К весне 1934 г. назрел фундаментальный раскол между Ремом как лидером обедневших, радикальных СА, и консервативными членами кабинета Гитлера. Нарастающая волна запугивания, насилия и разрушения угрожала дискредитировать и даже уничтожить новое правительство, вызвав гнев его консервативных союзников. Рем требовал от фюрера удаления Шахта, Шмитта, Зельдте. Весной 1934 г. он провел инспекционные поездки, сопровождаемые митингами с откровенной критикой руководства НСДАП и рейхсвера. В марте министерство обороны прекратило совместное обучение своего личного состава с отрядами СА 21. Шверин-Крозиг, Граф и Зельдте обсуждали с Гитлером возможность окончания государственного субсидирования штурмовых отрядов. Гитлер принял компромиссное решение: сохранение субсидий, но постепенное снижение численности СА 22.

17 июня 1934 г. вице-канцлер Германии Франц фон Папен в здании Марбургского университета произнес знаменательную речь. Критическая оценка деятельности национал-социалистического правительства из уст человека, входившего в его состав, прозвучала достаточно неожиданно. Вице-канцлер выступил как защитник католической церкви и многопартийности. Неблагоприятной оценке подверглась также неумеренная национал-социалистическая пропаганда. Наибольшее беспокойство

у Ф. фон Папена вызывал лозунг углубления социалистического содержания свершившейся революции: «Толкам о второй волне, которая должна завершить революцию, как видно, не будет конца! Безответственные люди, которые тешат себя подобными мыслями, не должны закрывать глаза на то, что за второй волной легко может последовать третья. Тот, кто угрожает гильотиной, часто сам попадает под ее нож. Что же касается социализации, о которой сейчас столько говорят, то позволительно спросить: неужели Германия пережила антимарксистскую революцию только для того, чтобы заняться осуществлением марксистской программы?.. Движение должно когда-то завершиться. Пора создать прочную социальную структуру, скрепленную авторитетной государственной властью!» 23. Основную порцию критики получили отряды СА— ядро «левых» сил национал-социализма, наиболее заинтересованное в осуществлении «второй волны». Папен не осуждал националистические перемены в Германии. Он укорял тех, кто «грешит против духа немецкой революции», и уточнял, что «предоставил себя без всяких оговорок в распоряжение национал-социализма и доказал полную лояльность к нему».

В начале речи вице-канцлер неоднократно обращался к оценке впечатления, производимого новым правительством на руководство других стран. По его мнению, процесс обновления Германии связан с образованием «шлака» в сферах материального и духовного производства. Зарубежье недоброжелательно «указывает пальцем на эти шлаки и трактует их как явный признак разложения». Одним из симптомов германской болезни, волнующей остальной мир, является смерть свободы слова. Ф. фон Папен заметил, что произносимая им речь является доказательством достаточной силы руководства страны, способного «вынести приличную критику». Вице-канцлер призвал к восстановлению свободы слова, но исключительно для членов правительства, которые могут позволить себе «инициативу вынесения на обсуждение важнейших для нации вопросов». Тем самым Папен давал понять политикам как внутри страны, так и за ее пределами, что не противопоставляет себя руководителям государства, а разделяет с ними ответственность за происходящее в Германии, но желает существенного изменения проводимого курса. Он также напомнил, что консервативные силы заключили союз с национал-социалистами постольку, поскольку имели с ними общие программные установки, а именно «идеи безусловного руководства, полного авторитета, аристократического принципа отбора и органического народного порядка».

Основной целью германской консервативной (в смысле ниспровержения либеральных идеалов 1789 г.), а потому образцовой европейской революции XX в. было уничтожение принципа народного суверенитета и возвращение «к принципу естественного и божественного господства». Папен соглашался с тем, что по своей сути наступающая эпоха — тотальная, но лишь в политическом смысле. Государственный реформатор не может и не должен стремиться к преобразованию Жизни, то есть первозданного естества. Подобная попытка — это выступление против божественной искры, возврат к псевдонаучной дегенерации гражданского либерализма. Она сродни большевизму, который осуществил не настоящую революцию XX столетия, а рабское восстание, целью которого стала окончательная механизация жизни. Смысл новой эпохи — борьба между верой и атеизмом. «Историческая логика требует, чтобы религиозно обоснованное государство немецкой контрреволюции следовало за либеральным, светским государством 1789 г.», — утверждал Папен. Вице-канцлер явно обращал свои слова к Гитлеру. Ссылаясь на «Mein Kampf», Папен напомнил, что фюрер возглавил национал-социалистическое движение не для религиозной реформации, а для осуществления политической реорганизации германского народа. Непричастность государства к межконфессиональным дискуссиям — прогресс по сравнению с борьбой против религии как таковой. Однако если строительство тотального государства и достижение полного единения народа найдут свое логическое завершение, то унифицированной религиозной основой не только германского, но и всего западноевропейского мировоззрения должно стать христианство. Папен откровенно говорил о возрождении общеевропейской партии гиббелинов как идеале аристократической основы мысли. Исследователи не раз обращали внимание на тот факт, что историческим идеалом большинства представителей консервативной революции было Средневековье.

В речи был упомянут Альфред Розенберг, говоривший в Кенигсберге о консервативной революции. Прозвучал лозунг «крови и почвы» Дарре, хотя и без имени автора. Папен явно стремился к предотвращению конфликта с этими национал-социалистическими идеологами. Вице-канцлер

приветствовал осуществление колониальной политики, только потенциальные колонии им названы мягче — «экономические пригородные зоны». Видимо, имелись в виду не только заокеанские владения — среди транспортных средств, необходимых для достижения этих зон, названы самолет и автомобиль. Говоря об эксплуатации колоний, вице-канцлер выступал как защитник Европы, которая должна доминировать в мире (а в Европе — Германия). Мир ждет, чтобы его возглавил ответственный дисциплинированный народ. Население континента, объединив усилия для эксплуатации ресурсов за его пределами, должно вместе с тем отказаться от идеи государственного социализма, считал Папен.

Однопартийное управление страной Папен охарактеризовал как переходный этап. Проблема дуализма партии и государства должна была найти удовлетворительное решение. В перспективе он, по сути, считал необходимым возрождение сословий — «органических соединений» различных социальных групп. При этом классовые противоречия должны быть максимально сглажены. Внутренняя борьба вызывает внешнюю слабость государства, чего нельзя допустить. Папен не решился открыто отвергнуть принцип расовой селекции, однако напомнил, что «дворянство — это не только кровь, но и умственный принцип», а следовательно, нельзя отказываться от «лозунга Интеллектуализма». Если потенциальные конфликты с Розенбергом (по вопросу о религии) и Дарре (по вопросу о расовой чистоте) вице-канцлер пытался сгладить ссылками на труды упомянутых теоретиков, то «камни в огород» Геббельса были брошены безоговорочно. Речь содержит недвусмысленную критику чрезмерной митинговой активности («великих людей создает не пропаганда»), антиинтеллектуализма («опасно исключать умных людей из нации»), антигуманности. Сам Геббельс не был упомянут, принадлежащие ему фразы не цитировались. Характерно, что Герингу в речи не досталось ни критики, ни похвалы. Последний был близок к промышленникам и финансистам, особенно к Ф. Тиссену. С генералами у него тоже были неплохие отношения: Гинденбург в августе 1933 г. произвел Геринга в генералы от инфантерии, хотя тот был министром авиации. Наконец, у него уже сформировалась стойкая неприязнь к Рему. Одним словом, потенциальный союзник не заслуживал упреков, а для предотвращения подозрений со стороны «партай-геноссе» — и похвалы тоже.

Видимо, Ф. фон Папен полагал, что использование в речи национал-социалистической фразеологии позволит облечь консервативно-клерикальные взгляды в форму, приемлемую для руководства НСДАП. Он мог надеяться, что усилия по замедлению революционного процесса увенчаются успехом. Папен замечал, что «никакой народ не может позволить себе вечное восстание снизу, если хочет существовать». Сомнительно, однако, чтобы за фразами, произнесенными вице-канцлером, опытные политики из национал-социалистического движения не увидели призраков ненавистной партии «Центра» и с трудом побежденного националистического Гарцбургского фронта Гугенберга. Кроме того, Папен покусился на один из краеугольных камней национал-социалистической идеологии — принцип вождизма, субъективизма: «Признанный недееспособным народ не должен дарить доверия». Он заявил об ошибочности «культа личности», «лозунга одиночки, который ничего не значит». Слова фюрера о том, что «ценность рода человеческого зависит от ценности отдельной личности», приведены без комментариев. Общий контекст речи и тот факт, что цитата непосредственно следует за критическими высказываниями, подтверждают впечатление о несогласии вице-канцлера с мнением Гитлера. Однако прямо об этом не заявлено. В упомянутой цитате, кроме сказанного выше, прославляются «творческие силы человека». Вице-канцлер оставил себе возможность заявить, что исключительно гениальность и высокий гуманизм последней фразы фюрера определили ее включение в речь. Позднее Папен в своих «Воспоминаниях» написал, что оставил Гитлеру шанс «перестроиться в соответствии с потребностями общества» 24. Тем более, что фюрер еще 2 июня 1933 г. на съезде в Рейхенхалле угрожал беспощадными мерами против попыток «второй революции». Однако вице-канцлер мог и должен был предположить, что его выступление произведет, мягко говоря, неприятное впечатление на членов НСДАП. Крики протеста присутствовавших нацистов зазвучали, по словам самого Папена, сразу же после окончания Марбургской речи (хотя и были заглушены аплодисментами остальной части аудитории). Возникает вопрос: требования каких социальных групп отстаивал вице-канцлер и на какие силы намеревался опереться, если бы ему пришлось вступить в открытый конфликт с НСДАП и СА?

В своих «Воспоминаниях» Ф. фон Папен отметил, что хотя некоторые промышленники (Тиссен, Кирдорф и Шредер) предоставили в распоряжение нацистов значительные средства, «отношение к ним основной части промышленных кругов оставалось прохладным» 25. Эту оценку подтвердил Ф. Тиссен: «До захвата власти Гитлером фон Крупп был его жестким противником. Еще за день до того, как президент фон Гинденбург назначил Адольфа Гитлера канцлером, фон Крупп настойчиво предостерегал фельдмаршала против этого шага». Даже Кирдорф, который вступил в НСДАП значительно раньше Тиссена, «не всегда поддерживал хорошие отношения с Гитлером» 26. Члены «Индустриклуба» видели в национал-социалистах прежде всего союзников по борьбе против большевизма. Финансисты и промышленники не могли питать теплых чувств к «левому» крылу этого движения. Так, Тиссен, по его же словам, для памятного выступления на заседании «Индустриклуба» в Дюссельдорфе (27.01.1932) первоначально хотел пригласить не Гитлера, а Грегора Штрассера. Однако последний слишком дорожил социалистическими лозунгами. Кроме того, если бы Штрассер произвел хорошее впечатление на магнатов и получил значительные суммы, его влияние внутри партии могло значительно вырасти. Гитлер воспринял бы такой шаг как предательство, нарушение, «фюрерпринципа» (утвержденного еще на первом съезде НСДАП 1923 года). Раскол национал-социалистического движения стал бы неизбежен, а это не входило в планы Тиссена. И еще вопрос, не мог ли занять Гитлер, рассорившийся с промышленниками, позиции более революционные, нежели Г. Штрассер. Магнатам следовало своевременно «отсекать» от национал-социализма все социалистическое, сохраняя контроль над движением в целом. К июню 1934 г. наиболее опасным «левым» лидером стал Э. Рем. Указывая на этот факт в своей речи, Папен говорил от имени германской олигархии. Монополисты не собирались идти на уступки представителям мелкой буржуазии и крестьянства, которые наряду с деклассированными выходцами из рабочего класса составляли опору штурмовых отрядов.

Вице-канцлер заручился поддержкой президента Гинденбурга, которого в последний раз видел живым в мае. Тогда уже слабый фельдмаршал сказал: «Плохи дела, Папен. Постарайтесь их поправить» 27. После Марбургской речи Гинденбург направил вице-канцлеру поздравительную телеграмму. Подобное благодарственное послание президент направит и Гитлеру после «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года. Когда Папен узнал, что газетам запретили публиковать текст его выступления, то заявил 20 июня Гитлеру о недопустимости действий, предпринятых «младшим министром» (то есть Геббельсом). Поскольку он говорил в качестве «доверенного лица президента», то незамедлительно потребовал отставки, добавив, что «немедленно доложит обо всем Гинденбургу».

21 июня Гитлер отправился к фельдмаршалу лично. В Нойдеке канцлера встретил Бломберг, который озвучил предупреждение президента: если СА не будут обузданы, гражданское правительство сменят военные. В перспективе это означало реставрацию монархии с Августом Вильгельмом Прусским на троне, которую с восторгом поддержали бы консервативно настроенные националисты, католики, часть буржуазии и верхушка армии. Гитлеру разрешили пройти к Гинденбургу на несколько минут лишь для того, чтобы президент подтвердил информацию, изложенную Бломбергом.

Руководители рейхсвера находились с вождями штурмовиков в отношениях жесткого противостояния. 28 февраля 1934 г. по инициативе Гитлера и в его присутствии Бломберг с Ремом заключили соглашение, по которому за рейхсвером была закреплена боевая подготовка, а за СА — работа с допризывниками и резервистами. Как только офицеры удалились, Рем заявил: «Этот капралишка для нас пустой звук! Я и не подумаю выполнять этот дурацкий договор!.. Гитлер — предатель, недолго ему уже осталось... Он не с нами — обойдемся без него» 28. Присутствовавший при этом Виктор Лутце сообщил Гессу, а затем Гитлеру и Рейхенау слова предводителя штурмовиков.

Как выяснилось позднее, Рейхенау уже вел к тому времени переговоры с Гейдрихом о необходимости ликвидации верхушки СА, для чего необходимо было согласие Гиммлера, шефа войск СС. Последний давно был близок с Ремом. Оба были крестными отцами первого ребенка Гейдриха. Теперь рейхсфюрер СС оказался перед выбором: Рем или Гитлер. Гиммлер выбрал более сильную сторону — Гитлера. Важнейшие политические силы объединялись вокруг рейхсканцлера. Среди бойцов СА авторитет Гитлера был достаточно высок. Опыт непосредственного обращения к штурмовикам фюрер

уже имел. 4 апреля 1931 г. «Фелькише Беобахтер» опубликовала его обращение к отрядам СА по поводу мятежа капитана Штеннеса: «Национал-социалисты! Члены партии и бойцы СА! Внутри группы СА-Восток ковался заговор, осуществление которого могло привести к тяжелой, даже окончательной катастрофе всего национального движения Германии... Я должен решительно использовать этот повод для начала основательной чистки рядов партии от всех примазавшихся к ней элементов. Некоторые руководители заговора еще пытаются опереться на те части СА, которые не знают об их истинных намерениях... Бойцы СА! Я торжественно освобождаю Вас от присяги тем командирам, которые не повинуются приказам» 29.

Победа в предстоящей схватке зависела от способности нанести первый, по возможности неожиданный, удар. Важнейшим фактором становилось своевременное получение информации о поведении и замыслах противника. В июне 1934 г. особую роль играли гестапо и Геринг, намеревавшийся в будущем возглавить вооруженные силы страны. Рем же требовал присоединения армии к СА. Ни Герингу, ни генералам в штабе новой, революционной армии не было места. Бломбергу и другим высокопоставленным армейским чинам нужен был канцлер, готовый обеспечить суверенитет их служебных полномочий. Принципиальная договоренность между Гитлером и представителями армии была достигнута 11 апреля 1934 г. на борту крейсера «Дойчланд». Тогда Бломберг, Фрич и Редер согласились поддержать кандидатуру Гитлера на пост президента Германии в случае смерти Гинденбурга, если он умерит притязания СА и обеспечит рейхсверу положение единственной вооруженной силы в государстве. Этот союз был подтвержден на заседании высших армейских чинов 16 мая 1934 года в Бад-Наугейме.

22 июня 1934 г. Гитлер сообщил о своем решении уничтожить верхушку СА Виктору Лутце, а Гиммлер — барону фон Эберштайну (одному из руководителей войск СС) о подготовке СА к мятежу. Эберштайну предстояло приступить к координации действий с командующим военным округом рейхсвера. Штаб сухопутных войск узнал о готовящемся путче от полковника Фромма 23 июня, а на следующий день командующий сухопутными войсками генерал фон Фрич поставил в известность о происходящем остальных командующих военными округами. 25 июня состоялся разговор Гитлера с Бломбергом. 27 июня командир лейбштандарта фюрера Зепп Дитрих обратился к начальнику организационного отдела рейхсвера для получения оружия, уже ссылаясь на распоряжение Бломберга. В тот же день Гиммлер (еще 1 апреля возглавивший прусское гестапо по приказу Геринга) поставил задачу руководителям территориальных округов СД держать под наблюдением высший командный состав штурмовых отрядов. 29 июня в «Фелькише беобахтер» за подписью Бломберга вышла статья, провозглашавшая преданность армии Адольфу Гитлеру. Затем произошли небезызвестные события, столь тщательно подготовленные, но оказавшиеся неожиданными для широких кругов общественности.

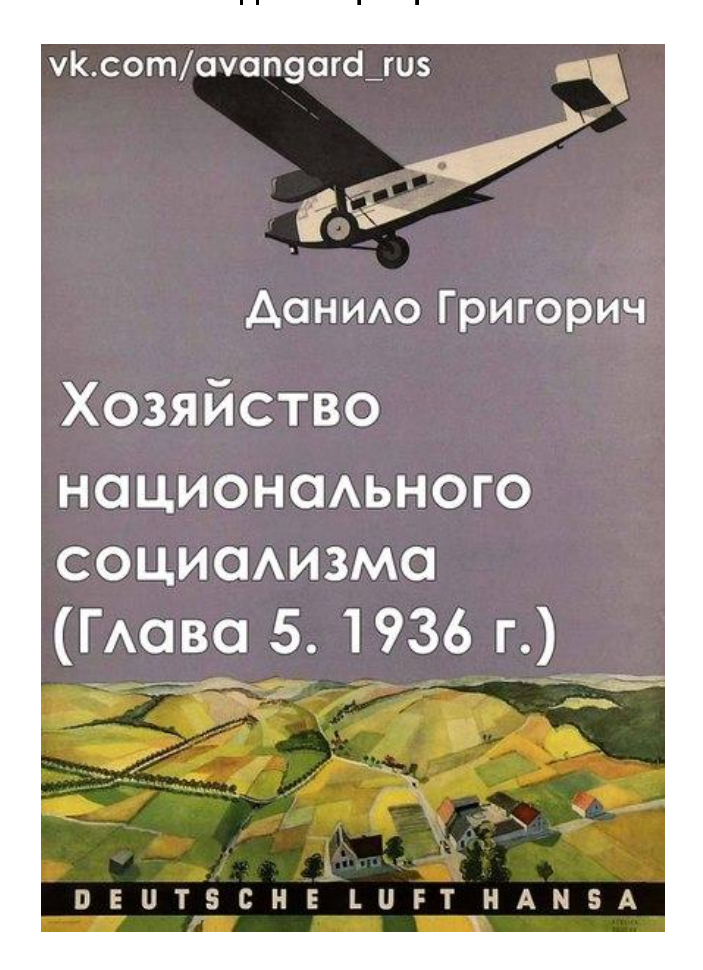
Неправильно было бы утверждать, что непосредственной причиной «ночи длинных ножей» стала Марбургская речь. Конфликт между «левыми» и «умеренными» национал-социалистами, а если сводить к персоналиям — то между Ремом и Гитлером имел глубокие объективные предпосылки и начал зреть задолго до июня 1934 года. Но выступление Ф. фон Папена обострило ситуацию, заставило определить время «чистки» и способствовало сплочению рядов «антиремовской коалиции». Гинденбург, промышленники, генералы и говоривший от их имени Папен вовсе не были уверены в реальности угрозы путча. Об этом откровенно написал бывший вице-канцлер: «Действительно ли Рем и его окружение надеялись получить контроль над армией путем совершения переворота, останется, как видно, навсегда неизвестным» 30. Названные круги подталкивали Гитлера к нанесению превентивного удара по «левой» элите национал-социалистического движения, ее физическому уничтожению. Это был призыв к ликвидации остатков «красной угрозы» в Германии. Несмотря на то, что Гитлер поначалу был взбешен содержанием речи, называл вице-канцлера «червяком» и «нелепым карликом», который будет «начисто раздавлен германской нацией», а Гесс, Геббельс и Геринг выступили с прямыми угрозами, условия ультиматума «правых» нацисты выполнили. В ходе «ночи длинных ножей» Папену косвенно отомстили, уничтожив его близких друзей и помощников — Э. Юнга, Бозе и отправив в заключение Савиньи, Гуммельсхайма, баронессу Штотзинген. Жизнь самого Папена, по всей видимости, висела на волоске. Спасти его могли гарантии, связанные с завещанием Гинденбурга. Но сложившаяся ситуация не позволяла Гитлеру и его

окружению игнорировать речь вице-канцлера в Марбур-ге, даже переполняясь ненавистью к ее содержанию. Столкновение с Ремом было неизбежно. В такой момент следовало не допустить конфронтации с «правыми», а по мере возможности — заключить с ними союз. Время для предъявления ультиматума со стороны консервативных сил было подобрано идеально.

Примечания:

1. См. например: ГАЛЛОМ. Ночь длинных ножей. Борьба за власть партийных элит Третьего рейха. 1932-1934. М. 2007,
2. Капитан Штеннес перед тем, как поднять берлинский мятеж 1931 г., писал Рему: «Намного более важно принять меры к улучшению экономического положения СА. В Берлине есть полки, на 67% состоящие из безработных. В Бреслау подразделение не смогло выйти на осмотр из-за мороза и снега, поскольку не имело соответствующей обуви». FISCHER C. Stormtroopers. A Social, Economic and Ideological Analysis, 1929—1935. L. 1983, p. 46.
3. Он негодовал по поводу принятия в НСДАП Я. Шахта и наследного принца Августа Вильгельма: «Вы когда-нибудь видели человека, который является богатым собственником и вместе с тем честным социалистом? Я такого не встречал!». Ibid., p. 83.
4. DUESTERBERG TH. Der Stahlhelm und Hitler. Wolfenbüttel - Hannover. 1949, S. 26.
5. GRILL J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. 1983, p. 213.
6. FISCHER C Op. cit, p. 57.
7. Akten den Reichkanzelei. Weimarer Republik. B. 3. 1989, S. 2355.
8. В ноябре 1933 г. имперское министерство финансов сообщило, что 1 млн членов СА не имеет работы. FISCHER C. Op. cit, p. 82.
9. Ibid., p. 83. Практически сразу после победы НСДАП, весной 1933 г, имперское министерство труда разработало программу обеспечения работой от 470 до 700 тыс. человек. Но эти действия правительства не имели прямого отношения к СА. Политические взгляды, членство в национал-социалистических организациях, заслуги перед движением практически не принимались во внимание при трудоустройстве. Основными критериями, как и прежде, являлись продолжительность стажа в качестве безработного, имеющаяся квалификация, возраст и т.д. Даже к апрелю 1935 г. в Бадене и Вюртемберге из 636 зарегистрированных безработных две трети являлись членами СА и СС.
10. ГИЗЕВИУС Г.Б. Горит рейхстаг. - Новая и Новейшая история. 2002, № 4, с. 190, 193— 194, 197.
11. BESSEL R. Violence as Propaganda: The Role of the Storm Troopers in the Rise of National Socialism. The Formation of the Nazi Constituency. 1919—1933. 1986, p. 123.
12. FISCHER C Op. cit., p. 197.

Данило Грегорич.

Хозяйство Национального Социализма (1936), Гл.5

Глава, посвященная явлению «процентного рабства», из фундаментального труда Данила Грегорича (1909-1957) «Хозяйство национального социализма» (1936), который был темой его диссертации. Грегорич был идеологом организаций «Югославская акция» и ЗБОР, публицистом, дипломатом, внесшим вклад в глубокое теоретическое исследование национализма.

ОТМЕНА ПРОЦЕНТНОГО РАБСТВА

Национально-социалистическая доктрина полагает, как мы видели, что капитал не является самостоятельным фактором производства, который за свое участие в производстве имеет право на участие в распределении социального продукта, а есть вспомогательное средство для предпринимателя. Из самого существования, или отношения капитала еще нельзя вывести никакое право на получение прибыли из производственного процесса. Тем более основное право из капитала, право на процент, национальный социализм в своей доктрине оспаривает. Более того, организацию извлечения процента из капитала, согласно которой его владелец получает прибыль без активного участия в производительном труде, но на основе труда других, национальный социализм считает причиной экономических и социальных неудач современности. Отсюда, как одно из основных требований, внесено в программу НСДАП положение: «Отмена дохода без труда и работы, отмена процентного рабства».

Старое понимание

«Отмена процентного рабства» стало одним из самых важных боевых экономико-политических лозунгов национального социализма. Он с успехом использовался как оружие против марксистского учения о прибавочной стоимости. Своим требованием, чтобы вся т.н. прибавочная стоимость принадлежала рабочему, марксизм создал фронт против капитала вообще. Тезисом об отмене

процентного рабства национальный социализм считает, что нашел формулу, которой указывает на свое сопротивление капиталистической хозяйственной системе, но не капиталу как таковому. Через формулу о праве рабочего на полное возмещение его труда, марксизм уничтожает собственника капитала, который активно участвует в производстве. Посредством конструкции о процентном рабстве и его отмене, национальный социализм разворачивается против финансового, спекулятивного капитала, а особенно против международных финансовых и биржевых капиталистических сил.

В соответствии с тезисом о том, что производство нужно оставить частной инициативе, хотя и находящимся под контролем и направляемым, национальный социализм не нападает на капитал вообще, но резко разделяет два вида капитала по отношению к его собственнику и его использованию. Капитал, посредством которого предприниматель развивает свое производство, может принести предпринимателю прибыль, но не на основе самого своего существования, а потому, что предоставляет предпринимателю хозяйственную активность. Эта прибыль представляется, поэтому, неким видом предпринимательской прибыли, а не процентом от капитала. Капитал, который его обладатель без своего участия в самом производстве, заимствует через процент, который, таким образом, своему владельцу приносит прибыль без труда и работы, в изначальном учении национального социализма не имеет права на прибыль, т.е. на процент.

Идею об отмене процентного рабства внес в доктрину Готфрид Федер, несомненно под влиянием известных идей Сильвио Гезелля. Посредством этой идеи, – так он утверждал, - он нашел основное направление, через которое общество может перейти из фазы высшего капитализма в «настоящую социальную хозяйственную форму, освобожденную от давления сверхмощных денег, в государстве труда и творчества».

Когда была основана НСДАП, и когда началось создание ее программы, было внесено и это требование об отмене процентного рабства в качестве одного из важных пунктов. Адольф Гитлер, в труде «Майн Кампф», говорит следующее о Федере и его формуле: «Заслуга Федера заключается для меня в том, что он с невиданной жестокостью заявил как о спекулятивном, так и вредном для народного хозяйства характере биржевого и заемного капитала, и разъяснил его праисконное предположение о проценте… Когда я впервые слушал лекцию Готфрида Федера об отмене процентного рабства, я тут же понял, что здесь речь о теоретической истине, которая имеет огромную важность для будущего немецкого народа. Острое размежевание между биржевым капиталом и народным хозяйством предоставляло возможность выступить против интернационализации немецкой экономики, не угрожая при этом борьбой с капиталом вообще, фундаменту независимого народного существования… Борьба против международного финансового и займового капитала стала самым важным программным пунктом борьбы немецкой нации за свою экономическую независимость и свободу».

Национальный социализм, поэтому, считает, что посредством формулы об отмене процентного рабства нашел способ, которым уточнит свое негативное отношение к последствиям капиталистической системы, но при этом не оспорит настоящую ценность участия капитала в экономике. Национальный социализм тем самым выступает за «антикапиталистическую экономику при участии капитала». Капитал должен остаться участником экономического процесса и должен ему и далее предоставлять свои функции. Но он не должен быть элементом, на основе которого происходит управление хозяйством и по требованиям которого функционирует производственная деятельность. Он должен быть посредником труда, как вспомогательное средство на службе высшим интересам. На место капиталистической хозяйственной системы, в которой процент является самым выраженным мерилом и управляющим хозяйственной жизни, национальный социализм ставит теоретически другой порядок, претендуя на то, что при этом порядке капитал будет подчинен, будет служить другим мотивам и мерилам, а хозяйство будет направляться не по пути требований финансового капитала за процентом, а по пути, определенном государственной политикой.

Институт процента, в понимании национального социализма, есть самая значимая характеристика капиталистической системы. «Кому стало ясно, что процент не является некой магической

особенностью денег, но любой процент происходит из труда других, что за процент, который капиталист кладет в карман, уменьшается вложение труда его создателя, тот никогда не будет сомневаться в роли системы, опирающейся на процент… Главный источник силы мамонизма – это нетрудовой и бесконечный приток благ, который создается путем процента».

Точнее говоря, появляется, таким образом, процентное рабство как злоупотребление заемного капитала по отношению к интересам народного хозяйства. Финансовый капитал предоставляет производству свои услуги только в том случае, если ему гарантируется большой и постоянный процент. Требование отмены процентного рабства, в своей основной форме, есть на деле требование, чтобы процент, который вытягивает заемный капитал, приспособился к общей рентабельности и производству, т.е. чтобы в тот момент, когда исчезнет рентабельность производства, капитал бы утратил право на процент.

Теоретик Федер выдвинул требование об отмене процентного рабства. Это требование разные теоретики толковали различно. Одни полагают, что институт процента нужно вообще отменить. Однако таким образом произошло бы умертвление любой частной инициативы в образовании капитала, потому что исчез бы стимул, который вызывает это образование. Одновременно государство должно было бы взять образование капитала в свои руки посредством создания государственного банка для беспроцентных займов, который свои доходы черпал бы из налогообложения. И здесь возникает идея Гезелля о «свободной экономике», в которой предложение капитала должно быть точно таким же, каким и спрос на него.

Новое понимание

Другая, новая группа теоретиков, к которым присоединилась и практика, опираются на другую точку зрения. Эту точку зрения принял и сам Федер своим толкованием основного требования:

«Отмена процентного рабства не означает отмену процента вообще, но признание примата немецкого труда над требованиями финансового капитала». Согласно этому, национальный социализм, после первого революционного воодушевления, перешел к известной ревизии и смягчению своих первоначальных крайних требований. Новое понимание, которое считается сейчас официальным финансово-политическим началом государства, трактует требование отмены процентного рабства так, что процент можно выплачивать только с доходов и то соразмерно их величине. Ялмар Шахт, глава Рейхсбанка и управляющий немецкой экономикой, принял идею об отмене процентного рабства в этой пересмотренной трактовке. В своем тексте об основах немецкой экономической политики он, под заголовком «Святыня процента?», пишет: «То, что народ не понимает – это простое принятие и затрата процента из одного капитала, чтобы при этом не затрачивался в тот момент или ранее известный труд. Заемный капитал извлекает сегодня (1931 год) по сравнению с доходом труда несоразмерно больший процент из немецкой экономики, потому что считает, что его безопасность под угрозой. Здесь я вижу возможность совершенно правильного вмешательства. С повышением надежности капитала, оправданно с точки зрения и морали и экономики снижение процента… Образование процента также невозможно оставить на усмотрение так называемого свободного соглашения на рынке, как цену хлеба или труда. Если мы в области установления трудовых отношений не оставили свободу отношениям предложения и спроса, если мы пытаемся внимательно ограничить образование цены на хлеб, то глупо верить, что установление процента на заемный капитал останется неприкосновенной святыней… Нам не нужны вмешательства в валютной области, которые бы создали везде только неудобства, но мы можем все заботы, особенно в области создания труда, успокоить вмешательством в процентные отношения, которое никому не навредит, а всем будет полезно».

В своей речи «Процент или дивиденд» Шахт подчеркивает примат труда перед интересами капитала, словами: «Для народа труд всегда первичен, а процент вторичен, и поскольку без труда нет процента, то в случае неразрешимого конфликта между правом на трудовой доход и правом собственности на капитал, должна действовать позиция, что обеспечение дохода стоит перед обеспечением собственности». В той же речи Шахт представляет и другую сторону этой проблемы, тем что

подчеркивает зависимость капитала от предпринимательской творческой деятельности: «Заемный капитал совсем забывает, что зависим от производственного успеха предпринимателя; он забывает, что теряет свое моральное оправдание, если не готов служить предприятию… Процент должен извлекаться из дохода производства».

Как видно из приведенного выше, основное требование о полной отмене института процента превратилось в требование, чтобы процентная политика, или процентование капитала, также было поставлено под государственный контроль и приведено в соответствие с экономическим развитием. Вместо уничтожения права на процент признается, в начале, это право за собственником заемного капитала, но с ограничением, чтобы этот процент был неразрывно связан с величиной дохода занимающего предприятия. В дальнейшем, процент должен быть в соответствии с общей экономической ситуацией в стране. Огромные усилия национал-социалитического режима в борьбе с безработицей могли быть реализованы только таким способом, что стимулировало в большой мере и частную инвестиционную активность. Несоизмеримо высокие проценты препятствовали бы такой активности, а тем самым значительно бы повредили действиям государства по сокращению безработицы.

По этой причине, в стремлении к росту хозяйственной деятельности вообще, и в соответствии с теоретическим пониманием, национальный социализм на практике провел целый ряд мер, благодаря которым действовал в направлении понижения процентов. Эти меры считаются конкретной реализацией требования об отмене процентного рабства. От революционного требования произошло на деле только изменение процентной политики со стороны государства, в смысле стремления к макисмальному размаху хозяйственной конъюнктуры.

Таково современное, актуальное понимание процентного рабства и его отмены. Появится ли в будущем это требование снова в своей первоначальной бескомпромиссной форме или нет, нельзя предвидеть.

Игорь Бестужев.

Социалистическое крыло НСДАП в 1920/30.

Так что же такое левый национализм в своих истоках – в Германии первой трети XX века? Ведь именно оттуда черпают почти все свои руководства к действию их нынешние европейские последователи. Ниже мы приводим краткий экскурс в идеологию немецкого левого национализма (цитаты из книги Игоря Бестужева «Алый путь национал-социализма»).

На фоне широкого националистического брожения возникла в феврале 1920 года путем переименования Немецкой рабочей партии (НРП) Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП), в короткое время вобравшая в себя и подчинившая своему влиянию разнообразные слои немецкого общества, привлеченные боевой и ясной идеологией, а также безукоризненной организацией партии. С самого начала в идеологии НСДАП присутствовала яркая социалистическая составляющая. В мае 1919 года центральный орган НРП газета «Мюнхенер Беобахтер», сообщала, что её текущие тенденции «укладывались в рамки требований других левых партий». Особенно сильные социалистические тенденции среди партийцев проявлялись на Северо-Западе Германии и в Рурской области, где образовалась полусамостоятельная национал-социалистическая организация с центром в Гамбурге, чей гауляйтор (партийный руководитель провинции) А.Фольк сочувствовал Ноябрьской революции 1918 года, тогда как в Баварии вся националистическая пропаганда строилась на проклятиях революции. Но лишь с середины 1920-х годов оформилась лево-националистическая фракция, конкурировавшая с мюнхенским руководством партии.

Не случайно руководители этой фракции братья Штрассеры пришли в неё из разных направлений – Грегор справа, а Отто слева. Обер-лейтенант Грегор Штрассер (1892-1934) после мировой войны основал в Баварии один из добровольческих корпусов и на его основе сформировал первое подразделение СА вне Мюнхена, участвуя с ним в «Капповском путче» 1920 года. Затем он создал в

Нижней Баварии партийную группу НСДАП и стал её гауляйтером. Очень быстро Грегор занял положение второго человека в партии, уступая лишь Гитлеру в ораторском мастерстве и организационных способностях. Гитлер поручил ему создание парторганизаций на Севере и западе Германии, наделив полной свободой действий.

Его брат Отто (1896-1974) – армейский лейтенант, после войны стал членом Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и участвовал в подавлении «Капповского путча», командуя тремя «красными сотнями» («брат против брата»). В конце 1923 года Отто вступил в НСДАП, став ближайшим помощником брата. С тех пор О.Штрассер проявлял неуёмное стремление к лидерству, придав своим левым симпатиям чрезвычайно гибкий характер, доходивший до отрицания основ национал-социалистической идеологии. Он сразу же занялся выработкой новой программы вместо гитлеровских «двадцати пяти пунктов».

Ближайшим помощником братьев стал выходец из рейнской рабочей семьи, член партии с 1923 года Йозеф Геббельс. До этого он долго колебался между симпатиями к Коммунистической партии Германии (КПГ) и к Штрассерам. В его окружении той поры было много коммунистов. Теперь Геббельс редактировал центральный орган лево-социалистического крыла партии – журнал «Nazional-sozialistische Briefe» («Национал-социалистические записки»), как идеолог этой части НСДАП. До 1930 года Геббельс вёл в журнале острую дискуссию по рабочему вопросу, суть которой сводилась к требованию создать «боевой» нацистский профсоюз.

В 1925 году Грегор Штрассер, используя особое положение в партии, провозгласил «Рабочее содружество северо-западных гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу, который занялся «борьбой против склеротических бонз в Мюнхене» и провозгласил Грегора «силой, противостоящей бонзам» (Гитлеру и его окружению). Главной особенностью, отличавшей позицию левых наци, была установка на особого рода социализм – не реформистского типа, как у СДПГ, «сотрудничавшей с капиталом», и не на «антинациональный социализм» КПГ, а на «национальный социализм». Его, по мнению братьев Штрассеров, уже игнорировали сторонники Гитлера, занятые «обхаживанием» капиталистов. «Будущее принадлежит диктатуре социалистической идеи в государстве», – писал Геббельс в центральном органе партии – газете «Фёлькишер Беобахтер». В речи в Кенигсберге (1926) он провёл параллель между большевизмом и национал-социализмом – двумя революционными движениями XX века. Грегор Штрассер говорил, что его идеал – Август Бебель и в целом социал-демократическое движение до первой мировой войны. С КПГ его разделяла полная финансовая и политическая зависимость коммунистов от Москвы.

Политическая позиция Грегора в это время включала требование высоких промышленных и аграрных пошлин, автаркию и корпоративное построение народного хозяйства, интенсивное обложение посреднических прибылей, борьбу против «жёлтых профсоюзов». Другую идею Г. Штрассера – о превращении всех собственников земли в наследственных арендаторов обосновал В.Дарре в конце 1920-х годов, затем безуспешно пытаясь воплотить её в жизнь в должности министра продовольствия и сельского хозяйства III Рейха. Сторонники Штрассера не считали марксистское учение о классовой борьбе изобретением евреев. Некоторые левые нацисты даже предлагали союз с КПГ и СССР, которые «в сегодняшней ситуации во многом наши союзники против Веймара, Версаля и Уолл-Стрита».

1 августа 1929 года Отто Штрассер опубликовал свои «14 тезисов германской революции». В апреле следующего года левые нацисты поддержали забастовку саксонских металлистов, требуя боевого сотрудничества с КПГ. Все это вызвало ожесточенную реакцию правого крыла НСДАП, группировавшегося вокруг Геринга, имевшего обширные и давние связи с финансово-промышленными кругами Германии. В мае 1930 года Гитлер встретился с братьями, убеждая Отто передать ему свое издательство и стать членом рейхстага, но получил отказ. Желание единоличного лидерства оказалось заманчивее короткой карьерной перспективы.

В конце 1931 года в Берлине О.Штрассер объединил праворадикальные, левонацистские и национал-большевистские организации в «Чёрный Фронт», под самоназванием «Школа офицеров и унтер-офицеров немецкой революции». Лозунг Отто «За немецкую народную революцию!» заимствовал к

этому времени руководитель КПГ Эрнст Тельман. Постепенно у левых националистов обозначалось отступление от национальных интересов. Позднее Штрассер писал о «Чёрном фронте»: «Это была разновидность масонской организации, которая пустила корни в каждом классе, касте или партии германского общества. Руководящее ядро организации, которое я возглавлял, состояло из верных друзей, порвавших с нацистами и официально сотрудничавших с «Чёрным фронтом». Остальные члены организации оставались в тени. Таким образом, слово «чёрный» означало еще и невидимость и неуловимость наших действий для немецкого общества… У членов «Чёрного фронта» были звания, как принято в масонской ложе и такие «собрания» действовали во всех больших гарнизонных городах и промышленных центрах Германии».

Летом 1933 года среди штурмовиков стало проявляться недовольство «остановкой революции». Произошли бунты активистов СА в Берлине, Дрездене, Кёнигсберге, Франкфурте. Они привели к массовым чисткам в организации. К концу года из НСДАП исключили 200 тысяч штурмовиков, большинство которых либо были, либо симпатизировали левым националистам. Летом Рём писал в теоретическом органе «Национал-социалистише монатсхефте»: «СА и СС не потерпят, чтобы германская революция заснула на пороге». В феврале 1934 года он предложил кабинету министров заменить рейхсвер Народной армией – старое требование левых нацистов, коммунистов и национал-большевиков. Эрнст Рем, ставший в сентябре 1933 года министром без портфеля, планировал образовать специальное министерство и лично возглавить Народную армию, все военизированные организации и союзы фронтовиков.

Выступая в апреле 1934 года перед дипломатическим корпусом, Рем, опровергая Гитлера, только что проведшего переговоры с военным руководством Германии, подчеркнул социалистический характер революции. Он обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению. Рем заявил: «В качестве несокрушимого барьера на пути реакции, мещанства и лицемерия стоят СА, ибо в них воплощается все то, что составляет понятие революции!… Расовая обусловленность её центральной проблемы народной общности говорит, что новый немецкий идеалистический национализм не имеет никаких влечений к завоеваниям, но обращает свою энергию вовнутрь».

В рядах штурмовиков открыто говорили о «второй революции», которая должна искоренить многочисленных «реакционеров» в вооруженных силах и экономике и создать народную социалистическую армию во главе с Ремом. Отто Штрассер сохранил хорошие связи с верховными вождями СА и готов был предоставить им идеологическое обоснование решающих изменений. Эти лица простодушно собирались вырвать Гитлера из союза с реакцией, к которой он, по их мнению, примкнул в интересах захвата власти. Поэтому в союз против левой угрозы объединились глава рейхсвера Бломберг и откровенный нацист генерал-майор Рейхенау, немецкие правые националисты в кабинете министров Папена и промышленники во главе с Крупом и Тиссеном. Гитлер наблюдал со стороны.

Отто Штрассер.

Завтрашняя Германия.

Вниманию читателей представляется небольшой отрывок из книги Отто Штрассера «Завтрашняя Германия» (1940). (перевод с английского языка Богдана Заднепровского)

Новый порядок

Структура немецкого социализма

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Философские основания

1. Введение

В отличие от преобладающих до сих пор либеральных и механистических взглядов, мы начинаем с веры в то, что народ или нация является организмом, живым организмом, с определенными особенностями телесного, умственного и духовного свойства.

Из этого следует, что к истории нации применяется вечный закон органической жизни, «умереть и возникнуть», биологическая необходимость пройти по неизбежной дороге от колыбели до могилы, от яблочной семечки к плодоносящему дереву, и к мертвой древесине. Это приложение биологических законов на курс национальной жизни не отменяет метафизическое предопределения судьбы и деятельности Бога как наши знания и признание неизбежного движения жизни человека от рождения

к смерти не могут «объяснить» или опровергнуть загадку появления человека или формы, которую он получил от природы.

2. Раса – Народ – Нация.

Поэтому, если мы пытаемся объяснить происхождение народа, мы никогда не должны забывать, что мы можем сделать это только в пределах всего человеческого знания составляющего предмет. То есть это можно объяснить только причинами внешнего мира
или высшего, который мы признаем провидением, изначально устанавливающим причинность и определяющим его тенденции.

С этой точки зрения мы видим, что народ является сочетанием различных рас, также как ребенок является смешением в определенных пропорциях материнских и отцовских «расовых» составляющих.

К биологическим влияниям этого расового сочетания добавляются сверх того геополитические влияния типа положения, климата, питания, и т.д., и, наконец, исторические последствия спора одной нации, возможно, имевшего места с другой, внутренних изменений, личного созревания, или его отсутствия.

Из этих трех следующих составляющих расы, страны, и истории, «народ» и формируется, хотя мы должны еще раз подчеркнуть, ограничения, налагаемые на это причинное объяснение, ссылаясь на становление, генезис, человеческого вида, чей существенный характер и формы находятся вне сферы причинности.

Применяя эти рассуждения к Европе (к которой Россия не принадлежит, никогда не принадлежала, и никогда не будет принадлежать), это означает, что народы Европы возникли из одинаковых расовых составляющих (Д-р Гюнтер, известный этнолог, различает от четырех до пяти первичных рас в Европе), которые в разные странах смешиваются в различных пропорциях. В этом принципиальном сходстве в расовом составе мы распознаем типично европейскую или западную цивилизацию, как единую семью народов, в которой отдельные дети (читай, «отдельные народы») представляют собой различные смешения из родителей (читай, «рас»).

К последствиям этой разнообразной расовой примеси в различных членах европейской или западной семьи народов были к тому же добавлены факторы различий стран, где они живут, благодаря которым их лики стали более конкретными, и, наконец, соответственно последствия их историй, которые еще сильнее повлияли на дальнейшее формирование разных народов. Результатом этого стало чрезвычайное разнообразие западных народов, которые, тем не менее, все имеют, в силу своего расового родства, один и тот же ритм западной культуры, и все были подчинены одним и тем же жизненно важным законам этой семьи народов.

Таким образом, после объяснения понятий «раса» и «народ» (в том числе семья народов, или культурный круг), «нация», очевидно, раскрывается как «народ», который обрел наиболее полно самосознание. Народ, чья история преподносит ему собственные специфические особенности, становится нацией, которая одновременно представляет себя как зрелую стадию, полностью взрослую стадию народа, который у себя дома в своей особенной области. (Сравните это с осознанием личности, которое наступает в личности в результате собственного опыта и приключений).

На данном этапе нашего изложения станет ясно, почему Молодая Германия настаивает, что в новую эпоху открывшейся войной 1914-1918 гг., немецкий народ переживает свое развитие государственности, как последний народ западного культурного круга; и почему Молодая Германия находит в ней смысл отражения Германской революции для всего Западного культурного круга.

3. Ритм истории.

Из предыдущих тезисов будет становиться ясно, что мы высоко оцениваем блестяще сформулированный закон Освальдом Шпенглером о взлете и падении культурного круга, в данном случае западного культурного круга, и также, что мы постигаем в нем великий закон развития всей органической жизни, закон рождения, зрелости и смерти.

Как что-то принципиально новое, дополним этот закон развития, который можно сравнить с движением Земли вокруг Солнца, с помощью второго закона развития чье проявление я сам описал несколько лет назад, дав ему название Закона Триединой Полярности. Его работу можно сравнить с вращением Земли вокруг своей оси.

Эмпирические исследования хода развития в рамках западного культурного круга показывают определенные закономерности, которые при ближайшем рассмотрении могут быть систематизированы следующим образом. Мы различаем эпохи ограничения или неподвижности, чередующиеся с эпохами непринужденности или революции. Изучение дат показывает, что такая эпоха длится от 140 до 150 лет, а за ней следует другая эпоха, которая длится примерно столько же времени. Не переходя рамок этой вступительной работы, я могу отметить, что последние три фазы перехода были: 1789-1799, великая французская революция; 1640-1649, Английская революция при Кромвеле, около 1500 началась сильнейшая революция, которую мы называем Реформацией (Америка была открыта за несколько лет до этого). Дальше назад в европейской истории мы пришли к таким цезурам как 1350 (Ганза, Золотая булла и т.д.); к 1200, и т.д. Книга Герберта Бланка, «Шлейхер? Гитлер? Кромвель?» опубликованная издательством Verlag Lindner (Лейпциг, 1932), содержит подробный отчет об этом «Ритме истории».

Если мы будем изучать более близко идеи и формы этих различных эпох, мы обнаружим тот замечательный факт, что мы имеем дело только с двумя противоположными идеями, два противоположных полюса, между которыми маятник истории качается непрестанно: идея ограничения, и идея непринужденности, или, можно сказать, консерватизма и либерализма.

Если мы попробуем перенести в органическую жизнь эти две идеи и смену от одной к другой, мы легко узнаем две главные силы органической жизни, инстинкт самосохранения и инстинкт сохранения вида. Первый относится к себе, к эго, второй относится к видам, сообществу схожих индивидуумов, нас, в центре Вселенной. Первый является почвой, из которой возникает эго-идея, второй является почвой, из которой растет мы-идея.

Излишне объяснять, почему мы отождествляем эго-идею с либерализмом, а мы-идею с консерватизмом, так как после сказанного очевидно, что мы отвергаем попытки оценить их соответствующие значения, так как мы рассматриваем это как неорганическое. Так же, как вы не можете сказать, что день является более ценным, чем ночь, или ночь, чем день, так как они определяют друг друга, и оба являются лишь полюсами, между которыми маятник вращения Земли качается, так что вы не можете сказать, что эго-идея стоит больше, чем мы-идея, или мы-идея стоит больше, чем эго-идея, что либерализм предпочтительнее консерватизма или либерализм консерватизма, так как каждая из них определяет другую, и они всего лишь полюса, между которыми жизнь на качелях своего курса от рождения до смерти. Простое сравнение может помочь легче понять это двойное законоположение. В рамках закона от яблочной семечки к яблоне к мертвой древесине, ежегодно реализует себя ритм лета и зимы, ритм, чьи формы выражения, главным образом определяется законом возраста (эпохи).

Мы утверждаем, следовательно, что идеи консерватизма и либерализма постоянно сменяют друг друга в облике культурного круга, определяя мысли и чувства человеческих существ, и тем самым, определяя формы их жизни.

В соответствии с трехмерным характером всей органической жизни тела, разума и души (телесная плоскость представляющая отношения человека к вещи, ментальная плоскость, отношение людей друг к другу, и духовная плоскость, отношение человека к Богу), каждая из этих идей проявляется непрерывно и одновременно в этих трех плоскостях жизни. В эпоху, когда мы-идея является

доминирующей, мы в этой связи наблюдаем ограничения, консерватизм, экономику, в которой мы-идея преобладает, общественный порядок характеризуется мы-идеей, культивированием мы-идеи, и наоборот, когда эго-идея является доминирующей мы замечаем экономику, в которой преобладает эго-идея, общество эго-идеи, культивирование эго-идеи.

В повседневной речи (рассматривая нынешнее сокращение эго-идеи, как характеристики либерализма), мы поэтому говорим о капитализме, когда либерализм является доминирующим в телесной (вещественной) экономической плоскости, говорим об «индивидуализме», когда либерализм является доминирующим в ментально-социальной плоскости (то есть вгосударстве); говорим о «материализме», когда либерализм является доминирующим культурно и в духовной плоскости (то есть в религиозных вопросах).

Эта триада – капитализм, индивидуализм и материализм, есть то, что мы различаем как формы либерализма, которые существуют в уходящем этапе западного культурного круга.

В противоположность с этой триадой либерализма, мы-идея консерватизма также проявляется непрерывно в трех плоскостях жизни: как «социализм» в вещественной экономической плоскости, как «национализм» в ментально-социальной плоскости (государство); и как «популярный идеализм» в духовно-культурной плоскости (религии).

Эта триада социализм, национализм, и популярный идеализм является тем, что мы различаем как формы консерватизма, которые существуют в наступающем этапе западного культурного круга.

Когда мы освоили это основное мировоззрение, нам становится легко воспринимать характер французской революции, как победу либерализма, и английской революции как победу консерватизма, ибо мы знаем, что около 1500 либеральная идея становится доминирующей, и что около 1350 началась консервативная эпоха, и отличающаяся лексика, использовавшаяся в те далекие времена, или различные словоформы в зависимости от различных фаз становления, больше не смогут спрятать основные идеи.

Закон триединой полярности не только дает нам совершенно новое объяснение и оценку прошлого, но и дает нам оценку настоящего и интерпретацию будущего. Мы воспринимаем, что времена исполненные, для доминантной эпохи либерализма и его форм (капитализм, индивидуализм и материализм) подходят к концу, и постоянно с августа 1914 года маятник часов судьбы качнулся к новой эпохе, когда консерватизм будет доминирующим в форме социализма, национализма и популярного идеализма, могучее восстание и прорыв которого мы называем Немецкой Революцией.

Я хотел бы пояснить, что принятие этих философских оснований не следует рассматривать в качестве важного предварительного утверждения политических и экономических рассуждений, которые последуют. Но я считал и считаю это возложенным на меня, как дело личной порядочности, сослаться, хотя бы вкратце, на более глубокие источники, из которых я сам извлек конструктивные формы, которые я собираюсь изложить, хотя другие, возможно, пожелают изучить эти формы по чисто оппортунистическим причинам, или может прийти к тому же результату совершенно иным путем.

Во всяком случае, я хотел бы настаивать, что это крайне важно для всех, кто хочет принимать активное участие, чтобы иметь звучание и единую философскую точку отсчета (которая для других может показаться всего лишь гипотезой), тем более, что неправильное объединение требований в одном иске жизни будет постоянно представлять новые задачи вне схем, а также потому, что выполнение таковых будет (сознательно или бессознательно) облегчено водами, взятыми из глубоких скважин философии.

4. Марксизм

Также представляется необходимым начать Третью Часть, с четкого изложения философских основ немецкого социализма, чтобы мы могли таким образом, заранее объяснить внутреннюю и

фундаментальную оппозицию немецкого социализма к интернациональному марксизму к проблеме которого придется часто возвращаться в продолжение. Для нас национал-социалистов, конечно, нет никакого вопроса, что марксизм является изобретением еврея Маркса специально предназначенного, чтобы ввести немецких рабочих в заблуждение или даже в нищету. Но для нас марксизм есть социализм как либеральный, так и чужой, доктрина, чьи либеральные факторы обязательно непригодны для созидания социалистического (то есть консервативного) будущего, но такая, чьи программы не могут не привлекать его к упадку либерализма. Это относится в такой же мере к Конституционному марксизму (Социал-демократическая партия Германии), как к «революционному» марксизму КПГ (Коммунистическая партия Германии), как показано достаточно убедительно тем фактом, что СДПГ не менее враждебна к национал-социализму, чем КПГ.

На первый взгляд там не было ничего «ошибочного» в этом либеральном чужаке. Связано это было просто с тем, что тоска по социализму стала находить выражение в то время, когда эго-идея, либерализм, то есть, был на подъеме. В этих условиях социалистическая борьба рабочих была либо перед лицом неизбежного поражения (как Крестьянская война 1525 потерпела поражение, потому что тогда, аналогично, либерализм был в фаворе), либо вынуждена адаптировать для себя доминирующие либеральные идеи.

Благодаря Марксу, Энгельсу, Каутскому, и т.д. (все типичные либералы, как по происхождению, так и по своей природе), социализм взял либеральный путь к чужеродности, что наглядно проявилось в его отношении к Интернационалу, в его тактике классовой борьбы, и его материалистической философии.

По этой причине, и только по этой причине, не будет невозможного для марксизма играть формирующую роль в предстоящем развитии, и по этой причине марксизм будет участвовать в упадке либерализма.

Автор намеренно оставил пункты выше именно так, как они были написаны в 1931 году для того, чтобы показать, как истина того, что он писал тогда, была подтверждена последующими фактами. Катастрофа марксистских партий в Италии, Германии, Австрии и частично также в Испании становится понятной, только когда мы понимаем, что это было роковое следствие вымирания либеральной идеи и связанных с ней форм. Ибо ни
различия в стратегии, разработанной марксизмом в его двух основных тенденциях - коммунизме и социальной демократии, ни даже различия в тактике, как практикуется в марксизме во время его смертельной борьбы в Германии и Австрии, не добились ничего, чтобы спасти его от судьбы.

Более того, если мы рассматриваем положение марксистских партий в других странах Европы, мы видим, что ни в его революционном, ни в его реформистских виде марксизм не играет решающую роль в европейских событиях, (В этой связи интересно отметить, что такие организации, как марксистские партии могут по-прежнему играть роль лишь в прямо пропорциональной зависимости от их привязанности к нации, и что в соответствии с ней многочисленные и приветствующиеся попытки обновления марксизма обязательно должны начинаться с обновленным установлением связи между нацией и рабочими.) (1)

Тем не менее, ввиду того, что «боевой марксизм» стал современным словечком, мне кажется, только это и достойно, чтобы указать, сколько марксистское рабочее движение достигло от имени широких масс народа, и, особенно, чтобы подчеркнуть важность профсоюзов.

Но знание и признание этих вещей заставляет еще с большей необходимостью спросить, почему марксизм был политическим провалом, и это я связываю не столько с хитросплетениями марксистской теории, сколько с политической практикой марксистских партий. Это то, что должны, прежде всего, держать в центре внимания в ходе рассмотрений, которые следуют далее.

(1) цитируется по книге «Народ и рабочий» Венцеля Якиша, немецкого социал-демократа из Судетской области.

Сергей Кара-Мурза.

Ференц Салаши - левый национал-социалист.

Вплоть до 1944 года Венгрия, вопреки заявлениям левых исследователей, не была «фашистской» страной, а всего лишь антикоммунистической диктатурой регента Миклоша Хорти. Здесь был весьма распространен антисемитизм и шовинизм, обусловленные тем, что немцы и евреи, которые в условиях преимущественно аграрной Венгрии в ходе медленной индустриализации и модернизации этой страны превратились в некий суррогат буржуазии. Но хотя и немцы, и в особенности евреи в значительной мере ассимилировались, они с самого начала оказались в неполноправном положении. Уже первое послевоенное венгерское правительство полностью изгнало евреев из органов государственного управления и ввело для еврейских студентов процентную норму, по которой доля евреев среди студентов не должна была превышать их долю в общем населении (6%). В дальнейшем антисемитское законодательство еще более ужесточилось. Этим способом венгерские правительства реагировали на требования еще очень слабой венгерской буржуазии, стремившейся ограничить экономическое преобладание евреев: евреями были 80% адвокатов, 50% врачей и 37% промышленников, между тем как в офицерском корпусе они составляли лишь 1,6%, а среди промышленных рабочих – 0,4%. Антисемитизм, проявившийся в венгерском обществе еще до 1914 года, тем более усилился и ожесточился оттого, что многие лидеры венгерской советской республики были еврейского происхождения.

Фашистских организаций в Венгрии было множество, но наиболее успешной стало в конечном итоге движение, которое возглавлял Ференц Салаши. Профессиональный во-енный, участник мировой войны, он был твердым противником коммунизма и боролся с ним в первый период режима Хорти. Потом он отошел от политики, чтобы сосредото-читься на военных и научных исследованиях. Став офицером Генерального штаба, он получил известность благодаря своим работам по социальным проблемам, при подготовке которых он узнал, в каком ужасном положении находятся венгерские рабочие и крестьяне. Он опубликовал ряд книг, имевших успех. В 1930 году он написал книгу «Генеральный штаб» и еще одну, «Рационализация», посвященную проблемам администрации. Затем в 1931 году последовали «Принципиальные основы разоружения» и позже – «Психологи-ческие основы мобилизации», книги на военную тему, имевшие отклик и в зарубежных генеральных штабах. В 1935 году он выпустил «План перестройки Венгерского государства». Высказанные в ней идеи вызвали много нареканий.

К тому времени Салаши понял, что его призвание – политика и он должен себя ей посвятить. Он ушел из армии, чтобы создать «Партию народной воли», конкретную про-грамму для которой он разработал в своей новой книге «Цели и пределы». Новая партия, несмотря на неудачу на выборах, быстро набирала силу. Она охватила не только беднейшие слои крестьянства, но и городской пролетариат. Салаши открыто критиковал парламентскую систему и консерватизм режима и требовал эффективной аграрной реформы. Партия говорила о «хунгаризме», объединяя в этом понятии

национальные чаяния венгров и социальные чаяния народа. В апреле 1937 г. Салаши в первый раз попал в тюрьму, а его партия была распущена, но вскоре снова возникла как Национал-социалистическая партия и усилила свою пропаганду. Летом 1937 г. она уже насчитывала 20000 членов. Осенью все наци-онал-социалистические группы несколько недель действовали совместно, провели массовые митинги, и правительство ясно увидело опасность, которую надо пресечь.

Более 50% активных участников движения Салаши были рабочими; 8% составляли крестьяне и 12% служащие. Велико было количество профессиональных военных – 17%. Их твердая вера в социальную справедливость не вызывала сомнений.

Успехи салашистов бросали в дрожь венгерские правящие круги, поэтому они начали систематические репрессии против них, сочетая полицейские меры с присваиванием себе ряда фашистских требований, чтобы «забежать вперед».

До немецкой оккупации в марте 1944 года сторонники Салаши подвергались практически непрерывным преследованиям: их газеты и митинги запрещали, руководителей сажали в тюрьмы, а сотни рядовых членов – в концлагеря. Был арестован и приговорен к трем годам каторжных работ и сам Салаши, обвиненный в подрывной деятельности. Фигура заключенного фашистского лидера превратилась в миф и в мощное пропагандистское оружие.

После успехов на выборах 1938 года, когда мандаты получили два депутата от партии Салаши и к ним в парламенте еще добавились диссиденты из Партии национального единства и Партии мелких собственников, правительство попыталось сделать так, чтобы на выборах 1939 года, первых после 1922 года, проводившихся при тайном голосовании, фашизм не смог укрепить свои позиции. Было распущено Хунгаристское движение, которое объединяло тогда сторонников Салаши. Его глава, Калман Хубаи, быстро сориентировался и воссоздал движение как «Партию окрещенных стрел».

Давление правительства на тех, кто хотел голосовать за «Скрещенные стрелы», было чрезвычайно сильным. Жандармерия, всевластная организация в Венгрии Хорти, арестовала накануне выборов тысячи салашистов – «зеленорубашечников», чтобы помешать им голосовать. Крестьянам угрожали, что их прогонят с арендуемых ими земель, если они будут голосовать за «Скрещенные стрелы». Несмотря на это, успех был большим. От «стрел» было выбрано 29 депутатов; к ним присоединились позже единственный депутат от партии «Народная воля», правого крыла, отколовшегося от «стрел», и два депутата от группы «Защитники расы». Эту парламентскую группу из 32 депутатов дополняли представители «правых» национал-социалистических сил. «Национальный фронт» Палфи и Фештетича получил всего 9 мандатов, хотя в него входили многие организации: Христианский фронт, Национальная группировка, Национал-социалистическое христианское движение, Национал-социалистическое народное движение, Национал-социалистическая расовая группировка, Организация защиты христиан нашей расы и Объединенная национал-социалистическая партия, возглавляемая двумя графами, единственная во всем «фронте», имевшая хоть какое-то значение. Группа Мешко «Национал-социалистический христианский фронт» получила 3 мандата, а группа, образованная венгерским меньшинством в Чехословакии на территории, присоединенной к Венгрии по Мюнхенскому соглашению, Национал-социалистический единый фронт Яроша – 5 мандатов. 32 депутата от «стрел» и 27 от «правых» национал-социалистов составляли сильную национал-социалистическую оппозицию. Несмотря на репрессии и на махинации на выборах успех «Скрещенных стрел» был очевидным. Левая оппозиция и партии центра смотрелись на этом фронте бледно.

Партия Скрещенных стрел в своей первой избирательной кампании, которая велась в трудных условиях, достигла громкого успеха. Ее поддерживали более 25% населения Венгрии. Что предлагала венграм эта партия? Впечатление производила, прежде всего, личная честность ее вождя. Второе место занимала защита обездоленных классов, поскольку левые оказались бессильными и заключили союз с самыми реакционными элементами венгерского общества. Отличительной чертой венгерских национал-социалистических движений было не только то, что они предлагали программу социальных реформ вплоть до революции левой ориентации в порядке конкуренции с сильными левыми

партиями, но и то, что за отсутствием чего-либо подобного на левом фланге, они превратились фактически в главных защитников такой программы.

Однако речь шла не просто о радикальной программе. Салаши хотел создать военно-мистический Орден, а не классическую политическую партию. Двумя ключевыми элемента-ми идеологии «Скрещенных стрел» были социализм и национализм. Салаши писал на эти темы большие теоретические работы и дал движению оригинальную идеологию. Что касается социализма, то особенно примечателен следующий отрывок: «В то время как крестьянский социализм эгоцентричен и наибольшее удовлетворение ему может дать социализация земли, рабочий социализм охватывает все, интересы всего народа, благо всей нации. Рабочий социализм это национал-социализм… В борьбе хунгаристского движения во имя Родины и Нации рабочий занимает свое истинное место в обществе… главная сила национал-социалистического хунгаристского движения заключается в том, что оно считает равными всех, кто работает ради нации руками или мозгами… Мы отвергаем узкий “классовый” социализм и распространяем его на все слои населения, на всю Нацию». Что же касается национализма, то Салаши не ограничивался типично фашистским требованием создания «Великой Венгрии», а выступал за солидарность национал-социалистических стран, которые должны образовать федерацию. В то время как реакционные элементы вели кампанию за «восстановление территориальной целостности» Венгрии с помощью военных авантюр, Салаши предлагал создать большую Карпато-Дунайскую федерацию как единственный способ положить конец затянувшемуся спору о границах. В стране, где царила ненависть к румынским соседям, которых обвиняли в захвате Трансильвании, антишовинизм «Скрещенных стрел» доходил до такой степени, что газеты Салаши печатали благожелательные статьи о Кодряну и румынской «Железной гвардии», к ярости фанатиков из числа венгерских правых.

Фундаментальное сходство с «Железной гвардией» выражалось в религиозной деятельности партии. Салаши был верующим католиком, и католическая мистика оказывала на него большое влияние. С другой стороны, Салаши выступал за полное отделение церкви от государства, против клерикальной монополии в области образования и против вмешательства церковных иерархов в политику. Убедительная позиция партии по этим вопросам позволяла ей рассчитывать на поддержку католиков.

Партия «Скрещенных стрел» имела пирамидальную организационную структуру. Салаши сохранял за собой верховное, так сказать «духовное» руководство, тогда как Калман Хубаи занимался организационными и политическими вопросами. Было несколько центральных отделов: Совет реконструкции страны, орготдел партии, отдел приема, отдел при-ема рабочих, отдел пропаганды, отдел социальных проблем и идеологии. Разные социальные группы были представлены Большими советами: Большим рабочим советом и Большим крестьянским советом. Через эти организации партия расширяла сферу своей деятельности. Например, с Советом реконструкции страны, кроме членов партии были связаны 2000 офицеров, инженеров и адвокатов, готовых сотрудничать с партией, если она придет к власти. Поскольку государственным чиновникам и военным было запрещено входить в партию, существовали тайные организации, т.н. «кланы», в которых представители дипломатического корпуса, администрации и армии числились не под своими именами, а под кодовыми номерами. По данным Деака, в этих тайных ответвлениях в 1944 году, когда Салаши пришел к власти, насчитывалось 50 000 членов.

Организованной милиции не было, так как правительство запретило «частные армии». Зато стали бурно развиваться национал-социалистические профсоюзы.

После шумного успеха «стрел» на выборах национал-социалистические силы образовали парламентскую фракцию «Фронт скрещенных стрел», и Хубаи, вождь правого крыла, взял курс на слияние всех венгерских национал-социалистических элементов, чему противились левое крыло и профсоюзы. Салаши не мог их поддержать, так как находился в тюрьме. Хотя партия достигла высшей точки своего влияния, ее раздирали внутренние противоречия, которые грозили вылиться наружу.

Правительство, с другой стороны, снова стало обретать стабильность, преодолев экономический кризис. Его ориентация на германскую внешнюю политику принесла ему боль-шие успехи. После

расчленения Чехословакии Венгрия вернула себе большие территории. Благодаря немецкому арбитражу румыны возвратили Венгрии большую часть Трансильвании. Когда позже немцы в результате «блицкрига» в 1940 году разбили западные демократии, почти все балканские страны присоединились к Тройственному пакту. Венгрия тоже, и в итоге югославской кампании аннексировала новые территории. Сторонниками этой прогерманской политики были не «салашисты», которые видели в гегемонистских притязаниях Германии противоречие венгерским интересам, а элементы правого крыла правительственной партии и прогерманские элементы в армии, а также группы «правых фашистов». Союз с державами Оси не означал, однако, что Венгрия стала фашистской страной. Несмотря на сохранение или усиление ряда «фашистских» черт внешнего порядка и более строгие антисемитские меры, Венгрия твердо пресекала развитие фашизма. Когда вскоре после выборов 1939 года был раскрыт заговор с целью свергнуть Хорти и освободить Салаши, 23 его участника были быстро осуждены.

1940 год стал решающим в истории венгерского фашизма. Правительство во главе с либералами Телеки и Каллаи, стремясь любой ценой воспрепятствовать возвышению национал-социализма, создавало даже внешне фашистские, но чисто антинемецкие и антисалашистские организации, такие как «Орден смельчаков» и «Ассоциация туранских стрелков». Правительство непосредственно контролировало, вооружало и финансировало эти организации. Однако все они никогда не были эффективными и держались только благодаря финансовой помощи правительства, которое надеялось, что эти подражательно «фашистские» группы отнимут силы у Салаши.

Осенью 1940 года родилось «Хунгаристское национал-социалистическое движение Скрещенных стрел», имевшее 40 депутатов и четверть миллиона членов. Но левое крыло «стрел» оказалось недовольно «поправением» организации и решило доказать свою верность революционной линии, организовав большую забастовку. Она была вызвана тем, что тысячи активистов «Скрещенных стрел» находились в тюрьмах, а сотни рабочих были уволены. Произошли кровавые столкновения. Удар, нанесенный забастовкой, был столь силен – бастовали и почтовые служащие, и профсоюзы трамвайщиков и железнодорожников, созданные «Скрещенными стрелами», и сельскохозяйственные рабочие, и рабочие частных предприятий, – что Телеки, убоявшись революции, был вынужден уступить.

Салаши вышел из тюрьмы и порвал с «правыми фашистами». Осенью 1941 года «Хунгаристское национал-социалистическое движение Скрещенных стрел» перестало существовать. Народная масса и 19 депутатов остались с Салаши. Однако более половины членов партии ушли из активной политики.

Когда военная удача отвернулась от Германии и ее союзников, немцы оккупировали Венгрию, чтобы предупредить ее возможный выход из Оси. Они заставили Хорти сформи-ровать кабинет, намеренный продолжать борьбу. Стаяи, бывший посол в нацистской Германии, получил мандат на формирование правительства, в которое вошли представители правого крыла правительственной партии. Ни один портфель не достался партии Скрещенных стрел, к чему Салаши отнесся неодобрительно.

Хорти, когда трудности достигли предела, вознамерился перейти на сторону победителей. Советские войска были уже у границ Венгрии. Но измены удалось избежать. 15 октября 1944 г., когда кризис режима стал очевидным, у «левых фашистов» появилась, наконец, возможность прийти к власти. Чтобы задержать приказы о капитуляции, данные Хорти венгерским войскам, немецкие эсэсовцы взяли штурмом резиденцию Регента, а столицу заняли две венгерские дивизии СС, сформированные при правительстве Стаяи, в которых преобладали члены «Скрещенных стрел». Стратегические пункты в Будапеште и провинциях заняла поспешно сформированная милиция «Нилаш» («Скрещенные стрелы»). Правительство вынуждено было публично отменить свои приказы о капитуляции, и армия, многие офицеры которой были сторонниками Салаши, подчинилась. Левые группы попытались помочь реакционной диктатуре Хорти, но эти попытки были быстро подавлены. Салаши, придя к власти, распустил антифашистские партии, а идеологически близким приказал слиться со своей. Он провозгласил себя «вождем нации» и сформировал правительство из членов «Скрещенных стрел» и

представителей других национальных сил, включая венгерских военных и венгерских офицеров СС. Чтобы усилить армию для защиты страны от наступающей Красной армии, которая уже вступила на венгерскую землю, он объявил о создании новых венгерских частей СС и мобилизовал активистов партии в партийную милицию. Салаши хотел осуществить до конца социальную программу партии, несмотря на неблагоприятные условия, что автоматически повлекло за собой начало аграрной реформы. Идеалы союза националистов были воплощены в жизнь в виде договора с хорватским фашистским правительством Анте Павелича и правительством в изгнании румынской Железной гвардии, окопавшимся в Вене. Целью этих договоров было навсегда положить конец территориальным спорам в Дунайском регионе. До самого конца Хунгаристского государства продолжал собираться парламент.

Реальные возможности что-то сделать в Венгрии были малы, так как непрерывное наступление Красной армии все больше ограничивало территорию, на которую простиралась власть правительства Салаши, и в итоге ему пришлось уехать в Германию. В Будапеште немецко-венгерский гарнизон, усиленный милицией «нилашистов», оказывал упорное сопротивление, хотя город был окружен. Это была одна из самых жестоких битв Второй мировой войны.

За поражением последовали жесточайшие репрессии. Для салашистов они не были чем-то новым, поскольку их долгие годы притеснял режим Хорти, только на этот раз суро-вые приговоры быстро приводились в исполнение. Несколько месяцев длились жестокие репрессии и в апреле 1946 года все фашистские вожди, в том числе Салаши, были повеше-ны на берегу Дуная.

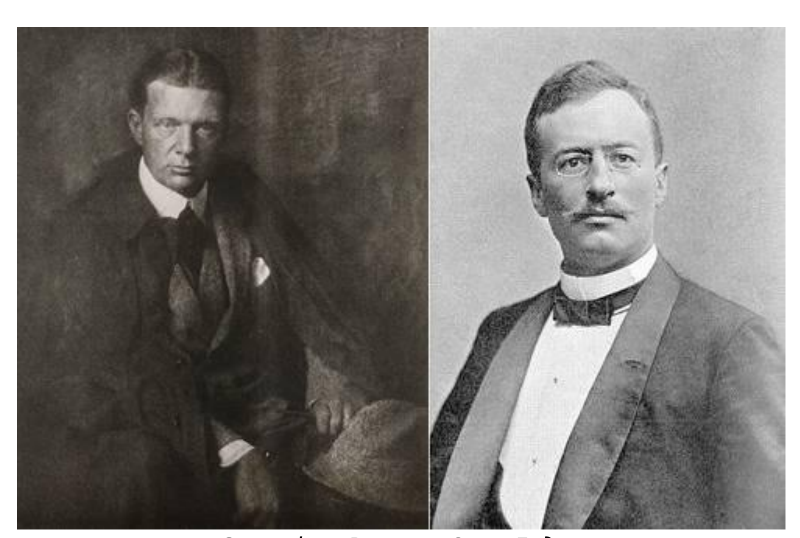
Из-за своего революционного характера венгерский фашизм был жертвой постоянных полицейских преследований, организованных правительством, реакционным и в социальном, и в политическом плане. Правительство преследовало движение Салаши гораздо более жестоко, чем это делали в аналогичных обстоятельствах либеральные правительства в других странах Европы.

Корунова Е.В.

Особенности шведского национал-социализма в 1920-1930-е годы.

Фашизм как явление подробно изучен в научных трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей1. Однако о шведском национал-социализме межвоенного периода в России знают немногие специалисты, хотя в этой скандинавской стране уже в начале 1920-х годов сложились условия для восприятия нацистских идей.

Эрик фон Розен и Свен Гедин

Как и другие страны, в первой четверти XX в. Швеция “бурлила”. Послевоенные годы были омрачены глубоким экономическим кризисом. Возникали волнения из-за нехватки продовольствия. Под воздействием революций в России и Германии в Швеции вот-вот должно было начаться строительство баррикад: столкновение народа с властью казалось неизбежным. В Швеции возникали революционные настроения. Буржуазные партии имели различные взгляды на важнейшие вопросы развития государства и сменяли друг друга у власти, пока социал-демократы в 1930-е годы не утвердились во власти. Швеция пострадала и от экономического кризиса 1929 г. На рынке труда вспыхивали конфликты с растущей безработицей и снижением заработной платы.

В Швеции рано появились праворадикальные националистические движения. История их возникновения имеет глубокие корни и связана не столько с появлением и установлением фашизма в Италии или нацизма в Германии, как принято в последнее время считать, сколько с исторически сложившейся склонностью шведов к великодержавию и восприятию себя носителями богатых культурных традиций. В некоторых слоях шведского общества идеи реванша были еще живы даже после Первой мировой войны, когда Швеция убедилась в правильности своей политики нейтралитета. Другой вопрос, что Швеции не представлялось возможным реализовать великодержавные амбиции в

одиночку, без надежных союзников. Поэтому шведские националисты с надеждой следили за “пробуждением” Германии, впитав в качестве так называемой “организованной” идеологии близкие им идеи германского нацизма.

Данная статья посвящена деятельности шведских национал-социалистов в 1920 – 1930-е годы. Задачей исследования является определение особенностей их деятельности и выявление причин, по которым фашистские партии в Швеции не смогли прийти к власти и застряли на политической периферии, превратившись в 1930-е годы в маргиналов шведской партийно-политической системы.

В чем же причина того, что ультраправые партии Швеции были слабы, раздроблены, в большинстве своем копировали итальянский или немецкий варианты партийной организации и идеологии; они не добивались серьезных результатов на выборах: их отвергало большинство шведского общества.

Анализ деятельности шведских национал-социалистов позволяет ответить на вопрос о внешнеполитической стратегии Швеции накануне Второй мировой войны. Через неприятие обществом нацистских идей, а также через противоречия внутри шведских национал-социалистических, антисемитских, прогерманских организаций и партий проявляются мотивы, которые позволяют в определенной степени понять, что побудило шведов сохранить доверие к государственной власти и политике нейтралитета. И это несмотря на то, что в начале XX в. в Швеции возник интерес к радикальным идеям, которые стали основой нацистской идеологии.

Например, вопросами евгеники в Скандинавии заинтересовались еще задолго до прихода к власти в Германии Гитлера, позже подменившего это учение расизмом. В Швеции, в отличие от Норвегии и Дании, существовало организованное евгеническое движение; сообщество генетиков там было весьма многочисленным. Евгеникой занимались во многих европейских странах, в частности в Австрии, Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. В Швеции обсуждение проблем евгеники вышло за рамки научно-популярных публикаций и было передано в ведение правительственных органов.

В Стокгольме в 1909 г. группа ученых образовала общество расовой гигиены. Годом позже в Швеции появилось первое объединение генетиков – общество Менделя2. Примерно в это же время возник селекционный центр в Свалефе – один из первых в мире, в котором началось соединение селекции и генетики. К началу 1920-х годов ведущие университеты страны – в Упсале и Лунде – уже были готовы направить свои знания на пользу государству. На основе неопровержимых научных фактов ученые доказывали, что племена низкорослых и черноволосых лаппов и финнов, населявших в основном северные районы Швеции, были вытеснены племенами высоких, белокурых и голубоглазых арийцев. Генетически самым чистым из арийских народов назвали свеев3, подаривших Швеции свое имя и высокоразвитую нордическую культуру.

13 мая 1921 г. решением риксдага (парламента) в г. Упсала был открыт первый в мире государственный институт расовой биологии, главная задача которого определялась как исследование проблемы дегенерации человека, вызываемой смешением рас. Идея создания такого исследовательского института, где бы проводились расово-биологические опыты, впервые была высказана в парламенте членом нижней палаты риксдага социал-демократом В. Бьёрком с подачи В. Хульткрантзона4, Р. Ларссона5 и Х. Лундборга6. Инициативу создания такого учреждения поддержали в обеих палатах риксдага; проект был одобрен лидером правых сил А. Линдманом, премьер-министром социал-демократического правительства Я. Брантингом и другими видными политическими деятелями.

Институт расовой биологии возглавил Лундборг, занимавшийся антропологическим изучением потомства от межрасовых браков. Он был убежден в том, что такие браки наносят вред обществу и влекут за собой упадок традиционных шведских ценностей. Первые результаты работы института были представлены в 1926 г. В сжатом виде они вошли в школьный учебник под названием “Шведские знания о расах”. В обществе создание института и научные труды его сотрудников в целом не встретили отторжения.

“Расовая гигиена” в Швеции нашла свое выражение и в антисемитизме; она не только сопровождалась проявлениями “религиозного” антисемитизма, но и имела экономический аспект: в Швеции во второй половине XIX в. существовала “экономическая теория” антисемитизма. Однако эта теория не стала популярной. Шведские евреи не представляли собой консолидированной экономической прослойки и были разрознены географически и социально. К кому же в Швеции, в отличие от Германии, не было бытового антисемитизма. И хотя неприязнь к евреям проявлялась в обеих странах, она имела различную природу и, как следствие, в дальнейшем нашла выражение в принципиально отличных подходах к решению задач, связанных с теорией “расовой чистоты” нации. Ещё в 1925 г. в Стокгольме усилиями шведского священника и архиепископа Упсалы Н. Сёдерблюма была проведена Всеобщая христианская конференция, на которой присутствовало 600 делегатов из 37 стран. На конференции обсуждалось единое экуменическое учение и проблема достижения всеобщего мира. В 1930 г. Сёдерблюму была присуждена Нобелевская премия мира7. Уже тогда наметился нейтралистский вектор во внешней политике Швеции, что во многом объясняет настороженное отношение в обществе к национал-социалистическим взглядам, которые в дальнейшем могли бы привести к втягиванию Швеции во Вторую мировую войну на стороне Германии.

После 1933 г. к евгеническим идеям, которые органично слились с расистскими установками фашизма, в Швеции стали относиться с опаской. Социал-демократическое правительство Швеции не хотело оказаться в глазах мировой общественности заодно с Гитлером и поэтому стремилось держаться подальше от всего, что было связано с нацизмом. Правительство демонстративно подвергало критике работу Института расовой биологии и настаивало на сворачивании его деятельности. Г. Дальберг, возглавивший институт в 1936 г., свернул экспедиционные исследования и работы в области физической антропологии и вместо расовой биологии углубился в изучение наследственных болезней. Началась работа в больницах и архивах, эксперименты над животными с целью определения наследственной природы ряда соматических заболеваний.

В истории Швеции был еще один эпизод, позволяющий упрекнуть шведов в подыгрывании нацистам: это политика стерилизации. Автором предложений по стерилизации был медик по образованию, один из инициаторов создания Института расовой биологии А. Петрен8; руководил процессом стерилизации Лундборг. Несмотря на тот факт, что принятие закона о стерилизации риксдаг отклонял дважды (в 1922 г. и в 1933 г.), в 1934 г. такой закон был принят в обстановке консенсуса, не встретив оппозиции ни среди законодателей, ни в обществе, ни среди ученых и врачей. Парламент, таким образом, поддержал добровольную стерилизацию и фактически дал разрешение в “определенных случаях” проводить операции над людьми без их согласия. По этому закону допускалась стерилизация людей, которые считались неспособными понять значение этой операции9.

Безусловно, стерилизация в Швеции не сопровождалась прямым принуждением, как это было в нацистской Германии. В документах, регулировавших стерилизацию, указывалось, что она не должна происходить с применением насилия. Зато использовались косвенные и “цивилизованные” формы принуждения: выписка из больницы, разрешение на вступление в брак, прерывание беременности. Умственно отсталого ребенка могли по результатам тестов забрать в “закрытое” заведение, а условием возвращения домой поставить его стерилизацию. Взрослого, находящегося в больнице, следовало заранее поставить в известность о намечаемой стерилизации и получить его согласие, но даже если он отказывался, рекомендовалось все равно начать подготовку к операции и говорить о ней с пациентом как о решенной, неизбежной и само собой разумеющейся.

Хотя в Швеции, как и в других скандинавских странах, стерилизация применялась в значительно меньших масштабах, чем в Германии, – лишь в 1942 г. ежегодное число стерилизованных превысило 1 тыс. чел. За весь период действия закона с 1934 г. по 1975 г. стерилизации было подвергнуто около 62 тыс. шведских граждан. Многие эксперты в 1930-е годы были готовы перейти и к более радикальным действиям. Стерилизации, по их мнению, следовало подвергнуть бродяг, проституток, всех тех, кто был склонен к “антисоциальному поведению”10.

Ни в коей мере не оправдывая стерилизацию как постыдного факта в истории Швеции, все же следует отметить, что стерилизация лишь вначале развивалась в рамках консервативной расовой биологии. Вскоре она трансформировалась в социально ориентированную программу борьбы с наследственными заболеваниями. В нацистской Германии все происходило в обратном порядке. Примечательным является и тот факт, что главной движущей силой разработки и принятия законопроекта о стерилизации в шведском парламенте были не ультраправые, как в Германии, а социал-демократы. Стерилизация в Швеции стала составной частью представлений социал-демократической власти о государстве всеобщего благоденствия, в котором слабым, больным и нуждающимся должна была оказываться целенаправленная социальная помощь. Программа стерилизации удачным образом вписывалась в социальную политику, разработанную супругами А. и Г. Мюрдаль11, предполагавшую вмешательство государства в отношения между полами, а также людьми, семьей и государством. В 1935 г. после долгих парламентских дебатов была создана королевская комиссия по народонаселению. Используя в качестве главной цели улучшение демографической обстановки в стране за счет масштабного государственного стимулирования браков и рождаемости, супругами Мюрдаль и их единомышленниками, действовавшими в рамках королевской комиссии, был запущен механизм урбанизации страны и феминизации общества. Доклады и реформы часто подвергались нападкам за их “фашистский дух”, так как содержали предложения повысить рождаемость, в том числе путем усиления контроля за абортами, их легализацию на этнической, евгенической и медико-социальной основе и требования дальнейшего ужесточения закона о стерилизации. Но эта политика трактовалось властью, вдохновленной ценностями рационально устроенного общества, как незначительная жертва в деле построения “дома для народа”12.

Возникает вопрос: почему в стране, где частью “шведскости” стали “расовая гигиена” и антисемитизм, не получили широкого развития национал-социалистические партии?

В первой половине XX в. в разных уголках Швеции действовали десятки национал-социалистических, правоэкстремистских и антисемитских организаций, но лишь несколько из них стали партиями и добились определенного политического успеха. Появление первых крупных партий нацистского толка относится к середине 1920-х годов.

Шведское антисемитское объединение (ШАО), развернувшее свою деятельность в ноябре 1923 г., почти не упоминается в контексте шведского национал-социализма. Тем не менее оно сыграло важную роль в его становлении. Идея создания подобного сообщества, которое отражало бы антисемитские взгляды части населения Швеции, принадлежала инженеру Б. Лундену. В апреле 1921 г. он через бульварную газету антисемитского толка “Види”, ставшую впоследствии печатным органом ШАО, заявил, что все евреи должны “убираться обратно в Палестину”13, ибо “Швеция для шведов”. Последняя фраза особенно запомнилась шведским антисемитам и в последующие годы неоднократно использовалась ими в качестве лозунга.

Лунден уже в 1923 г. оказал поддержку своему германскому единомышленнику Гитлеру, а также использовал свастику в качестве эмблемы своей организации. Главной целью ШАО, просуществовавшего около 8 лет и насчитывавшего от 1000 до 1500 членов, стало распространение нацистских и расистских идей на территории Швеции. Лунден призывал ничего не покупать у евреев, забрать деньги из “еврейских” банков, бойкотировать “еврейские” газеты и препятствовать заключению смешенных шведско-еврейских браков. Ничего принципиально нового в этой антисемитской пропаганде не было – подобные высказывания и раньше неоднократно звучали в шведском обществе. Тот факт, что ШАО было распущено сразу после отхода от дел его идейного лидера, свидетельствует о слабости этого объединения и отсутствии антисемитизма в широких слоях шведского населения. Однако ШАО стало “кузницей” кадров нацистских партий, причем не только Швеции – членом этой организации был один из высших руководителей нацистской Германии Г. Геринг.

Б. Фуругорд, прежде чем стать лидером нацистского движения Швеции, состоял в ШАО.

Мировоззренческие взгляды будущего шведского фюрера Фуругорда сформировались, когда он еще был студентом лундского университета: профессор Б. Линдфорсс14, известный своей любовью ко всему “арийскому”, распространял среди своих студентов идеи расовой гигиены. Будучи человеком, известным в обществе, публично вступавшем в споры с представителями других политических течений и в то же время умевшем поддерживать с ними дружеские контакты (например, с видными деятелями социал-демократической рабочей партии Я. Брантингом и А. Даниельссоном), Линдфорсс был популярен не только среди своих единомышленников.

Фуругорд, ученик Линдфорсса и ветеринар по образованию, стремился к завязыванию тесных контактов с немецкими нацистами. Национал-социалистическая рабочая партии Германии (НСДАП) стала для Фуругорда своего рода образцом для подражания. Он еще до знакомства с одним из основателей НСДАП журналистом Д. Эккардом не пропускал ни одной его статьи. Их первая встреча состоялась в 1922 г., когда политические взгляды Фуругорда были уже сформированы.

12 августа 1924 г. Б. Фуругорд совместно со своими братьями – редактором С. Фуругордом и врачом Г. Фуругордом – образовал Шведский национал-социалистический союз свободы (ШНСС). Этот союз активно сотрудничал с НСДАП, вел переписку с немецким евгенистом Г. Гюнтером, будущим рейхскомиссаром Норвегии Й. Тербовеном, издателем антисемитского журнала “Молот” Т. Фричем.

Особые отношения у Б. Фуругорда сложились с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером, питавшим почти патерналистские чувства к шведским нацистам. Гиммлер надеялся, что ШНСС станет влиятельной партией и, достигнув популярности и политического веса в своем государстве, сможет стать частью “общеарийского” национал-социалистического движения.

Этим объяснялось глубокое погружение Гиммлера в дела шведских нацистов, в частности требование от Фуругорда отчетности, что Фуругорд рассматривал как проявление “отеческой заботы” Гиммлера. Тем более, что львиная доля финансирования ШНСС поступала из внешних источников, связянных с НСДАП. В письмах Гиммлеру Фуругорд подробно излагал положение дел в Швеции, описывал успехи ШНСС, иногда явно преувеличивая, сообщал о трудностях и ожиданиях поддержки и совета. Гиммлер не ограничивался общими словами: на основе предоставленных ему материалов он предлагал Фуругорду реальные планы организации работы шведских нацистов с целью укрепления их позиций на политической арене, что в будущем должно было бы привести их власти.

Фуругорд был вдохновлен немецким национал-социализмом настолько, что не задумывался над вопросом его адаптации к шведской действительности: он слепо верил, что повторит политический успех Гитлера. Фуругорд полагал достаточным реорганизовать свою партию по образцу НСДАП, чтобы обеспечить ее поступательное развитие, политический статус и популярность в народе. Партия братьев Фуругордов выдвигала антикоммунистические и антисемитские лозунги, решительно выступала против иммиграции так называемых “низших рас” и смешения “чистой” шведской нации с представителями других народов, в особенности с евреями. Эмблемой ШНСС партии стали свастика и традиционный шведский символ- сноп Васы15. В 1925 г. название партии было изменено на Шведскую национал-социалистическую крестьянскую и рабочую партию, в чем проявлялось желание еще больше сблизиться с немецкими нацистами.

Образованная в октябре 1926 г. Фашистская боевая организация Швеции (ШФКО) составила конкуренцию Шведской национал-социалистической крестьянской и рабочей партии. Руководителями ШФКО стали бывший германский унтер-офицер К. О. Хальгрен, известный больше как деятель штрейкбрехерской организации “Свобода труда”, лейтенант шведской армии С. Хеденгрен и нацистский “фюрер” шведской армии С. О. Линдхольм. Изначально их роли распределялись следующим образом: “лицом” организации стал невысокий светловолосый Хальгрен, почти двухметровый Хеденгрен взял на себя обеспечение ШФКО нужными контактами, организационные вопросы решал Линдхольм, он же возглавил пропагандистскую работу.

В идеологии ШФКО первых лет ее деятельности прослеживалось влияние итальянского фашизма, который вначале не был антисемитским. В первой половине 1930-х годов итальянский дуче Б.

Муссолини не стеснялся называть антисемитизм “немецкой болезнью” и критиковал расовые постулаты нацизма. В 1932 г. в ходе беседы с немецким писателем Э. Людвигом дуче резко осудил нацистскую теорию расизма и антисемитизма и заявил, что не верит ни в какие биологические эксперименты, ни в превосходство одной расы над другими. Аналогичным образом рассуждали поначалу и лидеры ШФКО. В интервью газете “Национен” Хальгрен высказался в том плане, что антисемитизм не являлся темой, достойной обсуждения16.

Внимание шведских фашистов из ШФКО было приковано к другой проблеме – коммунистической угрозе, которая представляла, как им казалось, большую опасность для Швеции. Советский Союз, как носитель идеологии большевизма, оплот коммунизма и традиционный противник шведского государства17, стал главным объектом их нападок. Печатный орган ШФКО газета “Фашина”18 призывала защитить свою родину от большевиков и положиться на шведских фашистов, способных вывести страну из хаоса. Хотя оснований для обвинения большевиков в “советизации” Швеции не было, шведские фашисты с завидным упорством говорили о стремлении “невежественных русских” “поглотить” Швецию, “подчинить” ее морально и экономически, “обезличить” национальную культуру.

Пропаганде под лозунгом “Долой большевизм!” ШФКО уделяла много внимания и тратила на это немалые средства. Шведские фашисты не желали допускать к управлению государством партии, исповедовавшие коммунистические идеалы19. Даже реформисты социал-демократы подвергались жесткой критике за то, что тоже являлись носителями идей марксизма.

Спустя некоторое время в ШФКО стали происходить изменения. После визита Хальгрена в Германию в 1928 г. наметился сдвиг в сторону нацистской идеологии. В 1929 г. руководство ШФКО совершило ознакомительную поездку в “партийную столицу НСДАП” Нюрнберг, где встретилось с Й. Геббельсом, А. Розенбергом, Г. Гиммлером и другими нацистскими лидерами. По итогам визита в Германию руководители ШФКО окончательно пришли к выводу, что им ближе идеологические установки не итальянских фашистов, а германских национал-социалистов. По возвращении в Швецию было принято решение изменить вектор партийных интересов и как следствие поменять название партии на Шведскую национал-социалистическую народную партию.

Вместо черных рубашек члены партии стали теперь носить коричневые, подчеркивая тем самым связь с НСДАП. Строку из поэмы немца Д. Эккарда “Йойрио” (1919 г.) “Германия, проснись!”, ставшую одним из лозунгов НСДАП и вышитую на флаге этой партии, шведские нацисты заменили лозунгом “Швеция, проснись!”. Подражание НСДАП не ограничивалось внешней атрибутикой и распространялось также на программу партии.

Перемены в идеологии превратили Линдхольма в фактического лидера преобразованной партии. Линдхольм, в отличие от Фуругорда, в глазах пронацистски настроенных сил выглядел подходящей кандидатурой на роль шведского фюрера. Линдхольм отвергал пацифизм, ссылаясь на успехи агрессивной политики Германии в Европе. Следуя за немецкими нацистами, Линдхольм выдвигал крайние националистические и антисемитские лозунги, которые коробили многих шведов20.

В высшем руководстве НСДАП с интересом относились к обеим шведским нацистским партиям, но наличие двух конкурирующих группировок, готовых в равной степени сотрудничать с нацистской Германией, вносило некую сумятицу в ряды сторонников шведских нацистов.

Идею объединения нацистских партий Швеции поддерживали и в Германии. В декабре 1928 г. Гиммлер в письме Фуругорду высказался за создание в Швеции единого нацистского движения21.

В 1929 г. произошло слияние фашистских организаций Фуругорда и Линдхольма. 26 сентября 1929 г. Гиммлер получил письмо, в котором сообщалось, что отныне в Швеции начал работу Новый шведский национал-социалистический союз (НШНСС). К нему присоединились более мелкие фашистские организации, в частности, Новый шведский народный союз С. Билле.

Вначале название партии НШНСС, являвшееся компромиссом, удовлетворило все стороны, но спустя некоторое время было принято решение его изменить на более четкое и ясное – Шведская национал-социалистическая партия (ШНСП). Обосновалась эта партия в г. Гётеборге; ее лидером по настоянию германской стороны стал Б. Фуругорд, а Линдхольм – его правой рукой и главным редактором партийной газеты "Наша борьба".

Основная деятельность партии сводилась к пропаганде, которая выражалась главным образом в митингах и встречах, а также распространении нацистской и антисемитской литературы. В 1932 г. был проведен митинг сторонников нацизма в Стокгольме, на котором должны были выступить Гитлер и Геббельс. Однако их приезд в Швецию был запрещен властями страны. Это не помешало лидерам шведских нацистов собрать на главной площади столицы Хёторьет почти 6 тыс. своих сторонников22.

Шведские национал-социалисты активно разъезжали по стране. Только за период с января по июль 1935 г. было проведено около 300 официальных встреч в различных городах Швеции. Излюбленным местом проведения нацистских сборищ стал Стокгольм: Фуругорд предполагал превратить столицу Швеции в оплот национал-социализма. В провинции популярностью пользовались города Сконе, Вермланд и Даларна, где речи шведских нацистов находили отклик в народе.

Фуругорд стремился выступать на всех митингах и собраниях ШНСП – больших и малых. Но Фуругорд не был единственным оратором партии. В рядах ШНСП выделилась несколько "основных спикеров": Й. Остранд, Г. Ерикссон, М. Бролин, К. Мелин, Г. Ларссон, Е. Стеффен, И. Магне, Е. Валль, К. Килен.

Однако не менее активно вели себя и сторонники пацифистских идей и шведского нейтралитета. В ответ на появление нацистских партий, которые явно переоценивали свою значимость и популярность в стране, сформировался народный антифашистский фронт, объединявший всех антифашистов вне зависимости от их партийной и социальной принадлежности23.

В 1931 г. национал-социалисты приняли участие в муниципальных выборах в Стокгольме, но набрали очень мало голосов: всего 297 из 220 тыс. возможных. На парламентских выборах 17 – 18 сентября 1932 г. их опять постигла неудача: было собрано 15175 голосов (0,61%). Таким образом, в 1932 г. ни одного мандата в парламент они не получили. Наибольшую поддержку ШНСП оказали жители Гётеборга, где удалось насчитать около 6071 голосов, провинции Вермланд, традиционно считавшейся оплотом национал-социалистов – 3088 голосов и Стокгольма – 1940 голосов шведских избирателей. Линдхольм объяснял неудачу нацистов нежеланием части населения, которая разделяла взгляды ШНСП, отдать свои голоса впустую. Неуверенность избирателей в силе шведских нацистов побуждала их голосовать за другие партии.

Несмотря на то, что результаты выборов 1932 г. были самыми успешными за всю историю участия шведских нацистов в парламентских выборах, поражение было для них неожиданностью. Вдохновленные успехами Гитлера в Германии, Фуругорд и Линдхольм не предполагали, что их проигрыш окажется фатальным. Провалу ШНСП способствовали порочившие репутацию шведских национал-социалистов тесные связи с НСДАП и объективно высокая популярность Социал-демократической рабочей партии Швеции, утверждавшей принцип: "Демократия – это мир"24.

Проигрыш ШНСП поводом к внутрипартийным разбирательствам и в итоге завершился расколом партии. Несмотря на внешнюю общность политических взглядов, Фуругорд и Линдхольм в конечном итоге так и не нашли точек соприкосновения. На IV съезде НСДАП в Нюрнберге они демонстративно игнорировали друг друга. В 1933 г. в ходе ожесточенных внутрипартийных баталий произошел полный разрыв между Фугугордом и Линдхольмом. В итоге Линдхольм вышел из ШНСП и увел своих сторонников. После раскола партии сторонники Фуругорда стали называться "фуругордовцами", а сподвижники Линдхольма – "линдхольмовцами".

В основе конфликта между лидерами шведских нацистов была борьба за первенство. Фуругорд видел в Линдхольме лишь хорошего исполнителя и наивно полагал, что отданный Линдхольму в

подчинение партийный сектор должен был удовлетворить его притязания. Фуругорд рассчитывал, что выполнение всех условий Линдхольма по организации его трудовой деятельности, а именно: предоставление места проживания и отдельного офиса, выплата пенсии, экономические гарантии газете и сохранение ее тиража, а также многие другие условия, будут восприняты им с благодарностью. Однако Линдхольм, предпочитавший строгий порядок в делах управления и учет в партийной бухгалтерии, не мог закрыть глаза на расточительство и нецелевое использование средств Фуругордом.

Разногласия, которые проявились задолго до слияния партий и затем переросшие в словесную войну, продолжались и после ухода Линхольма из ШНСП. Фуругорд обвинял Линдхольма в полном копировании идей и партийно-политического устройства нацистской Германии и отчасти фашистской Италии и подчеркивал свое стремление к созданию особого исключительно шведского национал-социалистического государства.

В одной из своих речей Фуругорд заявил, что поддерживает сохранение монархии в Швеции и не стремится к разрыву с церковью. Более того, он считает необходимым сохранение в обществе евангелическо-лютеранских ценностей и традиций для формирования “чистого” национал-социалистического государства. Фуругорду импонировал опыт немецких нацистов по унификации в Германии отдельных евангелических церквей в организационном и идеологическом отношении. Поэтому он не настаивал на ослаблении религиозных убеждений в обществе и упрекал Линдхольма в нежелании сотрудничать с церковью. Фуругорд обращал внимание на свойственную Линдхольму манеру жесткого подавления инициатив своих соратников и критиковал заявление своего бывшего союзника “Наша народная религия”, в котором тот утверждал, что церковь бесполезна в деле воспитания общества25.

Но оба лидера, несмотря на разницу подходов, не учли значения в общественной жизни пацифистских и религиозных объединений, как связанных со шведской церковью, так и независимых от нее, имевших большие заслуги в антивоенном и миротворческом движении. Деятельность этих организаций способствовала укреплению антимилитаристских настроений и упрочению идеи нейтралитета в обществе. Активную роль в деле мира так же играла организация “Шведский союз за мир и арбитраж”, которая в лице своего председателя пастора П. Гиберга развернула антифашистскую пропаганду26.

Линдхольм был исключен из партии, но это не означало, что он проиграл. Линдхольм, совсем недавно правая рука Фуругорда, а по сути равный ему по популярности второй лидер ШНСП, увел за собой большинство членов партии и в короткие сроки основал собственную Национал-социалистическую рабочую партию (НСРП), которая подчеркнуто преследовала антикапиталистические цели, выступая за национализацию банков, участие рабочих в доходах предпринимателей и введение корпоративной системы, обещала социальные блага для всех социальных групп и достижения солидарности общества на базе идеи трудолюбия “несмешанного” народа.

Главным лозунгом партии и одновременно ее двигателем стали слова Линдхольма о том, что “национализм и социализм являются двумя сторонами одной любви к народу”. Его партия боролась за национализм, который выражался в приверженности к своему народу и стране, и социализм, основанный на трех базовых ценностях, – свободе, справедливости и солидарности. В программе НСРП подчеркивалось, что идеи социализма должны быть направлены на удовлетворение потребностей исключительно одной “чистой шведской” нации или одного “несмешанного” шведского народа. Только в таком случае социализм в отдельно взятой стране возможен. В “чистоте” нации, по мнению Линдхольма, заключалась свобода и сила шведского государства.

Слово “рабочая” в названии партии выражало идею “типичного шведского национального труда” и не соотносилось с классическими европейскими идеями рабочего движения, отвергая их по причине непринятия марксистского учения и руководствуясь антисемитскими взглядами.

Введение в понятийный ряд НСРП термина “рабочий” было обусловлено также и тем, что в 1930-е

годы игнорировать рабочий вопрос стало “не модно”. Поэтому, чтобы конкурировать с другими политическими силами, нужно было соответствовать реалиям времени и отвечать потребностям общества. Социальные потрясения в Стрипе, Кируне, Луоссаваре в 1926 г. и, как кульминация, конфликт в Одалене в 1931 г., завершившийся трагедией и гибелью нескольких рабочих, повысили в обществе степень доверия к социал-демократам и в итоге привели их в 1932 г. к власти. Термин “народ” заменил в Швеции марксистскую категорию “класс”, а понятие “сотрудничество” – “классовую борьбу”.

По численности партия Линдхольма превосходила партию Фуругорда. Это объяснялось популярностью Линдхольма как молодого лидера. Через два года своего существования партия Линдхольма насчитывала около 10 тыс. членов, включая молодежную организацию Северная молодежь, в состав которой входила приблизительно 1 тыс. чел.27

В 1938 г. руководство НСРП приняло решение отойти от экстремальных фашистских установок и не идти наперекор шведскому руководству. В апреле 1933 г. правление Социал-демократической рабочей партии Швеции обсудило меры по пресечению фашистского движения в стране. С 30 июня 1933 г. в Швеции вступил в силу закон, запрещавший ношение военной или похожей на нее формы, а также повязок на рукаве и других знаков, имитирующих военные атрибуты (партийной униформой НСРП были коричневые рубашки и свастика). В случае несоблюдения закона нарушителю грозил штраф28.

В первой половине 1930-х годов недостатки в исполнении Лигой Наций своих основных задач стали очевидными; концепция международной солидарности казалось все более неубедительной. Поэтому законопроект, целью которого было приостановить нацистскую пропаганду и воспрепятствовать милитаризации политической жизни, отвечал задачам шведских властей, которые вновь увидели в нейтралитете страны альтернативу выхода из сложной внешнеполитической ситуации.

Хотя этот закон носил характер временного (до 1947 г.29), Линдхольм подчинился требованию властей и поддался общенародному стремлению сохранить нейтралитет Швеции. Он отказался от свастики, высоких сапог, коричневой формы, выбрав привычный синий цвет, и сменил традиционное нацистское приветствие “Да здравствует Гитлер!” на лозунг: “Швеция – для шведов!”. Название партии было изменено на Шведское социалистическое единение. Эмблемой партии стал сноп Васы. Преобразованная организация открыла новые центры в Стокгольме, Гётеборге, Мальме, Норботтене.

ШНСП по-прежнему возглавлял Фуругорд, но его популярность постепенно падала. “Фуругордовцы” и “линдхольмовцы” на протяжении нескольких лет обличали друг друга и вели борьбу за поддержку Германии. Победителем стал Линдхольм: его партия заняла ведущее положение среди шведских фашистских группировок.

Коммунальные выборы 1934 г. принесли Линдхольму 11800 голосов. Фуругорд тогда получил вдвое меньше – 5 тыс.30 На выборах в риксдаг 1936 г. партия Фуругорда собрала лишь 3025 голосов (0,10%), в то время как Линдхольму оказали поддержку 17483 избирателей (0,61%)31. Это был самый удачный год для Национал-социалистической рабочей партии. Но даже при преимуществе одной нацистской организации над другой результаты выборов показали, что влияние фашистов в стране невелико. На результаты выборов не повлияло даже объединение с Национал-социалистическим блоком полковника М. Экстрема. В последующие годы влияние национал-социалистов Швеции слабело. Линдхольм связывал непопулярность своей партии с непрекращающимися спорами и расколом внутри шведского нацистского движения32. На выборах в риксдаг в 1940 г. нацисты участия не приняли, а в 1944 г. партия Линдхольма набрала всего лишь 4204 голоса (0,14%)33.

Фуругорд вскоре после провала на парламентских выборах в 1936 г. был смещен своими соратниками, которые обвинили его в нерациональном использовании партийной казны, попросту говоря, в расхищении партийных денег. В качестве преемника был выбран новый лидер М. Экстрём, который после Второй мировой войны назвал свою деятельность в партии самой большой глупостью в жизни. Экстрему принадлежала идея объединить различные национал-социалистические и

фашистские группировки под эгидой собственной партии, однако все попытки оказались тщетны. Немногочисленные члены блока Экстрёма примкнули к более удачливому Линдхольму.

При определенных условиях национал-социалистическое движение в Швеции могло было стать опорой гитлеровского режима, а вся Скандинавия – превратиться в германскую военную базу34. Однако в годы Второй мировой войны Швеция, вопреки всем трудностям, так и не стала союзником гитлеровского рейха и выбрала путь нейтралитета.

Большинство шведов отвергло доморощенных фашистов; их слабость была очевидна. Это, с одной стороны, свидетельствовало об укреплении в сознании шведов политического мышления, ориентированного на нейтралитет, как единственно правильной стратегии в случае войны, и, с другой стороны, – о снижении доверия к германской нации. Прежние связи с Германией постепенно ослабевали. В Швеции крепло понимание того, что, при общих исторических корнях, в XX в. Швеция и Германия не имеют объединяющих их внешнеполитических целей. Неучастие Швеции в Первой мировой войне притупило националистические настроения среди шведского населения. В сложный для страны межвоенный период в Швеции сохранялся гражданский мир, что создало почву для дальнейшего развития демократии. Немаловажным фактором стало формирование в сознании шведов приоритета мирного выхода из любой конфликтной ситуации, будь то внутриполитические проблемы или межнациональные споры. У шведов не было отвращения к либеральным идеям, которые они считали полезными для своего общества. Позитивное отношение сложилось и к социал-демократическим ценностям, суть которых состояла не в битве с буржуазией, а в удовлетворении интересов общества в целом. Классовая борьба в Швеции была не популярна. Широкомасштабная социальная политика должна была способствовать благосостоянию общества; социал-демократы оказались выразителями мыслей и чаяний большинства шведов.

В случае с Германией все произошло иначе: поражение в Первой мировой войне, позорный, унижавший достоинство нации Версальский мир и политическое давление со стороны стран-победительниц привели к росту шовинизма и крайних форм национализма. Хотя в Швеции были люди, которые проявляли симпатию к немцам, к авторитарному мышлению и теории расизма, их взгляды не оказали значимого влияния на общественное мнение. В своей массе чувства, которые шведы испытывали к немцам как родственной им нации, скорее напоминали сострадание к бедному родственнику; их боль можно было понять, но не принять. Деятельность шведских “активистов”35, агитировавших за германо-шведский альянс в ходе Первой мировой войны и выступавших против сторонников нейтралитета внутри страны, в межвоенный период ослабла. В Швеции набирало силу социал-демократическое движение, пропагандировавшее идеи мира. Поэтому, критикуя отдельные аспекты политики европейских лидеров по отношению к Германии, и указывая на возможные негативные последствия изоляции этой крупной центральноевропейской державы для будущего Европы, шведское руководство вместе с тем подчеркивало, что вовсе не собирается выбирать сторону Гитлера и оказывать поддержку его режиму.

При этом многие шведы считали, что стремление Гитлера не только возродить утраченное величие “арийской” нации, но и создать новое представление о германском народе, заставить возродить Германию как великую державу заслуживало уважения36. Тем более что первые результаты гитлеровской внутренней политики привели к оживлению экономики, наметилась тенденция к снижению числа безработных. Произнесенная в рейхстаге 17 мая 1933 г. демагогическая речь Гитлера “Германия хочет мира” была благосклонно встречена шведской общественностью.

История шведских национал-социалистов показывает, что фашизм и нацизм так и не стал в Швеции массовым явлением. Стремление шведских нацистов всегда и во всем солидаризироваться с их германскими “старшими братьями” негативно воспринимались в Швеции: их рассматривали в качестве “импортного товара”, не имевшего национальных корней. Кроме того, у шведских нацистов не было ярких харизматических вождей, подобных Гитлеру или Муссолини. Шведских “фюреров” раздирала внутриполитическая борьба. Одни поддерживали Фуругорда, другие делали ставку на Линдхольма, третьи уповали на Экстрёма, четвертые предпочитали “салонного идеолога” графа Э. фон Розена. Ни один из этих лидеров не пользовался всеобщим авторитетом в стране37. Несмотря на

то, что Фуругорд и Линдхольм стремились навязать народу мысль, что именно Швеция являлась “колыбелью арийской расы”, им так и не удалось убедить своих сограждан в необходимости следовать за Германией. Реваншистские настроения, свойственные шведским национал-социалистам и “активистам” в начале XX в., в межвоенный период сменились ностальгией по былому величию Швеции. В 1930-е годы пропаганда шведских нацистских организаций померкла на фоне набирающего силы движения за нейтралитет.

Национал-социалисты в Швеции не стали партиями кризиса, как это произошло, например, с германской НСДАП. Великая депрессия для шведов не стала катастрофой, способной перевернуть сознание нации38. Швеция продолжала развиваться в условиях так называемого относительного благосостояния. Кроме того, первые успехи антикризисной политики социал-демократического правительства смягчили националистические проявления в обществе, и показали, что антисемитские настроения в жесткой форме, которую можно было наблюдать в Германии, не были свойственны шведским правым.

Пик популярности в Швеции фашистских, национал-социалистических, расистских и антисемитских идей пришелся на последнюю четверть XIX в. – первые десятилетия XX в.; затухание интереса к ним совпал с расцветом аналогичных тенденций в Германии. В конце 1930-х годов в Швеции восторжествовала идея нейтралитета. Наряду с внешнеполитическими факторами, успех политики нейтралитета и провал шведских национал-социалистов был во многом обусловлен опытом предыдущих десятилетий и выработанной у шведов привычкой мыслить неконфликтно. Важную роль играла приверженность христианским традициям. Шведы так же возлагали надежды на социал-демократическую партию, которая обещала светлое будущее своему народу. Все это, в отличие от национал-социалистического движения, которое не имело устойчивой почвы под ногами, придавало вес политике нейтралитета.

Сегодня можно наблюдать, как базовые ценности шведского общества, которые предопределили выбор нации и, как следствие, явились основой ее нейтралитета, постепенно утрачиваются. 11 февраля 2002 г. была принята новая внешнеполитическая и оборонная доктрина королевства, которая больше не предполагает обязательного нейтралитета в случае военного конфликта. Отныне нейтралитет превращается лишь в одну из ряда возможных линий поведения Стокгольма, ибо, как заявил премьер-министр Швеции Й. Перссон39, нейтралитет не покрывает всех аспектов политики Швеции в области безопасности40.

В современной Швеции наблюдается всплеск национал-социалистических настроений. В 1990-е годы стали появляться партии нацистского толка: Национал-социалистический фронт, Инфо-14, Шведское движение сопротивления, Легион Васы. Тенденция сохранилась и в 2000-е годы, когда о своей деятельности заявили еще несколько организаций: Национал-демократическая молодежь, Северный союз, Свободные националисты, Северная молодежь. Остается открытым вопрос, к чему может привести рост шведского неонацизма сегодня, в условиях размывания традиционных устоев, остававшихся незыблемыми на протяжении веков и не давших втянуть Швецию во Вторую мировую войну?

Корунова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Новая и Новейшая история. – 2012- – № 3. – С. 59-71.

1 Gregor A.J. Interpretations of Fascism. Morriston, 1974; Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985; Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989; Weinberg G.L. Germany, Hitler and World War II. Cambridge, 1995; Галактионов Ю. В. Германский фашизм как феномен первой половины

XX века: отечественная историография 1945 – 90-х годов. Кемерово, 1999; Griffin R., Feldman M. Fascism, v. I-III. London, 2004; Paxton R. The Anatomy of Fascism. New York, 2004.
2 Общество получило название в честь Г. Менделя (1822 – 1884) – австрийского монаха-естествоиспытателя, основоположника учения о наследственности.
3 Свеи – германское племя, родственное гётам, проживавшее на территории современной Швеции. От этнонима "свеи" происходит название Швеции – "государства свеев".
4 Хульткрантзон Вильгельм (1938 – 1962) – врач-анатом, антрополог, сторонник расовой теории.
5 Ларссон Роберт (1920 – 1954) – редактор научного журнала о генетике.
6 Лундборг Херман (1868 – 1943) - врач-психиатр, в 1921 – 1935 гг. директор Института расовой биологии в г. Упсала.
7 Чернышева О. В. Архиепископ Натан Сёдерблюм, лауреат Нобелевской премии мира, выдающийся религиозный и общественный деятель Швеции XX века. – Новая и новейшая история, 2011, N3.
8 Петрен Альфред (1867 – 1967) – член верхней палаты риксдага (1912 – 1935 гг.).
9 Игнатьев В. Стерилизация и "светлое будущее". Материалы семинара. – Тум Балалайка, N 17, июль-декабрь 2000 г. – http://tumbalalaika.memo.ru/articles/artnl7/nl7_04p5...
10 Россиянов К. О. Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники. – Вопросы истории и естествознания, 2000, N 1.
11 Мюрдаль Гуннар Карл (1898 – 1987) – шведский экономист, в 1933 – 1938 гг. – консультант шведского правительства по экономическим вопросам, лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г. Его жена Мюрдаль Альва (1902 – 1986)- шведский дипломат, политик и писатель, лауреат Нобелевской премии мира 1982 г.
12 Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения. М., 2009, с. 216.
13 Warenstam E. Fascismen och nazismen i Sverige, 1920 – 1940. Studie i den svenska nationalsocialismens, fascismens och antisemitismens organisationer, ideologier och propaganda inder mellankrigsaren. Stockholm, 1970, S. 25.
14 Линдфорсс Бенгт (1868 – 1913) – профессор биологии и публицист.
15 Сноп Васы – знак, который имел в своем гербе собиратель шведских земель король Густав Васа (1523 – 1560).
16 Warenstam E. Op. cit., S. 57.
17 Шведам была свойственна "rysskrack" – "руссофобия", уходящая конями в историю, начиная с Полтавской битвы 1709 г. и заканчивая отторжением от Швеции Финляндии и ее включением в состав Российской империи в 1809 г.
18 "Фашина" ("Spoknippet") – печатный орган фашистской боевой организации Швеции в 1926 – 1931 гг. Редактор – К. Хальгрен.
19 Warenstam E. Op. cit., S. 58.
20 Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 ars dossiersysstem. HP 20 Bihang Nazistema, v. 1042, S. 12 – 13.
21 Thulstrup A. Med lock och pock. Tyska forsok att paverka svensk opinion 1933 – 1945. Stockholm, 1962, S. 232 – 233.
22 Norran, 22.I.1932.
23 Drangel L. Den kampande demokrati. En studie i antinazistisk opinionsrorelse, 1935 – 1945. Stockholm, 1976; Bokholm R. Om glomda antinazistiska sanningssagare i svensk 30-och 40-tal. Stockholm, 2001.
24 Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001, с. 426.
25 Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 ars dossiersysstem. HP 20 Bihang Nazisterna, v. 1042, S. 12 – 13.
26 Чернышева О. В. Церковь и демократия. Опыт Швеции. М., 1994.
27 Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 ars dossiersysstem. HP 20 Bihang Nazisterna. V. 1042. S. 15.
28 Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 ars dossiersysstem. HP 01 Ab v. 26, S. 26 – 27.
29 В 1947 г. закон был продлен до 2002 г.
30 Riksarkivet. Stockholm. Utrikesdepartementets arkiv 1920 ars dossiersysstem. HP 20 Bihang Nazisterna. V. 1042. S. 19.

31 Statistiska centralbyran. Valstatistik 1891 – 1999. Данные за 1933 – 1936 гг. :http://www.scb.se/Pages/List_292050.aspx
32 Under J. Svar neutralitet: Sverige under tva sekel. Stockholm, 2003. S. 15.
33 Statistiska centralbyran. Valstatistik 1891 – 1999. Данные за 1937 – 1940 и 1941 – 1944 гг. :http://www.scb.se/Pages/List_292050.aspx
34 Tingsten H. Mitt liv. Mellan trettio och femtio. Stockholm, 1962, S. 268.
35 "Активисты" – сторонники участия Швеции войне на стороне Германии; их лозунг гласил: "Активный нейтралитет".
36 Aftonbladet, 31.I.1933.
37 Linder J. Op. cit. S. 53.
38 Book F. Tysk vasen och svensk losen. Malmo, 1940. S. 268.
39 Перссон Йоран – премьер-министр Швеции в 1996 – 2006 гг., лидер социал-демократической партии Швеции в 1997 – 2007 гг.
40 Волхонский Б. Швеция теряет нейтралитет. Когда нейтралитет теряет смысл. – Коммерсант, 1.XII.2000.

Др. Рекс Карри (Dr. Rex Curry).

Нацизм: сделано в США.

Автор статьи либертарианец Рекс Карри. Либертарианцы отрицают любые проявления социализма и являются сторонниками крайнего либерального индивидуализма

Оригинальный текст см. на сайте: http://rexcurry.net/bookchapter1a1h.html

В 1930-х гг. Эдвард Викс, Чарльз Бирд, и Джон Дьюи единодушно признали книгу Беллами «Взгляд назад» как вторую по значимости после «Капитала» Маркса из опубликованных книг после 1885 года. По тем временам это было солидным признанием.

Книга Беллами являлась международным бестселлером и была переведена на все основные языки, включая немецкий, и вдохновляла военный социализм по всему миру и в США.

Эдвард Беллами был также редактором «Националиста» (1889-91) и «Новой Нации» (1891-94).

Книга «Взгляд назад» способствовала созданию 167 «Клубов Националистов» по всему миру. Националисты Беллами сосредоточились на национализме («моя страна превыше других»), неистовом патриотизме, и своем интересе в национализации, или общественной собственности и тотальном управлении.

В 1919 году Антон Дрекслер, Готфрид Федер и Дитрих Экхарт организуют Немецкую Рабочую Партию (НРП) в Мюнхене. После вступления Адольф Гитлер предложил изменить название Немецкой Рабочей Партии. Рудольф Юнг настаивал, чтобы партия следовала образцу Австрийской Немецкой Национал-социалистической Рабочей партии. Как следствие, Немецкая Рабочая Партия была вскоре переименована в Национал-социалистическую Немецкую Рабочую партию. Юнг поддержал партию уже созданной идеологией, которую он привез с собой из Чехословакии. На все их истоки оказали влияние догмы Беллами.

Национал-социалистическая Немецкая Рабочая партия* также была одобрена американцами немецкого происхождения, которые уже были национал-социалистами в Соединенных Штатах и которые присоединились к движению Германо-Американский Бунд, чтобы поддержать национал-социалистов в Германии перед Второй Мировой войной.

Идеи Беллами вдохновили изрыгающих ненависть социалистов промилитаристских обществ повсеместно на социалистическую Всеобщую бойню** (Wholecaust) (частью которой был Холокост): страшная НСДАП (21 млн. жертв); Народная Республика Китай (35 млн. жертв); Союз Советских Социалистических Республик (62 млн. жертв). (Информация о жертвах взята из книги профессора Р. Дж. Руммеля «Смерть от Правительства», которая также доступна).

НСДАП действовала с 1920 года (с прорывом на выборах в 1930 г. и диктаторским правлением с 1933 г.) вплоть до вторжения в Польшу во Второй Мировой войне в 1939 году.

Влияние идей Беллами и американских социалистов можно увидеть в 25 программных пунктах НСДАП, перечисленных в конце этой статьи.

Худший президент США, социалист Франклин Делано Рузвельт, навязал национал-социализм в Соединенных Штатах, через социалистические рабские номера (система социального страхования) в 1935 году, как рабочую программу видения Рузвельтом индустриальной армии, которая совпадала с подобными программами наделения номерами в системе НСДАП. В течение этого времени дети в государственных школах были принуждены законом приветствовать флаг прямой рукой в военном строю по школьному звонку как государственные собачки Павлова.

Франклин Делано Рузвельт был так впечатлен книгой Беллами «Взгляд назад», что написал свою книгу «Взгляд вперед» (1933) о рузвельтовском способе установления национал-социализма Беллами в США.

Национал-социализм, военный социализм и индустриальная армия только усугубились в США. Сегодня дети получают рабские номера социального страхования после рождения и не могут поступить в государственную школьную систему без них. Номера используются для слежки за всем населением при переездах, путешествиях, проживании, устройстве на работу, налогах и во всем пожизненно, воруя у каждого постоянно для ветеранов индустриальной армии. Социализированные школы выросли только в размерах, в размахе деятельности и расходах и все еще существуют законы, обязывающие учителей строить классы, заставлять их в военном строю петь как роботов Клятву по школьному звонку как государственных подопытных собачек Павлова. США имеет широко распространенный социализм, бесчисленные государственные программы и законы, крупные государственные расходы, крупный долг, и поточную систему расследований как в полицейском государстве.

Национал-социализм Рузвельта совпал с публикацией в 1938 году «Бесед о национализме» Эдварда Беллами. Это чудовищный взгляд на то, как социалисты в США способствовали нацизму (НСДАП). Эдвард Беллами умер в 1898 году, но его книгу скомпилировали в 1938 году, чтобы распространять идеи Беллами по всему миру, в США (посредством национал-социализма Рузвельта), и в Германии через нацистов.

Вторжение в Польшу, начавшее Вторую мировую войну, произошло в 1939 году, было инициировано НСДАП и СССР в качестве союзников, в соответствии с их планом разделения Европы.

Распространение идей Беллами было также усилено в 1937 году, когда дополнительные произведения были опубликованы в «Эдвард Беллами говорит снова!» издательством Peerage Press, первое издание. Распространение идей Беллами было вдобавок усилено изданными «Статьями, публичными речами и письмами».

Обе книги Беллами, как и большинство книг посвященных Беллами схожи в том, что обманчиво избегают использования полной фразы «Национал-социалистическая Немецкая Рабочая Партия» и факта, что Беллами был самопровозглашенным национал-социалистом. Такого рода писательская склонность вдохновляла движение «Не говорить Наци» - тех, кто никогда не говорит и не пишет сокращения, и тех, кто всегда использует полные фразы в попытке сыграть на неистовом невежестве журналистов и писателей, и невежестве, которое они распространяют в общественном сознании публики.

Хорошее мнемоническое средство напомнить, что нацисты были социалистами (и вам требуется запомнить это), это то, что свастика – две буквы «S» перекрывающие одна другую для обозначения

«социализма» и нацисты часто использовали стилизованный «S»-символизм.

Еще одним национал-социалистическим единомышленником Эдварда Беллами был его двоюродный брат Фрэнсис Беллами, автор Клятвы Верности*** американскому флагу (1892). Большинство книг и статей об истории клятвы забывают упомянуть, что изначальное приветствие флагу было салютом прямой рукой, и не содержат исторических фото оригинального приветствия. Большинство журналистов скрывают ядовитое прошлое клятвы и поэтому основные средства массовой информации не сделали сенсационного открытия, что клятва верности стала источником салюта НСДАП, как это было раскрыто журналистом Рексом Карри.

Общепринятое утверждение о том, что жест был древним римским приветствием – это миф. Можно было бы говорить об этом в том смысле, что оно было «римским» по той причине, что Фрэнсис Беллами был родом из Рима, штат Нью-Йорк и иногда использовал термин «римский», упоминая свой родной город. Хотя больше похоже на то, что это был продукт Голливуда в старых фильмах, изображавших Древний Рим и приветствие, не основываясь на реальности.

Приветствие клятвы прямой рукой в расистских и сегрегационных государственных школах служило как распространенный пример для Германии после Первой мировой войны и существовало уже в течение более трех десятилетий до нацизма и Второй мировой войны. НСДАП вдохновлялась фильмами, клятвой верности, и более ранним национал-социалистическим движением в США.

Фрэнсис Беллами был озлобленным неудачником Вест-Пойнта, но любил прусский милитаризм и прусскую систему образования. Этот факт может быть интересным для всех, кто испытывает отвращение к НСДАП, потому что Пруссия была ведущей территорией в формировании Германской Империи, и после Первой мировой войны Пруссия продолжала существовать как самая крупная Земля в Веймарской республике и при НСДАП. После Второй мировой войны она была расформирована решением Контрольного Совета Союзников в 1947 году.

Фрэнсис Беллами и его двоюродный брат и единомышленник, Эдвард Беллами, хотели, чтобы государство стало социалистической монополией над всеми школами, покончило со всеми остальными удачными альтернативами, использовало государственные школы для переобучения, чтобы создавать «индустриальную армию» (термин Беллами) выражено смоделированную как войско в целях национализировать экономику и создать общество тоталитарного социализма, описанного в книге «Взгляд назад» Эдварда Беллами. Это объясняет ныне существующий Военно-Социалистический комплекс. Ребята Беллами активно продвигали то, что они назвали «военным социализмом» (термин Беллами).

Государство заставляло детей посещать сегрегационные школы, где они произносили клятву, используя оригинальное приветствие прямой рукой. Подобная практика началась за три десятилетия до того, как была принята в НСДАП, и государственный школьный расизм продолжался в течение всей Второй мировой войны и после, и государственные школы существуют по сей день.

Если бы государство взяло бы под свою опеку все церкви, тогда получился такой же ужасный результат – с уполномоченным государственным расизмом в государственных церквях. Решение сторонников доктрины о свободе воли должно было бы запретить социализированные церкви. И к счастью Конституция предупредила появление государственных церквей. Но, жаль, что Конституция не предупредила появление государственных школ, хотя они не были в ней разрешены.

Также книги образовательного толка о страшном влиянии идей Беллами по всему миру были написаны Сильвией Боуман («Эдвард Беллами за рубежом») и Артуром Липоу («Авторитарный социализм в Америке: Эдвард Беллами и Националистическое движение»).

Чтобы узнать больше о схожих чертах между США и НСДАП смотрите книгу «Зловещие параллели» Леонарда Пейкоффа.

***

Влияние идей Беллами и американских социалистов можно увидеть в 25 пунктах НСДАП, перечисленных в конце данной статьи.

7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20.****

* Прим. пер. – далее НСДАП.
** Прим. пер. – калька со слова Холокост, замена «Холо» в англ. на слово «все», «всеобщий»: то есть автор обвиняет любой социализм, как НС, так и советский, и китайский.
*** Прим. пер. – «Я приношу клятву верности флагу Соединенных Штатов Америки и республике, символом которой он является, - одна нация, под богом, неделимая, со свободой и справедливостью для всех…».
**** Прим. пер. – здесь они только перечислены: их нет смысла переводить, так как есть русские переводы.

«Унзер Америка»

На сегодняшний день широкая публика знакома с послевоенным неонацизмом в США: Дэвид Лэйн, Линкольн Рокуэлл, Уильям Пирс и т.д. Мы представляем нашим читателям отрывок из книги американских публицистов об НС-движении в США до начала Второй Мировой войны.

Захватив власть в Германии, Гитлер немедленно начал тайную войну против Соединенных Штатов. Вначале фюрер был одержим идеей «германизации» Америки. Он хотел низвергнуть правительство Соединенных Штатов, а для управления страной назначить гаулейтера из американцев германского происхождения.

По словам д-ра Колина Росса, идейного вдохновителя нацистского плана «германизации» США и автора книги «Унзер Америка» («Наша Америка»), в Соединенных Штатах проживают 30 млн. человек, в жилах которых течет немецкая кровь. С точки зрения Росса, эти миллионы представляют собой обширный резервуар «арийской живой силы», готовой быть мобилизованной папистами и образовать германскую армию на американской территории.

«Я твердо верю, - писал д-р Росс, — что пробьет германский час Америки». Он считал, что при условии правильной организации германские легионы сумеют вскоре осуществить успешный нацистский путч. Америку нужно «любыми путями и средствами» превратить в «Унзер Америка».

Д-р Геббельс поддержал теорию Росса, заявив: Нет ничего легче, чем совершить кровавую революцию в Северной Америке... Ни в одной стране нет кого количества социальных и расовых противоречий. Здесь мы сумеем играть на многих струнах».

Нацистские специалисты в области психологической диверсии — Рудольф Гесс, полковник Николаи и другие руководители германской психологической разведки — с самого начала скептически отнеслись к этим мечтам о германском перевороте в Америке. Гесс и Николаи предвидели, что германской «пятой колонне» в Соединенных Штатах неизбежно пришлось бы столкнуться с трудностями. Они полностью разделяли мнение тщеславного главаря американских «Серебряных рубашек» Вильяма Дадли Пэлли, который еще 22 июня 1933 г. писал нацистскому агенту, работавшему тогда в Нью-Йорке:

Правильнее всего было бы содействовать возникновению здесь чисто американского движения, которое всецело разделяло бы принципы гитлеризма, но было бы американским по своему характеру и составу; при этом оно должно полностью отвечать германским целям и задачам...

Тем не менее Гесс и Николаи не упускали из вида тех возможностей, которыми мог бы располагать фашизированный германо-американский блок. Они знали, что такой блок мог бы сыграть крупнейшую роль в их кампании психологической диверсии. Поэтому они использовали в

Соединенных Штатах десятки агентов, как Гейнц Шпанкнебель, Вальтер Каппе» Рейнгольд Барт, Фриц Гиссибль и Фриц Кун, которые должны были «обрабатывать» американцев германского происхождения, вести подрывную пропаганду и вообще выполнять функции «пятой колонны».

Через год после ликвидации германской демократии в каждом уголке Соединенных Штатов уже имелись германо-американские стрелковые клубы, «культурные» и «братские» организации, руководимые нацистами. Были созданы женские и молодежные нацистские организации, причем в задачу последних входило воспитание американских детей германского происхождения в духе расовой вражды и презрения к демократии. После 1933 г. в Америке существовали следующие, руководимые нацистами организации американцев германского происхождения:

«Лига друзей новой Германии» (предшественница «Германо-американского бунда»);

«Организация гитлеровской молодежи»;

«Союз германских девушек»;

«Служба порядка (штурмовые войска);

«Кифгейзербунд» (союз немцев – бывших фронтовиков);

«Стальной шлем»;

«Германо-американский союз потребительских обществ»;

«Германский легион»;

«Германская лига культуры»;

«Германо-американский экономический союз»;

«Лига официантов германского происхождения»;

«Молодежная ассоциация имени Гинденбурга»;

«Германский союз»;

«Германо-американский союз поселенцев»;

«Союз родины»;

«Северо-американский союз германских солдат».

Руководство этими организациями было возложена на Эрнста Вильгельма Боле – молодого нациста, родившегося в Брэдфорде (Англия), воспитывавшегося в Южной Африке и Германии и много путешествовавшего. В 1934 г. Боле был назначен главой заграничной организации национал-социалистской партии; он занимал также пост гаулейтера «Гау-Ausland» (т.е. немцев, живущих за границей).

Действуя из своей берлинской штаб-квартиры на Тиргартенштрассе 4, Боле энергично занялся нацификацией всех лиц германского происхождения, проживавших за пределами «третьей империи». Выступая в 1935 г. на нюрнбергском съезде нацистской партии, Боле сказал: «Сейчас мы переживаем разгар борьбы за создание нацистской Германии за границей». На съезде немцев, проживающих за границей, который состоялся в Штутгарте летом 1937 г., Боле заявил: «Мы знаем лишь одно понятие — абсолютного немца, который, как гражданин своей страны, всегда и везде

остается немцем и только немцем. Это же делает его нацистом». Излюбленное выражение Боле: «Кровь сильнее паспорта».

Этот малоизвестный нацистский политический деятель подготовил почву для «германизации» Австрии, Чехословакии и Мемеля. Под его руководством целые армии нацистских провокаторов занимались подстрекательством к насилию, вели антисемитскую пропаганду и разжигали раздоры во всей Европе, Южной Америке и в Соединенных Штатах. Боле собрал обширный архив, в котором можно было найти имена, биографии и данные о политических убеждениях лиц германского происхождения, проживавших за границей. Собирая эти сведения, Боле работал в тесном сотрудничестве с нацистским министерством пропаганды, гестапо и военной разведкой. В 1937 г. число членов «заграничной организации» Боле достигло, по имеющимся сведениям, 3 млн. По сообщению швейцарской газеты «Бернертагвахт», Боле создал в 45 иностранных государствах 548 групп; руководящую роль в этих группах играли 25 тыс. агентов-пропагандистов и 2500 специальных представителей гестапо. В 1937 г. этот мастер психологической диверсии затратил на свою работу около 100 млн. долларов. В 1938 и 1939 гг. его расходы значительно возросли.

В организации психологической диверсии за границей Боле пользовался услугами еще одного учреждения «третьей империи» — «психологической лаборатории». Она была создана в 1929 г. в Берлине на Лертерштрассе 58 под руководством начальника психологического управления германской армии, полковника (впоследствии генерала) Ганса фон Фосса. Первоначально эта «лаборатория» была организована в помощь рейхсверу с целью разработки психологических методов определения пригодности к военной службе, а также для общего изучения психологического аспекта военных операций. После захвата Гитлером власти В «лаборатории» открылись еще два новых отдела, находившихся под руководством полковника Николаи И полковника д-ра Альбрехта Блау. Эти отделы занимались организацией психологического наступления. «Лаборатория» предоставляла в распоряжение Боле и германской военной разведки как результаты своих «изысканий», так и обученных диверсантов. Кроме ТОГО, она консультировала по вопросам «психологической стратегии» различные папистские организации, проявлявшие особый интерес К Соединенным Штатам. В число этих организаций, главная задача которых заключалась в том, чтобы выявлять и использовать существующие в Америке поводы для недовольства населения, входили:

Германская академия в Мюнхене;

Бюро Риббентропа в Берлине;

Институт политической географии в замке Крессинзее; Германская служба обмена научной информацией

в Берлине; Институт исследования Америки в Вюрцбурге; Иберо-американский исследовательский институт

в Бонне; Иберо-американский институт в Гамбурге; Американский институт в Берлине.

«Психологическая лаборатория» ведала изысканиями в области «американской национальной психологии». По поручению «лаборатории» специально обученные «психологические наблюдатели» (т. е. шпионы) занимались всесторонним изучением Америки, начиная с характеров видных американцев и кончая настроениями в лагерях гражданского корпуса лесной охраны, и посылали подробные донесения в Берлин. В первую очередь «лаборатория» занималась поисками в Америке «очагов недовольства», которое путем умелой пропаганды можно было бы еще сильнее раз-жечь для подрывных целей. В результате своих «изысканий» «лаборатория» пришла к выводу, что таким очагом в Америке была оппозиция к Новому курсу, а более конкретно — враждебное отношение американских консерваторов к правительству Рузвельта. Нацистские психологи хотели активизировать эту оппозицию, направить ее в русло подрывной деятельности и таким образом использовать ее в интересах держав оси против Соединенных Штатов.

В 1935 г. Боле и заместитель Гитлера Рудольф Гесс приказали нацистским агентам в Соединенных Штатах заняться главным образом разжиганием вражды к правительству Рузвельта, пропагандируя тезис о зависимости правительства Соединенных Штатов от «евреев и коммунистов». Выполнять это распоряжение и возглавить нацистскую «пятую колонну» должна была «группа американских граждан». Эта группа получила название «Германо-американского бунда».

В марте 1936 г. главой новой организации был назначен бывший гаулейтер Среднего Запада Фриц Кун, работавший в то время химиком на заводе Форда в Детройте. С точки зрения «нацистов, Кун прекрасно подходил для этого поста. В 1919 г. он входил в состав пресловутой бригады Эппа, специализировавшейся на убийствах германских демократов в Баварии. В 1921 г. он был уличен в мелкой краже и приговорен к четырем месяцам тюрьмы.

Кун объявил, что «Германо-американский бунд» должен быть на сто процентов американской и христианской организацией. Это ее произвело на американцев никакого впечатления. Хотя «бунд» и завербовал несколько тысяч профашистски настроенных американцев германского происхождения, ему не удалось создать в Соединенных Штатах массовую «пятую колонну». Его работа ознаменовалась серией грязных дел, увенчавшихся арестом Фрица Куна за растрату средств «бунда». Обозленный Боле назвал организацию Куна «бундом ошибок».

Нацистским психологам становилось все яснее, что единственный способ разжечь в Америке подлинную смуту — это создать чисто американскую организацию. Нацистам нужна была американская «пятая колонна». В период с 1933 по 1939 г. в Соединенных Штатах, как грибы, росли десятки американских фашистских организаций. Именуя себя «Крестоносцами американизма», «Американской гвардией», «Серебряными рубашками», «Христианским фронтом» и пользуясь другими псевдопатриотическими и псевдо-религиозными названиями, эти «отечественные» фашисты в своей пропаганде винили во всех социальных и экономических бедствиях «евреев» и утверждали, что Новый курс был «еврейско-коммунистическим заговором», имевшим целью лишить американцев не-зависимости. В то время, как в 1932 г. в США действовала лишь горсточка антидемократических организаций, к 1939 г. таких организаций было уже создано свыше 750. С самого начала нацисты стремились расколоть американцев, натравливая христиан на евреев. «Ничего не стоит сделать из американцев заядлых антисемитов», — писал 23 сентября 1933 г. своему берлинскому начальству заместитель руково-дителя общества «Друзья попой Германии» Вернер Хааг.

Американские отечественные демагоги понимали, какое неоценимое значение могла бы иметь для них антисемитская пропаганда. 3 марта 1934 г. некий «публицист» по имени Эдуард Хантер обратился с конфиденциальным посланием к «Друзьям новой Германии». Это была в то время крупнейшая нацист-ская организация в США; во главе ее стоял германский агент Фриц Гиссибль, впоследствии вернувшийся в «третью империю» и занявший там видный пост. Хантер писал:

«Я несколько раз беседовал с д-ром Типпельскирхом (германский консул в Бостоне) и однажды сказал ему, что если бы он смог обеспечить мне финансовую поддержку из Германии, я развернул бы настоящую кампанию с весьма действенными лозунгами. Нужно лишь... организовать тысячи людей... и я готов сделать это в любое время».

Снабжением американских психологических диверсантов антисемитской и другой подрывной литературой ведали две германские официальные организации: «Международный информационный вестник» («Вельтдинст»), редакция которого обосновалась в Эрфурте, и находившийся в Гамбурге «Фихтебунд». Из этих двух источников поступали в громадных количествах направленные против демократии пропагандистские материалы. Для удобства потребителей вся эта литература печаталась на десятке языков. Она доходила до американского читателя через такие провинциальные издания, как «Сошиал джастис» отца Чарльза Кофлина, «Либерейтор» Вильяма Дадли Пэлли, «Дефендер» преподобного Джеральда Уинрода, «Бикон лайт» Вильяма Калгрена и многие другие профашистские и антисемитские газеты, журналы и бюллетени. Усиление антисемитской пропаганды в Америке

выявилось уже в 1936 г., когда сенатская комиссия Блэка, расследовавшая закулисную политическую деятельность, разоблачила подрывную работу организации «Стражи республики». Этой организации удалось собрать у видных американцев 168 тыс. долларов на борьбу с «еврейской опасностью, которой чреват Новый курс». Комиссия Блэка занесла в свой протокол тексты писем, которыми обменялись бостонский банкир Линкольн, бывший председателем «Стражей», и некий Кливленд Рэнион из Плейнфилда (штат Нью-Джерси). В первом своем письме Линкольну от 4 марта 1936 г. Рэнион негодовал по поводу того, что Рузвельт взял с собою в Вашингтон «еврейскую бригаду».

Следующее письмо Рэниона гласило: «Люди молят о руководстве, но не имеют его. Наши руководители спят. «Стражи» должны играть подлинно ведущую роль в основном вопросе. Американцы старого склада, люди с доходом в 1200 долларов в год хотят иметь своего Гитлера».

В таком же духе, но в еще более сильных выражениях, высказывался в своем письме от 31 июля 1937 г. главарь калифорнийской организации «Американская белая гвардия» Генри Аллен, человек с уголовным прошлым.

«Американская белая гвардия» торжественно предупреждает международный сброд, восточную сволочь, наводнившую наше правительство в Вашингтоне: пусть только они попробуют предать Америку, и на улицах ее городов будет нагромождено больше еврейских трупов, чем во время самых грандиозных погромов в городах Европы».

К 1937 г. нацистские психологические диверсанты достигли значительных успехов в области антисемитской пропаганды и создания подрывных организаций в Америке. Но американской «пятой колонне» не хватало еще двух существенных элементов.

Во-первых, ей нужен был подлинно популярный лидер-американец.

«Вот чего нам не хватает,— восклицал издатель нью-йоркского профашистского еженедельника «Нейшенел америкэн» Франклин Томпсон, — нам не хватает такого вождя, как Гитлер».

Другим необходимым элементом, которого еще не хватало, было «чисто американское движение» массового характера.

Майкл Сейерс, Альберт Кан. Тайная война против Америки. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – С.145-153

Алексей Ильинов

Активность революционных НС в послевоенное время.

Пик наибольшей активности революционных штрассеровцев в Европе приходится на 1960-е и 1970-е годы. Ближе к концу 1960-х годов крепкая и влиятельная штрассеровская фракция появилась в Национал-Демократической Партии Германии (НДПГ), самой крупной партии немецких крайне правых. Именно она сыграла ведущую роль в отстранении от партийного руководства Адольфа фон Таддена (Adolf von Thadden), её лидера, и внесла существенные изменения в её идеологию, которая стала ещё более контркапиталистической, антибуржуазной и народническо-социалистической. Штрассеровцы в НДПГ решительно осудили косный реакционный гитлеризм и приложили немало усилий для изживания его в партийных рядах.

В 1982 году знаменитый ультраправый НС-радикал Михаэль Кюнен (Michael Kuhnen) опубликовал штрассеровский по содержанию памфлет «Прощание с Гитлером», ставший руководством для многих революционных национал-социалистов Европы. Небольшая партия Volkssozialistische Bewegung Deutschlands/Partei der Arbeit (Народно-социалистическое Движение Германии/Рабочая Партия), запрещённая немецкими властями в 1982 году, была также штрассеровской и левой национал-социалистической. Её приемником стал «Националистический Фронт», призывавший к «антиматериалистической культурной революции» и «антикапиталистической социальной революции». В конце 1980-х годов Freiheitliche Deutsche Arbeiterpartei (Свободная Германская Рабочая Партия) под руководством Фридхельма Буссе (Friedhelm Busse) взяла курс на антикапиталистический национал-социализм с отчётливо штрассеровским уклоном.

В Великобритании штрассеровцы появились в начале 1970-х годов как инициативная группа в составе «Национального Фронта» (National Front). Вокруг партийного издания «Britain First» сложился круг авторов, куда входили Дэвид Мак Калден (David McCalden), Дэнис Пири (Denis Pirie) и Ричард Лоусон (Richard Lawson), оппозиционно настроенные против главы партии Джона Тиндэлла (John Tyndall). Они заключили союз с Джоном Кингсли Ридом (John Kingsley Read) и вместе с ним ушли в «Национальную Партию» (National Party).

«Национальная Партия» разработала внятную социал-экономическую программу, опиравшуюся в том числе и на взгляды Отто Штрассера, и призвала британский пролетариат к действиям во имя завоевания права на труд. Тем не менее организационная деятельность партии вскоре сошла на нет во многом из-за её лидера Рида и ухода основных активистов-штрассеровцев.

Эндрю Бронс (Andrew Brons) в начале 1980-х годов рискнул снова переформатировать идеологию «Национального Фронта» и перенаправить её в штрассеровское русло. Но полноценная фракция так и не сложилась в официальном «Национальном Фронте» и отошла на периферию вместе с утратившим лидерство Ричардом Лоусоном. В конечном итоге эта группа «политических солдат» (Political Soldier) стала апеллировать к традиционно-социалистическому дистрибутизму с сильнейшей антикапиталистической риторикой. Впоследствии британское национал-революционное сообщество «Интернациональная Третья Позиция» (International Third Position) встало на позиции социал-националистического революционного штрассеризма.

В этой среде сложились оригинальные взгляды небезызвестного идеолога и теоретика «третьего пути» Троя Саутгейта (Troy Southgate) - музыканта, контркультурного публициста, национал-большевика, евразийца и, позднее, национал-анархиста. Идейно-мировоззренческая платформа организаций «Английское Националистическое Движение» (English Nationalist Movement) и «Национал-Революционная Фракция» (National Revolutionary Faction), в которых он активно участвовал, тоже основывалась на идеях Штрассера. В декабре 2010 года увидела свет двухсотстраничная биография Отто Штрассера «Otto Strasser: The Life and Times of a German Socialist» («Отто Штрассер: Жизнь и эпоха германского социалиста»), написанная Саутгейтом и изданная издательством «Black Front Press».

В 1990-х и 2000-х годах рост штрассеровских организаций наблюдается повсеместно в Европе, в Америке, в России и даже в Австралии и Новой Зеландии. На самом деле ареал распространения левого антинацистского национал-социализма, национал-большевизма и национал-анархизма внушителен. В Греции, например, существует штрассеровский проект национал-автономов «Mavros Krinos» («Чёрная Лилия»), стоящий на позициях революционного национал-социализма и антикапитализма. В США экзотический ультраправый радикал и наци-расист Том Метцгер (Tom Metzger), глава воинствующего «Белого Арийского Сопротивления» (White Aryan Resistance (WAR)), познакомившийся с текстами Михаэля Кюнена, отчасти заинтересовался штрассеризмом, но его вряд ли можно назвать адекватным левым национал-социалистом, хотя его контакты с исламистами (например, с «Нацией Ислама») особенно любопытны.

Не стала исключением и далёкая жаркая Австралия, где сформировался свой собственный национал-большевистский, а затем и национал-анархический или же трайбал-коммунистический, проект. Современный национальный лефтизм Австралии заявил особенно громко о себе в 1980-х годах, а конкретно в июле 1984 года, когда правый публицист и идеолог Алек Сондерс (Alec Saunders) выпустил немало актуальную для своего времени брошюру «The Social Revolutionary Nature of Australian Nationalism» («Социал-революционная природа австралийского национализма»), в которой было обосновано размежевание со старо-правыми реакционерами и с неонацистами-расистами. «Австралийское Национальное Действие» (Australian National Action), молодая организация австралийских националистов, сознательно дистанцировалась от прозападных правых и стала внимательно присматриваться к «консервативной» эволюции Советского Союза и международному социалистическому лагерю. Сондерс существенно расширял идеологию австралийского национализма нового типа, привнося в неё свежие взгляды Эрнста Никиша, Артура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, идеи французских «новых правых» и германских консервативных революционеров 1920-1930-х годов. Антиамериканизм, непримиримый антикапитализм и антилиберализм органично вошли в его политический лексикон и практику, сходную с европейским национал-революционным фронтом.

В своей брошюре Сондерс делает следующие выводы. Вторая Мировая война, как он отмечает, была внутренней европейской гражданской войной, победу в которой одержала далеко не национальная Европа, но либерализм Запада. Нацизм и фашизм, сделавшие ставку на недалёкий этатизм, были на самом деле последним вздохом старого национализма. В союзе с Японией они объявили войну «белой Австралии» и потому никакой ориентации на них быть не может.

Австралийские националисты дня вчерашнего и дня сегодняшнего являются антисионистами, но никак не антисемитами, что для старых правых и реаниматоров нацизма почти неприемлемо.

Главный враг всего человечества — мировая плутократия и денежная элита, ибо именно они разрушают окружающую среду планеты и создают из народов и рас однообразную массу. Социалистический Восточный Блок, независимо от его недостатков и идеологических недочётов, небезуспешно противостоял сему деструктивному Мировому Порядку. Советская Россия, бывшая авангардом «славянского Ренессанса» в эпоху Сталина и после него, всегда была враждебна к Западу как к «анти-цивилизации». Другие решительные вызовы плутократам были в каддафизме, чёрном африканском социализме, в национально-социалистических моделях государств Тито и Кастро, а также в Исламской революции.

Наконец, Сондерс выявляет связи австралийского социализма Уильяма Лейна (William Lane) и прочих с индоевропейским «варварским» наследием, родоплеменным (или же трайбал) коммунизмом (old tribal-communism), древним язычеством и консервативно-революционными воззрениями Никиша, Мёллера ван ден Брука и Шпенглера.

Таким образом его программная работа, насыщенная витализмом, стала поворотным пунктом для перезагрузки едва ли не всего австралийского национализма, в котором появилась активная национал-большевистская фракция, чья деятельность продолжается и в наши дни.

Вальтер Кексель и Одфрид Хепп

Прощание с гитлеризмом. 1982 г.

Это воззвание было написано не кабинетным интеллектуалом и не сторонником «цивилизованной политической борьбы в рамках закона». Этот манифест является единственным когда-либо опубликованным программным документом боевой группы немецких национал-социалистов. Одфрид Хепп в начале 80-х как раз осуществлял взрывы на американских военных базах. Его жизни посвящены книги и документальные фильмы. Военно-спортивная группа Хоффмана, тренировочные лагеря палестинцев в Ливане, атаки на американские военные базы, ограбления банков, жизнь в ГДР, сотрудничество с Фронтом освобождения Палестины и т.д. Разве что Хепп в итоге изменил правилам хорошего тона для матерого боевика – раскаялся в содеянном и «твердо встал на путь исправления». Но в 1982 году, когда был написан данный манифест, до этого было еще ой как далеко.

Необходимость в этом заявлении появилась, потому что в «националистических» кругах стало, распространяются все больше и больше чуши про нас. Этим заявлением мы не только прощаемся с гитлеризмом, но и со всеми буржуазными проявлениями национализма, так же, как и со всеми фетишистами из так называемого НС движения.

Гитлеризм в 1933-1945 неуклонно вел Германию к катастрофе 1945-го, из последствий которой мы никак не можем выбраться.

После того как Запад навязал Германии Версальский диктат в 1919, наряду с КПД (Коммунистической партией Германии) НСДАП так же стала национал-революционной силой, противостоящей Версалю. Хотя в НСДАП были весьма достойные революционеры, они все со временем покинули «движение» (Отто Штрассер, Вальтер Стеннес, Грегор Штрассер и др.), потому что НСДАП все более превращалась в буржуазную партию Гитлера. Хотя, например, Эрнст Никиш ясно понимал, что враг - это буржуазный капитализм Запада, а не русский большевизм, НСДАП уже тогда делала шаги навстречу Западу. В результате после того как гитлеризм утвердился у власти, а последние революционеры, собравшиеся вокруг Рема, без которого Гитлер никогда бы не добился власти, были убиты, гитлеризм пытался подружиться с Англией самым постыдным образом.

Даже после того, как Западу с помощью своей падчерицы Польши удалось втянуть Гитлеру, как мальчишку, в войну, Гитлер с маленькой кликой вокруг себя пытался помириться с Западом. После пакта с Россией, быстро подписанного в 1939, та же страна была атакована 22 июня 1941, пожалуй, это самый несчастливый день в нашей истории. Эта «Восточная компания» принесла невыразимые страдания немецкому и русскому народам. Обе нации на этой войне пожертвовали элитой своей молодежи. Запад ответил Гитлеру на все его заигрывания массовым истреблением немецкого населения в ходе бомбардировок. Во всем этом виноват Адольф Гитлер, который как лидер, главнокомандующий и рейхсканцлер один несет ответственность за такой поворот событий.

Возможно, стоит сказать еще несколько слов по поводу исторического национал-социализма, который мы не считаем синонимом гитлеризма. У национал-социализма были хорошие и правильные начинания, например в социальной, семейной, молодежной и культурный политике. Благодаря выдающимся способностям его фюрера гитлеризму удалось частично реализовать эти хорошие начинания. Поэтому восторженный народ не сопротивлялся последовавшему гитлеристскому беспределу. Как прав был Эрнст Никиш, когда он предсказал в 1932, что, в конце концов, будет могила, в которой исчезнет послевоенное поколение молодых немцев, в которое Никиш так сильно верил, из-за того, что демагог знал, как полностью сломать их немецкую волю к сопротивлению.

«Тогда останется изнуренный, опустошенный, разочарованный народ, люди, которые потеряют всякую надежду и в своей усталости поставят под сомнение смысл всего будущего немецкого сопротивления. А Версальский порядок станет жестче, чем был когда-либо.» (Эрнст Никиш: «Гитлер – злой рок Германии»)

Для нас было шоком, когда мы поняли, что крайне правые все больше и больше скатываются к культу Гитлера, который лишь тем отличается от других сект или религий, что они не приносят в жертву животных и не воскуряют благовония. Если кто-то сегодня все еще полагает, что Адольф Гитлер - наш фюрер и рейхсканцлер, то мы можем, лишь посоветовать этому человеку не назвать всю эту нереалистичную ерунду политикой, а вместо этого найти какое-нибудь церковное объединение, в котором можно заменить реликвии и поклоняться им - вместо Иисуса Христа, Креста, Библии, и т.д. Адольфу Гитлеру, Свастике и «Mein Kampf.»

Это, прежде всего призыв к молодым товарищам, которые все еще находятся в поиске, не подчиняться догме гитлеризма, а критически подвергнуть его сомнению, как это сделали мы, те, кто однажды уже был пойман в ловушку этой ограниченности.

Точно так же наряду с гитлеризмом мы полностью осуждаем буржуазный национализм, который снова заигрывает с буржуазным Западом или даже открыто призывает к союзу с ним. Мы можем быть только счастливы, что есть стена, разделяющая Германию, потому что эта стена гарантирует, что все еще есть 17 миллионов здоровых немцев в восточной части нашей страны, в то время как в нашей части (на Западе) люди умирают и духовно и эмоционально.

К этим двум извращениям национализма может быть добавлено третье - НС фетишизм, связанный с униформой. Мы не хотим тратить впустую хоть сколь-нибудь времени, обсуждая это, потому что к любому, кто стремится найти силу в фетише из-за стремления к своему личному удовлетворению или из-за недостатка индивидуальности, нельзя серьезно относится с политической точки зрения.

Таким образом, можно отметить, что эти три дегенеративных типа национализма больше вредят настоящему делу, антиимпериалистической освободительной борьбе, чем служат ему.

Мы не сомневаемся, что в этом движении есть некие позитивные революционные силы, но это не меняет нашего фундаментального его отрицания. Мы не ставим своей целью повернуть колесо времени вспять и снова построить государство гитлеровского типа. Вместо этого мы хотим вести освободительную борьбу, которая гарантирует выживание нашего народа. В этой борьбе против американизма мы приветствуем любого, кто, как и мы, понял, что у нас лишь тогда имеется шанс, когда активная молодежь, которая есть и в левых и правых кругах, встает над догмами и объединяется в освободительной борьбе. Естественно, мы также сердечно приветствуем зарубежных антиимпериалистов, живущих вне ФРГ которые хотят участвовать в нашей борьбе.

Наконец, мы также хотели бы подчеркнуть, что мы не «правые» и не «левые» и мы не хотим сделать из Германии ни еще один американский штат ни еще одну советскую республику. Мы не рассматриваем систему, которая подходит для России, в качестве приемлемой для нашей страны. Но мы, ни в коем случае не недооцениваем антибуржуазную и антикапиталистическую силу большевизма и хотим, что бы нейтральная Германия жила в мире и дружбе с Советской Россией.

В этом заявлением мы попытались быть объективными и бесстрастными, хотя это не всегда было легко, учитывая наше безграничное презрение к большинству правых.

В таком духе – вперед к антиимпериалистической освободительной борьбе!

30 июня 1982